

ГЛАВА II

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Простое предложение в языках любого типологического строя — агглютинативных, флективных, аналитических — представляет собой неотъемлемый синтез двух ведущих составных величин: подлежащего и сказуемого, или субъекта и предиката. В тюркских языках субъект и предикат могут быть представлены в одном члене предложения (ср. *алдым* 'я взял'), причем наличие предиката в предложении является обязательным. Предикативность является основным грамматическим условием для предложения.

Сравнительно-исторический анализ структуры простого предложения в тюркских языках ставит своей задачей не только выявление его древнейших типов и их отнесение к тюркской языковой общности, но и прослеживание тенденции его исторического движения, развития в ретроспективном плане. Поэтому, естественно, основным объектом сравнительно-исторического анализа являются те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность своего развития. С точки зрения анализа строевых элементов простого предложения наименьший интерес для сравнительно-исторической грамматики представляют способы выражения подлежащего, которые должны по праву интересовать описательную грамматику. Область подлежащего оказалась исторически относительно устойчивой. Подлежащее во всех тюркских языках во все исторические периоды выражалось почти всеми разрядами имен, местоимений, а также другими частями речи в случае их субстантивации.

Совсем иную картину дает область сказуемого. Здесь, как будет показано ниже, наблюдаются исторические изменения за счет и развивающихся глагольных времен, и связочных средств. Грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения — именной или глагольный. Соотношение этих двух типов имеет очень важное значение для грамматики тюркских языков. Не случайно, что проблема генезиса структуры предложения многими исследователями-тюркологами неразрывно связывалась с природой сказуемого. Ср. теории происхождения и развития структуры тюркского предложения, а тем самым и сказуемого.

Выявлению древнейших типов простого предложения в какой-то мере поможет предлагаемая классификация типов простого предложения в зависимости от способов грамматического выражения сказуемого-предиката.

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вряд ли можно сомневаться в том, что в тюркском праязыке уже существовало именное предложение, т.е. предложение, содержащее в своем предикате имя. Такое предположение подтверждается прежде всего памятниками древнетюркской письменности, где именное предложение выступает как уже вполне сформировавшееся явление.

Именное предложение как объект сравнительно-исторической грамматики представляет интерес в плане проблемы существования связки. Современное состояние тюркских языков обнаруживает значительное разнообразие связочных средств, а в ряде случаев и их отсутствие. Возникает очень интересная историческая проблема: было ли это разнообразие способов выражения связи изначальным, или в тюркском праязыке существовал какой-то более однообразный способ ее выражения, и существующий в настоящее время разнотип представляет вторичное явление. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть, какие типы связки существуют в современных тюркских языках.

В ряде современных тюркских языков именное сказуемое любого грамматического разряда может не иметь личного оформления: алт. *Мен алтай кижги* 'Я алтаец'; *Саер алтай улус* 'Вы алтайцы' [Дыренкова 1940, 237]. В башкирском языке, по наблюдениям Н.К. Дмитриева, аффикс 3-го лица почти всегда пропускается. По аналогии с 3-м лицом аффиксы сказуемости могут отсутствовать и в двух других лицах. В живой речи, как указывал Н.К. Дмитриев, этими аффиксами почти не пользуются. Лицо и число выражаются личным местоимением субъекта, постановка которого в данном случае обязательна. Ср. *Мин язгысы* 'Я писатель'; *тин укыусы* 'Ты ученик' [Дмитриев 1948, 53]. Таким образом, в современном башкирском языке, отмечает Н.К. Дмитриев, наблюдается тенденция передачи предикативных отношений чисто синтаксическим способом — сочетанием подлежащего и сказуемого, как, например, в русском языке. Однако, судя по данным фольклора, можно предполагать, что в более старом башкирском языке употребление аффиксов сказуемости было нормативным [Там же, 53, 54].

Во многих тюркских языках аффикса сказуемости нет во всех трех лицах: кар. *Мен тювюл кыз* 'Я не девочка'; *Сон айтырлар, ки биз карахчылар* 'Потом скажут, что мы разбойники'; кар. т. *Билмядм ки, сен бунди шерей*. — *А сен перей* 'Я не знал, что ты такой жулик. — А ты перей' [Мусаев 1964, 129]; туркм. *Бу мен, бу мен* [Курбанов и др. 1964, 21] 'Это я, это я'; *Хер кимиң өз дерди өзуне ажы* 'Всякому своя обида горька' [ФСл. 1963, 27]; уйг. (хамийск.) *Атлар (ы) урок, јоллары узак* 'Лошадь слабы, а дороги длинны' [Малов 1954, 16, 27]; наречия Синьцзяна: *јарның мен калänderi* 'Я слуга у моей любимой' [Малов 1961, 36]; *Ўзе немә дисе, ўзе пул* 'Если спросишь, что это? Это — деньги' [Малов 1961, 27]; *Сен тагы гүдек бала өкән* 'Ты, оказывается, еще младенец' [Там же]; чув. *Чёйхене эфир пыл та су, кәмәл па пәр та чул* 'Наша речь — мед да масло; а нутро — лед да камень' [МГЧЯ 1957, 126].

Во всех языках может отсутствовать оформление 3-го лица именного сказуемого. В ряде языков аффикс сказуемости 3-го лица опускается независимо от стиля речи. Ср. каз. *Оның ойлауы тым академиялық* 'Его

рассуждения слишком академичны' [РКСл. 1954, 19]; кирг. *Кенен дүйнөдө жаз* (Жусупов, 14) 'В просторной вселенной лето'; ног. *Омынь литературный стажы коьтере де аз* (Ленин йолы) 'Его литературный стаж совсем небольшой (маленький)'; тув. *А.С. Пушкин — улуг орус чогаалчы 'А.С. Пушкин — великий русский писатель'* [ТРСл. 1955, 715]; хаак. *Пу хорымнарда албына ас* 'В этих россыпях (камней) мало соболей' [ХРСл. 1953, 475]; чув. *Кёпер вярэм, кёпер вярэм, Эп туясар кацирас сук, Ёмёр вярэм, нуям самрэк, Эп юлташсар пурнияс сук* 'Длинен мост, длинен мост, Без палки не перейти мне. Долог век, сама я молода. Без мужа не прожить' [МГЧЯ 1957, 186]; як. *Кини саха* 'Он якут'; *Оџо кыра* 'Ребенок мал' [Харитонов 1947, 92].

Отсутствие личного оформления в 3-м лице возможно у именованного сказуемого в падежном оформлении или в сопровождении служебных слов. Ср. кирг. *Жыпар быйыл он секиз жаштын кырында* (Жунусов, 6) 'Жыпар в этом году только что достигла восемнадцати лет'; тат. *Безнең полк окопта* (Юлтый, 93) 'Наш полк в окопах'; тув. *Бо ном башкының* 'Эта книга учителя' [ТРСл. 1955, 124]; туркм. *Төвзе йылың босагасында* (Гурбансахедов, 243) 'На пороге нового года' и т.п.

Отсутствие личного оформления у именованного сказуемого зафиксировано уже в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Тоньюкук: *Türk bilgä qaγan ilñä bititdim bän bilgä Toñuquq* 'Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана' [Малов 1951, 64, 70]; Кутадгу билиг: *أرى توکال قدر تلغ بادشاه اغراق اری* 'Он всемогущий царь' [Там же, 231]; Махмуд Кашгарский: *تغراق ییمی انک اغلاق* 'Житель огракский энергичен. Пища его баранина' [Там же, 309, 312].

Трудно сказать, чем вызвана эта закономерная тенденция разрушать сказуемое личное окончание в 3-м лице — возможным ли влиянием иноязычной среды (гагаузский, караимский, татарский, чувашский) или какими-либо другими причинами. Однако в некоторых тюркских языках, например азербайджанском, опущение аффиксов сказуемости, имеющее место в разговорной речи, является жанрово-стилистическим средством, а не грамматической нормой языка: *Сән аға, мән аға, инәкләри ким саға* [АГ 1959, 101] 'Ты господин, я господин, а кому коров подонть'.

Употребление аффиксов сказуемости в 3-м лице ед. числа нередко вызвано стилистическими требованиями. Сказуемое в таких случаях передает разнообразные оттенки — недостоверность действия, неуверенность говорящего в своих словах, смысловую важность высказывания и другие модальные оттенки. Ср. туркм. *Бу гавун ширин* 'Эта дыня сладкая (безусловно)' но: *Бу гавун шириндир* 'Эта дыня (пожалуй) сладкая' [Поцелуевский 1943, 157].

Стилистические случаи употребления афф. *-дыр* в определенном жанре языка лишней раз свидетельствуют о его неустойчивости. Ср. кумыкский язык, в котором наглядно употребление двух типов образований: *о ишчидир* и *о ишчи* 'он рабочий'. Тенденция утраты оформления 3-го лица в известной мере объясняется тем, что 3-е лицо вообще не имело особого аффикса сказуемости.

Имя + личные аффиксы 1-й категории. Аффиксы сказуемости генетически восходят к личным местоимениям. В тюркских язы-

как они нередко используются в роли глагола-связки. Ср. кум. *Мен ерли партия кәурүмкү вакилимен. Сен халкь сайлагъан ёлбашчысан* (Ягъияев 140) 'Я представитель местной партийной организации. Ты выбранный народом руководитель'.

В чувашском языке нет аффиксов сказуемости, они смешаны с аффиксами 2-й категории (т.е. принадлежности). В якутском языке в 1-м и 2-м лицах мн. числа форма сказуемости совпадает с формой принадлежности. Эти формы различаются лишь в контексте. Ср. *Биһиги оҕолорбут кэллэлэр* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биһиги кыры оҕолорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.) [Харитонов 1947, 93].

Личные местоимения 1 и 2-го лица в качестве аффиксов сказуемости зарегистрированы во всех тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Отүкән йиши олурсар бәңгү ил тута олуртачы сән, түрк будун, ток Арык ок сән, ачык, тосык, төсык өмәз сән; бир годсар, ачык өмәзсән* 'Когда ты останешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден, (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (т.е. истинных причин сытости), и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода' [Малов 1951, 28, 35]; Среднеазиатский тефсир: *Мән бир јаңлуқ мән* 'Я есмь некое существо' [Боровков 1963, 221].

В отношении 3-го лица также существовала тенденция использовать в качестве аффикса сказуемости личное местоимение – тенденция, так последовательно реализованная в отношении первых двух лиц. Следы этого процесса сохранились в памятниках древнетюркских языков, а также в отдельных современных тюркских языках. Ср. башкирский язык, в котором в роли аффикса сказуемости 3-го лица при именах весьма часто употребляется личное местоимение *ул* 'он': *Хасән язусы ул* 'Хасан – писатель' (букв. 'Хасан – писатель он'). Характерно, что в этом случае *ул* осознается как отдельное слово, а не аффикс; внешне это выражается в том, что слово *ул* сохраняет стабильность звукового состава, т.е. не подчиняется сингармонизму. Это же явление наблюдается и в татарском языке: *Дәрәсен айтканда, халык зур ул, көчле ул, дәрле ул, моңлы ул, әдил ул, шагыйрь ул* 'Говоря правду, народ велик, силен, бодр, певуч, ученый, поэт' [Закриев 1963, 30].

Следы прежнего употребления местоимения 3-го лица *ол* сохраняются чаще в случаях эмфазы: алт. *Кандый аайлу маатыр ол – көрүп, ишинеп келдер!* 'Что это за богатырь – съездите и посмотрите, разузнайте!' (Алтынбизе, 40); тат. *Яңалиф шәрктә революция – ул* 'Новый алфавит – революция на Востоке'. В тувинском языке также можно встретить местоимение 3-го лица в качестве аффикса сказуемости: *Ол өөреникчи ол* 'Он ученик'; *Ол амылдап тур ол* 'Он работает'; *Мал хавуда чор ол* [Исхаков, Пальмбах 1961, 223] 'Скот пасется на пастбище'.

Памятники – Тоньюкук: *Türk budun jämä bulğanč (ol,-timis), oğuzu jämä tarğanč ol,-timis* 'А тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии' [Малов 1951, 62, 67]; Кутадгу билик (наманганск.): *tiläğin nä ol?* 'каковы у тебя желания (просьбы)?' [Там же 252, 276]; хорезмийские памятники XIV в.: *айыдык вақтында сөз тәндүрүст ол* 'В трезвом состоянии слова полезны' [Фазылов 1966, 38] и т.д.

Последовательное употребление личных местоимений в предикативной

роли, их зависимое положение по закону тюркского агглютинативного строя речи привело к дальнейшему их развитию, подчинению закону гармонии гласных, т.е. превращению в аффиксы, фонетическая вариантность которых зависела от состава гласных слова, к которому они присоединялись: гаг. *Сән күчүксүн, не йатажан орда?* (Буджактан, 113) 'Ты маленький, что там будешь делать?'; ног. *Боляк-болмаяк соьзлерге аз тынъ-ламага керексинъ* (Кень йоллар, 19) 'Ты должен меньше прислушиваться к пустяковым словам' и т.д.

Аффикс сказуемости 2-го лица мн. числа получил дальнейшее развитие, приобретая в ряде тюркских языков форму *-сыныз/-сыгыз*, где *-ыз* — показатель множественности. Ср. гаг. *Ииликчи адамсын сән Иванчу, ииликчи сенин гелинин дэ, хализ адамсыныз* (Буджактан, 113) 'Хороший ты человек, Иванчу, и хорошая твоя невеста, вы настоящие люди'.

В карачаево-балкарском языке наблюдается фонетическая трансформация личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, выступающих в роли связки, — *ма/-ме, са/-се*: *Мен учителме* [Дмитриев 1962, 379] 'Я учитель'.

Особо выделяется модель именного сказуемого с аффиксами 1-го лица *-ым/-им, -ум/-ум, -ам/-ам*. Данный тип аффикса в его узком варианте обнаруживает совпадение с аффиксами принадлежности. Этимологическая общность аффиксов 1 и 2-й категорий, их связь с личными местоимениями отмечались в тюркологической литературе. Во всяком случае, этот тип аффикса сказуемости указывает на контаминацию в пределах одной парадигмы аффиксов сказуемости и принадлежности. Ср. аз. *Мән колхозчуям* 'Я колхозник' (но *Сән колхозчусан* 'Ты колхозник'). Совпадение аффиксов сказуемости и принадлежности в 1 и 2-м лицах мн. числа наблюдается и в якутском языке. Ср. *Биһиги оҕолорбут каллилар* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биһиги кыра оҕолорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.).

Применительно к 3-му лицу именного сказуемого в большинстве тюркских языков употребляется аффикс сказуемости *-дыр/-ды*, который этимологически восходит к глаголу *турмак* 'стоять'. Такой же переход значения 'стоять' → 'быть' наблюдается в ряде языков других систем. Ср. фр. *être* 'быть', восходящее к лат. *stare* 'стоять'. Это второй тип выражения сказуемости в тюркских языках: аз. *Июль айынын сонларыдыр* (Ибрагимов 1958, 9) 'Был конец июля'; гаг. *Фольклор чок лазымлы иштир* (Буджактан, 5) 'Фольклор — очень нужное дело'.

Из ранних памятников тюркских языков *-дыр* довольно часто встречается в памятнике Codex Cumanicus: *Menim xallal xatunymdyr* [Grönbech 1942, 99] 'Она моя законная жена'; документы на половецком языке XVI в.: *Keldi orus lavrin jurko vojf alyna da ketxojalар alyna da ajt(r)i ki bilар борчлу дур манга 4 см да hali hasta дыр жебер билікин да сор* 'Перед войтом Юрко и старшинами предстал русский Лаврин и сказал (что): Господа судьи, должен мне (Марех) 4 руб., но он сейчас больной' (ДП, 129, 289).

В памятниках тюркских языков сохранилась более полная форма афф. *-дур/-тур* — форма аориста *-турур*. Ср. ст. -узб. *Ташви бэйхатдурур* 'Мучения безграничны' [Щербак 1962, 202]; Золотой блеск: *Оқулум жаңы болмыста дегүнчүм савинчим аз арти кининдә оқулуғ жітүрдүктә, пусусы әмгәки укүс турур* 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня

было мало, а впоследствии, при утрате сына, горя и печали о нем обнаруживается много' [Малов 1951, 178, 185].

Наблюдается тенденция превращения афф. *-дыр* в связку и его участие во всех других лицах, т.е. здесь происходит выравнивание всей парадигмы по аналогии. Ср. туркм. *мен студентдирин* 'я студент', *сен студентдирсиң* 'ты студент', *ол студентдир* 'он студент', *биз студентдирис* 'мы студенты', *сиз студентдирсиңиз* 'вы студенты', *олар студентдирлер* 'они студенты'; *Шү ериң дүйиң эеси мен-д(и)р(и)н* 'Настоящий хозяин этого ущелья — я' (Туркм. сказки 71, 119).

В языке желтых уйгуров (сарыг-уйгуров) имеется фонетический вариант *-грој-дро* (<туру<турур), который также обобщается и прослеживается в предикативном употреблении по всем лицам: *Мен малгыш (дро)* 'Я пастух' [Тенишев, Тодаева 1966, 18]; *Сен окул-тро* 'Ты (есть) сын' [Малов 1957, 189].

Участие показателя *-дыр* как связки в других лицах наблюдается и в памятниках тюркских языков: ст. -узб. *Ітиңдурман* 'Я твоя собака': *Јабра'їл айтти Јабра'їлдурман* 'Джабраил сказал: Я Джабраил'; *Көңүм күјәдурур* 'Мое сердце сгорает' [Шербак 1962, 202]; Среднеазиатский тегсир: *ја'ни іса айтди* 'растанмиш турурман ол китабда манди илгару ибариб турурди' т.е. Иса сказал: я направлен для подтверждения того, что в той книге было ниспослано до меня' [Боровков 1963, 254]; хорезмийские памятники XIV в.: *Мән Жабра'їл турур мән* 'Я Джабраил' [Фазылов 1966, 62] и др.

Как показывает вышеприведенный материал, категория сказуемости в плане наст. времени имеет довольно разнообразные способы своего выражения как в современных тюркских языках, так и в памятниках. Категория сказуемости в сфере прош. времени отличается большим единообразием. Во всех современных тюркских языках единым способом выражения категории сказуемости в сфере прош. времени является не дост а т о ч н ы й глагол *а-йи-*, принимающий личные аффиксы 2-й к а т е г о р и и (принадлежности): аз. *Бир мәрғәбәли даш эвин пәңғәрәләри тайбатай ачыг иди* (Меһди 1953, 79) 'Окна одноэтажного каменного дома были настезь раскрыты'; каз. *Орғаныш ұлдарының бірі еді* (Сейфуллин, 119) 'Он был одним из его средних сыновей'; тат. *Карт миңа килгәндә бәтенләй ябық иде* (Кутуй, 67) 'Когда старик пришел ко мне, он был совсем тощий'; як. *Былырын атам председателъ этэ* 'В прошлом году отец мой был председателем' [Харитонов 1947, 219].

Наблюдается тенденция перехода недостаточного глагола *эди* в аффиксальный показатель сказуемости в прош. времени. Следы этого перехода можно заметить в тех случаях, когда *эди* меняет свой фонетический состав в зависимости от гласного состава предшествующего слова. Ср. уйгурские наречья Синьцзяна: *Ігәрәс іда ол бер пашаниң бер кизи бар іды* 'В прежнее время у царя была одна дочь' [Малов 1961, 13, 16].

В отдельных тюркских языках *эди* последовательно трансформируется в афф. *-ды*, имеющий фонетические варианты в зависимости от степени действия закона гармонии гласных и согласных в соответствующих языках: гаг. *Бу евдә хепси чүрүктү, бурукту, ерләр топрактылар* (Карачобан, 33) 'В этом доме все было прогнившим, сморщенным (сжавшимся), пол был земляной'; тур. *Evin ... odalarunun hepsi karantıktı* (Sabahattin 1956, 40)

‘Все комнаты в доме ... были во мраке’; туркм. *Энаниң соңқы сөзлериниң манасы Нурмырат учин душнуклиди* (Гурбансахедов, 219) ‘Значение последних слов матери было ясно для Мурата’; чув. *Ку садсем вырăнĕнче ёлĕк пасарчĕ* ‘На месте этих садов раньше был базар’.

В тюркских языках юго-западной группы, а также в якутском от недостаточного глагола *ă-/u-* могут быть образованы формы *имиш*, *эбит*, выражающие модальный оттенок неочевидности действия. Ср. тур. *Sen Moskovada imişsin!* ‘Ты, оказывается, был в Москве!’ [Кононов 1956, 392]; туркм. *Кадыман икиси гардаш имишлер* ‘В старые годы оба (племени) были братьями’ [Поцелуевский 1943, 42]; як. *Бу трактор сана эбит* ‘Этот трактор, оказывается, новый’; *Эниги биригэдьширгит дыахтар эбит* ‘Ваш бригадир, оказывается, женщина’ [Харитонов 1947, 219]. Подобно *эди*, *имиш* в отдельных случаях может превращаться в афф. *-мыш*: туркм. *Чары аганың оглуның ады Дурдымыш* [ХЗТД 1960, 442] ‘Имя сына Чарыага было Дурды’.

Из общетюркских памятников связка прош. времени *эди* встречается в памятнике разговорных кыпчакских языков и диалектов XII–XIV вв. – Codex Cumanicus: *Ol juküz neçik bir oçlan bigev edi* ‘Та звезда так была похожа на юношу’ [Grönbech 1942, 90].

В преобладающем большинстве памятников тюркских языков распространена парадигма недостаточного глагола от основы *är-/эр-*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Äçim kağan олуртукда, öзім тардуш будун үзä шад ärtim* ‘Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардуш’ [Малов 1951, 30, 39]; енисейск.: *Атым Äl Туған тутук бан таңри äimkä älçisi ärtim, алты бәз будунка бәг ärtim* ‘Мое имя Эль Туган Тутук. Я был посланником (эльчи) у божественного моего государства. Я был князем (бег) шестисоставному народу’ [Малов 1952, 11]; Кутадгу билиг: *Jula ärdi xalqqa qarayıu tını* ‘Он был светильник народа в темную ночь’ [Малов 1951, 240, 269]; Золотой блеск: *Kü tau atl(y)γ bir bāg balyq bāgi ärti* ‘Был начальником города чиновник отдела чанг по имени Кю-Тай’ [Малов 1951, 154, 157] и т.д.

В большинстве ранних тюркских памятников встречается и образование *ärмиш*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Süçig сабын јымшақ ағын арып, ырак будуның анча* (чит. *інчә*) *јағутыр әрміс* ‘Прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекли к себе далеко (жившие) народы’ [Малов 1951, 28, 34]; Гада-тельная книжка: *Mañıllıg bāg är ärmis!* ‘Веселый князь был героем’ [Там же, 80, 85]; Кутадгу билиг (наманганск.): *Nä ärmis tilägi, kim ärmis özi!* ‘Какие у него были желания, кто был он сам?’ [Там же, 250, 275]; Золотой блеск: *törtünçi bir kök tonlıcy atlyγ bāg ärmis* ‘Четвертый из них был начальником, на коне, одетый в голубую одежду’ [Там же, 154, 157].

В памятниках имеют место отдельные случаи употребления связки *ärмиш* применительно к наст. времени, т.е. в роли связки наст. времени. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *Qayany alp ärmis, aǰuçysy bilgä ärmis* ‘Каган его – герой, а советник его – мудрый’ [Малов 1951, 67].

Как свидетельствуют материалы современных языков и памятников, в тюркских языках существует развитая парадигма для связки прош. времени. Но есть ли парадигма для связки наст. времени? Старые памятники и живые диалекты тюркских языков сохраняют несколько форм не-

достаточного глагола *ä/är-* в сфере не только прош., но и наст. времени: *ärür* 'он есть', *emes* 'не есть', *ärti* 'он был', *ärsär* 'если он будет', *ärkän* 'он был' (по свидетельству других), *ärti* 'он был и т.д. [Котвич 1962, 281]. Формы, относящиеся к VIII в., образовались от основы *är-*, а те, что встречаются в современных языках, — от более краткой основы — *-ä*. Эти последние известны в трех вариантах: *ä*, *e*- и *i*-, которые различаются между собою степенью открытого гласного.

В. Котвич считает, что корнем рассматриваемого глагола связки является *ä-*, который в некоторых диалектах расщепился на варианты с узкими гласными: *e* и *i*. Ставя вопрос о возможности реконструкции модели простого именного предложения со связкой наст. времени, допустимо предположить, что такая модель существовала в праторкской общности, что существовала связка наст. времени с полной парадигмой и что ее этимологически более ранний вариант — *ä/e/i-*. Но как связан с ним фонетический вариант *är/эр-*? Последний вопрос довольно сложный, не получивший еще окончательного разрешения. Здесь можно допустить две гипотезы: 1) либо изначально существовали два недостаточных глагола — *ä-ä-* и *är-эр-*; 2) либо, пожалуй, более вероятно, первоначальным был вариант *-ä*, а элемент *-р* — вторичного образования и является в данном случае показателем наст.-буд. времени. Вследствие переразложения основ позднее могла возникнуть новая основа вспомогательного глагола 'быть' — *är-/эр-*. В некоторых более поздних тюркских языках элемент *-р* мог утратиться.

В пользу того обстоятельства, что элемент *-р* в форме *är-/эр-* возник как показатель аориста, свидетельствует факт сохранения довольно распространенного в кыпчакских языках слова *ämäs* 'не есть, нет (не имеется, не то)', которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ä-*; можно поэтому предположить, как заметил В. Котвич [1962], что существовала также утвердительная форма аориста — *är*. Ср. алт. *Бу туу бийик эмес* 'Эта гора не высока', *Ол кайчы эмес* 'Он не сказитель' [Дыренкова 1940, 240]; шор. *Колзас тынь ырак эбес* 'Колзас (отсюда) недалеко' [Дыренкова 1941, 281].

Как уже отмечалось выше, связка *är-/эр-* зарегистрирована в ранних памятниках тюркских языков. Парадигма ее в наст. времени могла иметь такой вид:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>erür men (erüräm)</i>	<i>erür biz</i>
2 л. <i>erür sen</i>	<i>erür siz</i>
3 л. <i>erür</i>	<i>erürlär</i> [Eckmann 1966, 80]

В тех же памятниках зарегистрирована и отрицательная форма аориста — *ärtäs*. Ср. Золотой блеск: *Катыгъ өсир әрмәз му, ким мәниң бу јүрәкәм јарылып бökкөилін бармадын?* 'Тяжелый жезл (вачир) не будет ли? Что с моим сердцем?' [Малов 1951, 179, 186]; хорезмские памятники XIV в.: *Йаш армазман* 'Я не ребенок' [Фазылов 1966, 43].

Современные тюркские языки сохранили производные образования от основы *e-/i-*, соотносимые с планом прош. и наст. времени — *екен, эса* и проч. [Eckmann 1966, 179, 180]: каз. *Ой, сен де қызық екенсің, сен де шақырып отыр* (Сералиев, 7) 'А ты, оказывается, забавный (интересный), тебя тоже пригласили'; кирг. *Акыры жалғыз экенсиз* (Садыкбеков, 354)

В конце концов вы, оказывается, одинокий'; туркм. *Онда икимиз кәрдем экеник – дә* (Сарыханов 1951, 8) 'Тогда выходит, что мы с тобой коллеги'.

На основании всего вышеизложенного гипотетически возможно допустить существование в пратюркской общности связки наст. времени *ä-/e-/u-*. Как для прош., так и для наст. времени можно установить две основы – *ä-/e-* и *är-/er-*; первая хронологически могла возникнуть раньше (поскольку само образование на *-р* вторично), но уже в пратюркской общности могли существовать обе основы. С течением времени связка наст. времени вытеснялась другими заменяющими ее элементами, т.е. она разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен языкам различного типологического строя. В немецком языке связка 'есть' имеет различные основы: *ich bin, du bist, er ist*, где *bin, bist* восходит к основе *bhū*, а *ist* – к основе глагола *es-* 'быть'. А происходит это вследствие влияния семантически однородных явлений. Могут конкурировать глаголы 'являться' и 'есть', 'становиться' и 'быть' и т.д.

Материал современных, а также древних тюркских языков свидетельствует о существовании значительного числа грамматических аналогов предикативной связке *ä-*, благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена.

1. Личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевая процесс фонетической трансформации, переходят в разряд аффиксов. Модель именного сказуемого с личными местоимениями, выражающими сказуемость, является очень древней и, очевидно, соотносимой с пратюркской общностью.

2. Связи *тур//турур*, использующиеся во всех лицах.

3. Притяжательные аффиксы, которые имплицитно содержали понятие связки. Ср. аз. *экар мал олса, мәним* (АХД, 32) 'Если есть имущество – мое'. Притяжательные аффиксы способствовали образованию конструкции с *бар*: *китабым бар* 'у меня есть книга'.

4. Слова *бар, йок*, выступающие с близкими к связке значениями. Ср. конструкции, выражающие факт наличия чего-либо где-либо, передающиеся во всех тюркских языках с помощью слов *бар//йок*. Ср. тув. *хуунда суг бар* 'в ведре есть вода'; туркм. *Анатолиниц аягында ловурдан дуран гара туфлиси барды* 'На ногах у Анатолия были блестящие черные туфли'; чув. *Върманта темён йышиши чечек те пур* 'В лесу есть разные цветы' [МГЧЯ 1957, 103] и т.д. Очевидно, более ранним следует признать значение обладания, непосредственно вытекающее из семантической природы слов *бар//йок*.

Но более распространены в тюркских языках конструкции с *бар*, в которых объект обладания стоит в род. падеже. Ср. кирг. *Досуңа сыр айтпа, досуңдун, досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСл. 1965, 198]; тур. *Orada herkesin kendi işi var* 'Там у каждого есть свои дела; туркм. *Онуң үч яшыны долдуруп, яңи дөрдүне гиден сары гултак гызжагазы барды* (Сарыханов 1961, 7) 'У него была трехлетняя рыжеволосая девочка, которой только что пошел четвертый год'; чув. *Калганй ури пур, сӗленӗн ури сук* 'У ящерицы есть ноги, а у змеи ног нет'.

Развивающиеся у слов *бар//йок* синонимичные связке функции способствовали тому, что в некоторых тюркских языках *бар* и *йок* образова-

ли с аффиксом сказуемости полную парадигму. Так, например, в караимском языке *бар* выступает на правах полноценной связки: *Мен бар-м (ен) карай, сен барс (ен) карай* 'Я есмь караим, ты (еси) караим' [Мусаев 1964, 310]. В гагаузском языке *вар* в роли связки используется применительно к первым двум лицам: *Ко гёрсүн падишаа бени, нижә варым* 'Пусть увидит меня падишах, какой я есмь'; *Бән о кўйдән варым, нереси онт дурэр* 'Я из того села (являюсь), которое стоит на отшибе (в стороне)'; *Сән варсын ен ил екижи, Сән варсын ен иш бичижи* 'Ты являешься самым лучшим святеlem, ты являешься самым лучшим жнецом' [Покровская 1964, 154].

5. Вспомогательный глагол *бол/ол*, у которого значение связки, синонимичное связке *ә-/е-/и-*, развилось как вторичное. Ср. туркм. *Хава, окала гада адам көп боляр* [Курбанов и др. 1964, 11] 'Да, в читальном зале много народу'; *Мининг пабам үгретчи полган* 'Мой отец был учителем' [ХРСл. 1953, 475]; чув. *Вӓл кун рынсем нихсанхинчен те шавлӓрах пуллӓ* 'В этот день люди были шумливы как никогда' [МГЧЯ 1957, 102]; шор. *Ачам колхозта бригадир полча* 'Мой брат в колхозе бригадир' [Дыренкова 1941, 208]; як. *Мин ого буолбатахпын* 'Я не ребенок' [Харитонов 1947, 130].

Можно привести целый ряд иллюстраций на те случаи, когда глагол *ол/бол* сохраняет свое первичное значение состояния — 'быть, становиться'. Ср. аз. *Һарадан гәзетчи олдум* (МН, 9) 'откуда я стал газетчиком'; гаг. *Дениз олэр кап-кара* (Буджактан, 130) 'Море становится абсолютно черным'; памятник в честь Кюль-Тегина: *Карлук будун әрүр барур әрiклi јагы болты* 'Народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом' [Малов 1951, 32, 41].

6. Связка *ѣ/ѣи* (кит. *ш*) 'есть, имеется' в саларском и дунсянском языках: *Altıyulı se ullı zamara ttera* 'Алтиюли — великая община' [Тенишев 1963, 43].

7. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* 'человек', *чүве* 'вещь, предмет' и некоторые другие, близкие к ним по исходному значению. Ср. *Черле ындыг шыңгыы кижи* 'Он всегда такой серьезный' (букв. 'И вообще такой серьезный человек'); *Ол бистиинге хуннуң келир чүве* 'Он к нам ежедневно приходит' (букв. 'Он к нам ежедневно приходящий предмет') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223].

Одним из доказательств неустойчивости связки наст. времени и ее вытеснения является наличие в отдельных тюркских языках и их памятниках контаминированных связочных средств:

пар ер 'есть' и *йоқ ер* 'не есть' [Малов 1957, 189]: *Атейның парды чак (ә) кайда вар-ер?* 'Разве уже пришло время выдачи девушки в замужество?' [Там же, 190];

бар-турур — староузбекском языке: *Takı maşpik sarı bir шахар бар турур* 'На востоке есть один город' [Шербак 1962, 118].

јок + турур — Золотой блеск: *bu ängäkim tin idi ozum qutrulıum joq (turur)* 'То ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159];

бар дыр — Codex Cumanicus: *Christusnun tanyqy bardyr* [Grönbeck 1942, 50] 'У Христа есть знакомый'; *ол + турур* — Среднеазиатский тефсир: *Тіріклік бәрғүчі ол турур олүм бәрғүчі ол турур* 'Он, дающий жизнь, он, дающий смерть' [Боровков 1963, 245];

ол/бол + ікән в хамийском наречии уйгурского языка: *Хош ғеріп болар*

ikän Gülüa дыхан, жарым ai 'Хорошим чужестранцем является Гюльша-крестьянин, о милая' [Малов 1961, 21, 22];

кижи мен — в тувинском языке: *Ажылдаар кижимен* 'Я работаю' (букв. 'работающий человек я') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223];

связка *ši* + аффикс сказуемости *-tyr/-ter*: *Altijuli še ulli zamara'ttera* 'Алтиюли — великая община' [Тенишев 1963, 43].

Материал тюркского памятника *Codex Cumanicus* свидетельствует о параллельном (одновременном) употреблении в нем связки наст. времени *erür* и *turur*: *barča tenrilik us erür, barča haqyl bilik turur* [Grönbech 1942, 89] 'Ваши мысли (отражают) божественный разум, все они — мудрость и знание'.

Более однотипны контаминированные связочные средства для прош. времени. Единичны факты с *турур ärdi*. Ср. древнетюркские памятники уйгурского письма: *oot jalyn birlä öniüp kök qalyq — qa tagı turur ärdi* 'огонь с пламенем — он был до голубого неба' [Малов 1951, 135, 137]. Наиболее распространенным является сочетание *бар иди < ärdi*. Ср. уйгурские наречия Синьцзяна: *Ол кызныкки үч жүз атмыш кизиники бар ерди* 'У этой дочери было триста шестьдесят служанок' [Малов 1961, 13, 16]; хак. *Пистинь мылтых пар полеан* 'У нас была винтовка' [ХРСл. 1953, 475]; памятник в честь Кюль-Тегина: *Ötүкän жыида jig idi jok ärmic* '(Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки' [Малов 1951, 27, 34]; Среднеазиатский тефсир: *Märjäm anas niç тогма ärkäk қабаші бар ärdi* 'У матери Марьям был родной брат' [Боровков 1963, 82].

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В пратюркской языковой общности наряду с моделью именного предложения существовала уже и модель глагольного предложения. Сравнительно-исторический анализ глагольного предложения в ретроспективном плане устанавливает, что все возможные исторические изменения могут быть связаны прежде всего с ведущим членом — глагольным сказуемым. Речь идет о том, что существующее многообразие временных форм глагола в современных языках не может быть целиком возведено в пратюркскую языковую общность.

В тюркских языках имеется довольно большое количество различных глагольных времен, предназначенных для выражения действий, относящихся к плану настоящего, прошедшего и будущего. Однако абсолютное большинство этих моделей, составляющее примерно 90% их общего количества, не обладает признаками, позволяющими отнести их возникновение к праязыковой плоскости. Многие из них представлены далеко не во всех тюркских языках, имеют в большинстве случаев зональные ограничения. Все это свидетельствует о том, что они возникли в группах тюркских языков и даже в отдельных языках уже после того, как тюркский праязык распался. Естественно, может возникнуть вопрос, какие глагольные времена составляли первичное ядро тюркской глагольной системы.

Таких времен было четыре: 1) настоящее-будущее с показателем *-а/-ы* типа каз. *бар-а-мын* 'я беру'; оно одновременно имело значение наст. и буд. времени; 2) настоящее-будущее время с показателем *-ар/-ыр* типа тат.

ал-ыр-мын 'я беру' или 'я возьму'; как и предыдущее, оно имело значение наст. и буд. времени; особого будущего времени в тюркском языке не было; 3) неопределенный имперфект типа *ал-ыр-дым* 'я брал постоянно'; 4) прошедшее время с показателем *ды-ты* (*ди-ти*) типа *ал-ды-м* 'я взял'.

Все остальные модели времен возникли уже позднее распада тюркского языка.

1. Настоящее-будущее время на *-а/-и*. Структура сказуемого: основа + *+а* + личные окончания первой категории: каз. *ал-а-мын* 'я беру'.

Показатель *-а* этого времени представляет значимый аффикс. Еще П. Мелиоранский высказал предположение о том, что в тюркских языках могли и могут образовываться усилительные (интенсивные) и потенциальные основы глаголов путем присоединения к глагольному корню гласного: в некоторых диалектах узкого, в других — широкого. Образованные таким образом глагольные основы в разные времена и в разных диалектах могли употребляться в разных значениях для разных целей [Мелиоранский 1900, 60, 64]. Наличие параллельной пары суффиксов (с широким и узким гласным) как в тюркских, так и в монгольских языках дало основание В. Котвичу предполагать существование особой вторичной (видоизмененной) основы, которая обозначала процесс действия, действие длящееся, не доведенное до конца или повторяющееся, почему эту основу и можно назвать дуративной [Котвич 1962, 217].

Вероятнее всего, *-а* — это древний словообразовательный аффикс, обозначавший многократное или длительное действие. Остатки этого аффикса до сих пор сохраняются в некоторых глаголах, ср. узб. *бурмоқ* 'вертеть, крутить' и *бур-а-моқ* 'закручивать, завинчивать', урммоқ 'делая попытки, прилагать усилия' и *урн-а-моқ* — те же значения в усиленной степени.

В современных тюркских языках этот тип наст. времени типичен для так называемых кыпчакских тюркских языков — татарского, башкирского, кумыкского, крымскотатарского и некоторых диалектов татар Сибири — отсюда мнение о его зональной ограниченности. Однако есть основание предполагать, что эта зональная ограниченность — явление более позднего времени. В древние времена наст. время с показателем *-а* имело более широкое распространение.

Если иметь в виду, что опатив на *-а* в огузских языках развился на базе наст.-буд. времени с показателем *-а*, то можно считать, что это время некогда было представлено также и в огузских языках.

В тюркских языках представлено также наст.-буд. время с показателем *-ы* (аблаутная разновидность показателя *-а*). Ср. аз. диал. *кали* 'он приходит', тур. диал. *гели* 'он приходит', кбалк. диал. *кели* 'он придет', чув. *гырѣ* 'он напишет' (< *йазы* 'он напишет'), тур. *yaz-yor* 'он пишет' и т.д. Однако большого распространения эта модель в тюркских языках не получила.

Настоящее-будущее время на *-а* может иметь наращение *-г*. Структура образования: корень глагола + *а* + *г*-овое наращение + личные окончания первой серии: ног. *ал-а-ды* 'он берет'.

Дистрибуция этой модели в тюркских языках довольно значительна. Она встречается в ногайском, узбекском, казахском, киргизском, караим-

ском, алтайском, чулымско-тюркском, хакасском и некоторых диалектах азербайджанского языка. Однако существование ее в тюркском языке предполагать трудно, так как это время является совершенно очевидным производным от наст.-буд. времени на *-a*, которое возникло, конечно, раньше наст.-буд. времени с показателем *-at*.

Модель наст.-буд. времени с показателем *-a* имеет ряд производных.

1) Прошедшее длительное. Схема образования: корень глагола + *a* + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть': тат. *ала идем* 'я брал', *ала иде* 'он брал' и т.д. Распространение модели имеет зональное ограничение. Она типична для некоторых тюркских языков ногайского типа. Встречается в татарском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском, крымско-татарском, ногайском. Зональная ограниченность указывает на более позднее происхождение этой формы.

2) Настоящее время, обозначающее постоянно совершающееся действие. Схема образования: корень глагола + *a* + *турган* (+ личные окончания первой серии): ног. *бар-а-таган-мен* 'я хожу постоянно'. Модель встречается также в уйгурском и диалектах сибирских татар. Модель позднего происхождения.

3) Прошедшее многократное. Схема образования: корень глагола + *a* + *турган* (разновидности: + формы прош. времени от вспомогательного глагола 'быть'): в тат. *бара торган идем* 'я ходил часто', ног. *баратаган идим* 'я ходил часто'. В казахском языке эта модель имеет особую схему: корень глагола + *a* + *тын* + личные окончания первой серии: *баратынмын* 'я ходил часто, обычно'. Модель позднего происхождения. В татарском языке встречается не часто.

4) Настоящее время данного момента. Схема образования: корень глагола + *a* + форма наст. времени вспомогательного глагола *йат-* 'лежать': ног. *бара йатырман* 'я иду в данный момент'; узб. *йоза йотирман* 'я пишу в данный момент'. Модель позднего образования.

2. Настоящее-будущее время на *-ар/-ыр*. Схема образования: причастие на *-ар/-эр, -ыр/-ур* + личные окончания первой серии: тат. *алырмын* 'я беру, я возьму'. В тюркском языке, а также в старых тюркских языках это время одновременно имело значения наст. и буд. времени. По этой причине некоторые, особенно западноевропейские, тюркологи называют его аористом, или неопределенным временем.

Позднее в тюркских языках наметилась очень сильная тенденция к созданию особых форм для наст. и буд. времени. В абсолютном большинстве тюркских языков за показателем *-ар/-ыр* закрепилось значение буд. времени. Любопытная специализация этих показателей произошла в азербайджанском языке. Показатель *-ыр/-ур* в этом языке придает значение наст. времени, а показатель *-ар/-эр* — значение буд. времени, ср. *языр* 'он пишет', но *язар* 'он напишет'. Для выражения наст. времени во многих тюркских языках была использована модель с показателем *-a*, а также с показателем *-a* и *t*-овым наращением, ср. тат. *барам* 'я иду', каз. *жазамын* 'я пишу'. В отдельных языках возникли новые типы наст. времени. Прежнее аористное значение сохранилось разве только в турецком, но и в этом языке возникло наст. время, выражающее только это значение. Наст. время в якутском языке относится к смешанному типу.

3. Производным от формы на *-ар/-ыр* является неопределенный импер-

фект. Он образуется по схеме "основа наст. времени + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть'" (кар. *алтыр едим* 'я брал') и распространен в узбекском, караймском, каракалпакском, якутском, уйгурском, карачаево-балкарском, турецком, туркменском, гагаузском языках.

Существование неопределенного имперфекта засвидетельствовано также в памятниках древнетюркской письменности, ср. орх. *atŷyŷa bayŷr ŷrtimiz* [Tekin 1968, 34] 'Мы привязывали лошадей к деревьям'; чаг. *Мардаган киши еди, оҟны јахшы атар еди* [Там же] 'Он был храбрым человеком, хорошо стрелял из лука'. Существовало это время и в староуйгурском языке.

Возникновение этого типа прош. времени уходит в глубокую древность. Без преувеличения можно утверждать, что это время уже сформировалось в эпоху тюркского праязыка задолго до его распада. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы: а) возникновение неопределенного имперфекта относится к такому периоду, когда существовало наст.-буд. время на *-ar/-ыр*, поскольку неопределенный имперфект строится на основе презентного значения этого времени. Следовательно, оно возникло задолго до разделения огузских и кыпчакских языков; б) появление этого времени привело к резкому снижению употребления многократных аффиксов, которые в тюркском праязыке были довольно распространены.

Неопределенный имперфект когда-то существовал во всех тюркских языках. Однако в некоторых современных языках он отсутствует. К таким языкам относятся литературный татарский, башкирский, алтайский, казахский, шорский, тувинский, хакасский.

4. В серии прошедших времен наиболее древним является прош. время с показателем *-ды/-ты*, ср. тур. *aldun*, тат. *алдым* и т.д. 'я взял'.

Нет никакого сомнения в том, что эта форма существовала уже в эпоху тюркского праязыка. Прощ. время на *-ды* оказалось необычайно устойчивым. Оно в настоящее время сохранилось во всех тюркских языках, кроме нижнечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Его устойчивость может быть объяснена двумя его особенностями — необычайной семантической емкостью и видовой нейтральностью. Практически оно способно выражать значение не только обычного прошедшего, но и перфекта и плюсквамперфекта западноевропейских языков. Оно передает действие незаконченное и действие, достигшее предела.

В современных тюркских языках имеется по меньшей мере пять типов перфектов — перфект на *-ган* (ср. тат. *алганым* 'я взял'), перфект на *-ан* (туркм. *јазан* 'он написал'), перфект на *-нӧ* (чув. *сырнӧ* 'он написал'), перфект на *-мыш* (аз. *јазымышам* 'я написал'), перфект на *-ып* (каз. *алыптын* 'я взял') и т.д. Все эти типы возникли в отдельных тюркских языках, когда тюркский праязык уже распался. То же самое можно сказать о различных формах плюсквамперфекта.

Из форм буд. времени наиболее древней является форма с показателем *-ar/-ыр* типа узб. *џазарман* 'я буду писать'. Нет никакого сомнения в том, что она существовала уже в эпоху тюркского праязыка.

К праязыковой плоскости нельзя отнести буд. время на *-ачак*, якутскую форму буд. времени на *-ых* (ср. як. *аһааҕым* 'я открою'), формы буд. времени *-еу* (ср. ст.-узб. *алвум* 'я возьму'), карачаево-балкарскую

форму на *-лык* (типа барлықма 'я схожу') и тофаларскую форму на *-аи* (ср. *алаймен* 'я возьму') и т.д.

К числу более поздних по происхождению форм наст. времени относится карачаево-балкарская форма с показателем *-чы/-чи*, например: *барывчума* 'я ухожу постоянно', *барывчуса* 'ты уходишь постоянно' и т.д. Более позднего происхождения формы наст. времени, использующие форму местн. падежа типа аз. *јазмактајам* 'я пишу'.

Все типы времен косвенных наклонений можно отнести к плоскости тюркского праязыка. Относительную хронологию этих времен установить довольно трудно, так как все пять типов косвенных наклонений в одинаковой степени встречаются во всех тюркских языках.

То же самое можно сказать и о залоговых формах. Все три залога — страдательный, возвратный и взаимосовместный — уже существовали в тюркском праязыке. Есть убедительные данные, свидетельствующие о том, что когда-то показатели залогов — залоговые аффиксы — были обычными аффиксами учащательного действия. В киргизском, казахском, каракалпакском и изредка башкирском языках используется в этих случаях отглагольное имя на *-у (-ув)*, ср. кирг. *жардам берилүүдө*, 'помощь оказывается', каз. *мұнай жаратылуда* 'нефть используется' и т.д.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Существуют следующие общетюркские способы оформления безличных предложений¹.

1. Предикат стоит в 3-м лице мн. числа. Ср. кбалк. *Алгыын заманда голу элиуцю эдиле* 'В прежнее время устраивали (делали) праздник "голу"' [МБД 1962, 45]; ног. *Кеше аьдемди больницага алып келгенлер* (Ленин йолы) 'Ночь. Одного человека привезли в больницу'; туркм. *Он соң шо оелана ат Гёр -оғлы гоыиптырлар* 'Потом мальчику дали имя Гёр-оглы (сын могилы)' (Туркм. сказки, 115); чув. *Колхозра тырпула машиньпа вырса пустарассе* 'Хлеб в колхозе убирают машинами' [СГЧЯ 1957, 23] и т.д.

2. Предикат стоит в 3-м лице ед. числа. Ср. алт. *Бактаным туруп, чалчип туруп, Аа ла бажын үзе соктырган* 'Пока хвастался и буянил, голову ему-то отшибли' (Алтын-бизе, 36, 94); тур. *Hiç evde kaybedilen yüzük sokakta aranır mı* (Nasreddin, 6) 'Разве ищут на улице кольцо, которое потеряно в доме?'; туркм. *Ана шол мейданчаларда буравлайыш скважиналары гурулмалы* (Маммадов, 61) 'Вон там, на тех площадках, нужно делать буровые скважины'; Памятники Монголии, Киргизии: *Чыкан Тонъюкук ат (л)ың бәрмис* 'Дали имя Чыхан Тонъюкук' [Малов 1959, 27, 28]; Подарок истин: *سنيك بارليغينكغه تانوغ لوق بيورور* 'На твое бытие дают свидетельство' [Малов 1951, 317, 319]; Среднеазиатский тefsир: *Ајруқ јеркә үјдә һәм булмади* 'Послали в другое место и также не нашли' [Боровков 1963, 45].

Н.К. Дмитриев полагает, что при сказуемом 3-го лица ед. числа раньше стояли пропускаемые ныне слова *гиши* 'человек', *эр* 'муж' [1940, 190—

¹ Данный структурный тип простого предложения представляет интерес для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, поскольку анализ его помогает выявить тенденции исторического развития.

[91]. Гипотеза эта спорна, однако из теории и практики тюркских языков известно, что замены этих слов местоимениями с широкой семантикой была возможна. Ср. бир гиши йокъ 'одного человека нет' ~ 'никого нет' – тот же семантический процесс, что и во фр. *un* (< *homme*) или нем. *man* (Там же). Ср. поговорку: *Адам совилер къадар гьонер* 'Человек видит лишь настолько, насколько говорит'. Ю. Немет переводит ее на немецкий: *Man kann nur über das sprechen* (там же).

Безличные предложения индоевропейских языков, обозначающие явления природы, в тюркских языках передаются личными предложениями с предикатом в форме 3-го лица ед. числа. Ср. рус. *Светает*, нем. *Es schneit* и т.д., башк. *Тундыра* 'Морозит' [Дмитриев 1948, 237], тат. *Яктыра башлады* 'Светает' [Закиев 1963, 47].

Указывая на этот тип безличных предложений как преобладающий в кумыкском языке, Н.К. Дмитриев подчеркивает неравномерный характер распределения форм типа *айта* 'говорят' и типа *айталар* 'говорят' в различных тюркских языках. По мнению Н.К. Дмитриева, в кыпчакских языках (ногайском, казахском, киргизском и др.), так же как в кумыкском, форма 3-го лица мн. числа употреблялась крайне редко. В языках огузского типа (азербайджанском, южном диалекте крымско-татарского и др.) [Дмитриев 1940, 190] преобладает форма 3-го лица мн. числа. Однако модель безличного предложения с предикатом в 3-м лице ед. числа распространена повсеместно как в огузских, так и кыпчакских языках, и ее следует признать хронологически более ранней.

3. Для выражения сказуемого в обобщенно-личных предложениях во всех тюркских языках употребляется форма 3-го лица ед. числа страдательного залога. Ср. аз. *Бурада жедэк бойду гадына аз тасадуф едилир* 'Здесь редко встречается женщина низкого роста'; ног. *Солье "Алибек" санаторийининъ корпусын салув бардырылады* (Ленин йолы) 'Сейчас построили корпус санатория "Алибек"'; тур. *Öğleden sonra yine kapı çalındı* (Neşin 1958, 28) 'После полудня в дверь опять постучали'.

Этот тип безличных предложений уже представлен в ранних памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Узъ кьк таңри асра жаьыз јір кылынтук да, акин ара кизи оғлы кылынмыс* 'Когда было сотворено сверху небо и внизу темная (букв. 'бурая') земля, между ними обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36]; Огуз-наме: *Ошбу биддур-г'йүктә биримиз эрди* 'В этом послании было написано' [Шербак 1959, 33].

4. Предикат оформлен во 2-м лице ед. числа (этот тип характерен для жанра пословиц, поговорок). Ср. аз. *Едди дафә өлч, бир дафә бич* (Аталар сазу, 11) 'Семь раз отмерь, один раз отрежь'; чув. *Паян тумалли есе ырана ан хъвар* 'То, что нужно (должно) сделать сегодня, не откладывая на завтра' [МГЧЯ 1957, 227] и т.д.

Есть основания отнести эту модель безличного предложения к раннему состоянию тюркского праязыка.

Согласование в лице и числе (при помощи категорий сказуемости и принадлежности) в тюркских языках довольно последовательно. Есть основания полагать, что согласование в лице относится к ранней эпохе². Что

² Подробнее см.: *Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, 156–206.

же касается согласования в числе, то оно проявляется не в полной мере и, очевидно, возникло исторически позже.

Согласование в числе ограничивается лишь сферой отношений между подлежащим и сказуемым. Между определением и определяемым согласование в числе обычно не проводится. Ср. шор. *aak palıktar* 'мелкие рыбы' [Дыренкова 1941, 273]; башк. *папиростың якишыһы* 'самая лучшая из папирос' [ИСГТЯ 1956, 68]. Во всех тюркских языках при количественных числительных существительное ставится в ед. числе. Ср. *beş kitab* 'пять книг'. То же наблюдается при прилагательных или местоимениях, выражающих идею количества: тат., башк. *күп кеше* 'много людей', туркм. *аз аял* 'мало женщин'.

Согласование в числе между подлежащим и сказуемым имеет много разновидностей:

1. При одушевленном подлежащем во мн. числе предикат стоит во мн. числе: шор. *Колхозчылар кыраа (~кырага) пардылар* 'Колхозники отправились на пашню' [Дыренкова 1941, 263]; як. *Кинилэр сахатыһан хаалбыт нууччалар этилэр* 'Они были объекутившие русские' [Убрятова 1950, 106]; памятники — Кутадгу билиг: *Јаулары әштир бојун әгдиләр* 'А враги его, заслышав о нем, склоняли выи (свой)' [Малов 1951, 272].

2. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат в ед. числе: кирг. *Булуттар сүрүлүптүр* (Жусупов 1965, 30) 'Облака рассеялись'; туркм. *Асманда топбак-топбак ак булутлар эмеле гелип, гүндөгара бакан сүйшүп угады* (Мәммедов, 57) 'На небе образовались кучевые белые облака и двигались по направлению к востоку'. Данная модель часто встречается в старотюркских языках.

3. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе. Такое согласование имеет место уже в памятниках. Ср. Среднеазиатский гефсир, XII—XIII вв.: *Ол елиң ewläri барқларі түрлүг түрлүг болмйшлар* 'Дома в этом городе стали совсем иные' [Боровков 1963, 319].

4. Подлежащее одушевленное во мн. числе, сказуемое — в ед. При этом категория подлежащего понимается как нечто целостное, однородное. Такую особенность содержат памятники и сохраняют все современные тюркские языки. Ср. аз. *һамы аналар истәр ки, оелуна јахшы тој елөсин* (Ибраһимов 1957, 20) 'Все матери хотят, чтобы их сыну устроить хорошую свадьбу'; гаг. *Аалээр дәдү, аалээр бабу, аалээр комушулар, ани кайбелди, факир Пирку* (Буджактан, 114) 'Плачет старик, плачет старуха, плачут соседи, что пропал бедный Пирку'; тат. *Јарты юлны килгәндә, минем алда атлар сирәгәйде* (Юлтый, 27) 'Когда я проехал половину пути, находящаяся впереди меня группа лошадей (букв.: лошади) поредела', памятники — Кутадгу билиг (наманган.): *Аваулар нәңә qolsa, бәрмәз өзін* 'Преследующие ее сколько бы ни просили, она не дается им' [Малов 1951, 241, 269]; История пророков Рабгузия XIV в.: *Кафи рләр туғмасун* 'Неверные да не проведуют' [Там же, 340].

5. Подлежащее одушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе, при этом подчеркивается неоднородность действующих лиц и их действий. Ср. башк. *улар килделәр* 'они каждый в отдельности пришли', но *улар килде* 'они все сразу, все как один пришли' [ИСГТЯ 1956, 71]; гаг. *Оннар... гидерләр падишаха* (Буджактан, 125) 'Они... каждый в отдельности идут к падишаху'.

6. При однородных подлежащих, выражающих неодушевленные предметы, сказуемое стоит в ед. числе, Ср. аз. *Ашагыда Иран шаһяр таринэ хас олан багчалар, һәјәтләр вә евләр жәзә чарпыр* 'Внизу виднеются (букв.: виднеется) свойственные иранским городам дворы с садами и домами' [Будагова 1963, 90]; памятники из Суджи: *Küm soruçun kün tovsuqa batsyqa tığdı* 'Слухи и распросы обо мне достигли до восхода и захода солнца' [Малов 1951, 76, 77].

При однородных одушевленных подлежащих предикат стоит также в ед. числе. Ср. гаг. *Бир вакыт вармыш бир хырсыз, да о хырсыз коңмуш негина, гитин, да чалсын ікі бегір* [Мошков 1904, 25] 'Однажды один вор с другим вором решили пойти и украсть две лошади'; туркм. *Б(и)р патшаң оғлы, б(и)р везіриң оғлы аҗа чөлө чыкан экени* 'Сын одного падишаха и сын везиря выехали в степь на охоту' (Туркм. сказки, 84, 130, 131); Кутадгу билиг: *Böri qoï bilä suvlady ol ödün!* 'И в то время волк и овца ходили вместе на водопой' [Малов 1951, 272]; Родословная туркмен: *Атларымыз ва тәвәләриміз барчасы öldi* 'Все наши лошади и верблюды пали' [Кононов 1980, 137].

Мн. число предиката при однородных одушевленных членах указывает на дифференцированный характер их действия: алт. *Ак талайдың жағазына Апиыйақ, куртыйақ эге бардылар* (Алтын-бизе, 73) 'На берег белой реки старик со старухой пошли' кбалк. *Къыз да, джаш да бир эли ичинде болгандыла* 'А девушка и парень жили в одном ауле' [МБД 1962, 108].

7. При подлежащем, имеющем количественный определитель и оформленном ед. числом, предикат также стоит в ед. числе, указывая на недифференцированность подлежащего. Ср. ног. *Олмесхан ман бирге доурт аёдем куалык этеди* (Ленин йолы) 'Вместе с Олмесханом работало четыре человека'; чув. *Епир кайакан пәрахут синҗе салтаксем (салтак) пите нмай-гҗе* 'На том пароходе, на котором ехали мы, было очень много солдат' [Ашмарин 193, 51].

При таком же подлежащем предикат может быть оформлен мн. числом и указывать на дифференцированность действий. Ср. гаг. *Бир керә бу үч кардаш лафланмышлар гитмәә дүнней кысмет арамаа* (Буджактан, 109) 'Однажды эти три брата уговорились пойти искать по свету счастье'.

В памятниках тюркских языков встречаются факты, когда подлежащее, имея количественный определитель, стоит во мн. числе, а предикат — в ед. Ср. Золотой блеск: *Mfäjn iglätkükdä, aң başlaju maңa tört jöklär jaquyn kälti* 'Я только захворал, прежде всего ко мне подошли четыре демона' [Малов 1951, 154, 157].

8. При собирательном подлежащем предикат обычно стоит в ед. числе. Ср. гуркм. *Доғры, китабын гадрыны хемме киши билйәр* (Сарыханов 1951, 7) 'Верно, цену книги все люди знают'; памятники — Тоньюкук: *Ol sabuу äsidip, on oq bägläri budunv qor kälti, jükünti* 'Услышав эти слова, начальники и народ десяти стрел — все пришли и подчинились' [Малов 1951, 63, 69].

Мн. число предиката указывает на дифференцированный характер собирательного множества, при этом к подлежащему может присоединяться афф. *лар*. Ср. гаг. *Ачан бакэрлар — хенси гаргалар койун олмушлар* (Буджактан, 110) 'Когда посмотрели — все вороны стали овцами'; Родо-

словная туркмен: *Хан башлык барча халк ајтдылар* 'Весь народ во главе с ханом сказал' [Кононов 1958, 124].

Согласование в числе иногда не зависит от семантических условий. Так, например, как правило, в казахском языке 3-е лицо мн. числа не оформляется специальным окончанием и совпадает с формой ед. числа. Ср. *Ол сатады* 'Он продаст' ('Он продает') – *Олар сатады* 'Они продадут' ('Они продают') [СКЯ 1962, 328].

В карачаево-балкарском языке при подлежащем 3-го лица мн. числа сказуемое согласуется с ним в числе факультативно: *Ала студентдиле* и *Ала студентледиле* 'Они студенты' [Дмитриев 1962, 359]. То же и в киргизском языке: *Алар оқишчлар* 'Они суть ученики'; *Алар оқишчи* 'они ученики' [Батманов 1940₂, 11].

Кроме того, в некоторых тюркских языках известен особый способ выражения множественности при глаголах. Вместо специального аффикса числа ставится аффикс взаимного залога при ед. числе. Ср. кирг. *Алар дубалдын түбүнө аттарын байлаштырып коюп, паркка киришти* (Каймов 31) 'Они, привязав под забором коней, вошли в парк'; уйг. *Колхозчилар уницдин неминиду куткәндәк болишиду, үмүт көзлирини қадайду бу алдий башчиеа* (Босақов, 31) 'Колхозники собрались, словно что-то от него ожидают, с надеждой устремляют они взор на этого простоватого начальника'.

Последовательное согласование в числе может быть объяснимо и требованиями стиля, определенного жанра речи. Ср. тат. *Язлар житте, карлар эри башладылар, толыптылар толыптарын ташладылар* 'Весна пришла, снега начали таять, люди в шубах сбросили шубы' [Закриев 1963, 37].

В тюркологической литературе высказывалось предположение, что для тюркских языков первоначально было характерно не столько понятие множественности, сколько понятие собирательности [Котвич 1962, 336; Grönbech 1936, 57–60, 65–69], и что разные группы собирательных предметов обозначались особыми форматами; только афф. *-лар* имел характер множественности и выступал в роли общего форманта мн. числа, хотя и столь же редко, как и в монгольском языке. Не случайно, что во всех тюркских языках мн. число употребляется при необходимости различать подлежащие, действующие порознь, индивидуально, т.е., по справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, основной стимул согласования подлежащего и сказуемого в числе связан с вопросом о дифференцированности подлежащего. При дифференциации всегда имеется согласование в числе: башк. *һандуғастар һайрайҙар* 'соловьи поют' [Дмитриев 1948, 222].

Мысль об относительно позднем развитии мн. числа в алтайских языках разделяется Г.И. Рамstedтом, который тоже полагал, что там, где применяется оформленное мн. число, оно может быть также показателем качественных различий, подразделения на группы либо совокупности нескольких групп [Рамstedт 1957, 57]. Идея собирательности, нерасчлененного множества и послужила той почвой, на которой развилась впоследствии формально выраженная множественность. Не случайно, что если в тюркских языках подлежащее представляется однородной категорией, то сказуемое при нем, как было показано, всегда стоит в ед. числе. Ср. башк. *Улар килде* 'Они пришли все сразу, как один, не отличаясь друг от друга

в действии' [Дмитриев 1948, 231]. Формально выраженная множественность становится показателем дифференцированности предметов, а тем самым их определенности. Ср. тур. *Pencereler açıldılar* 'Определенные, заранее нам известные окна открыты' [Кононов 1956, 379].

Таким образом, согласование в числе в тюркских языках категория историческая. Формально выраженное членимое множество возникло на базе собирательности. Собирательная множественность не требует согласования во мн. числе, так как содержит понятие некоторой единичности (ср. рус. *шумит братва*). Процесс исторического развития в данном случае заключается в перерождении собирательной множественности во множественность абстрактную. Этот процесс в разных тюркских языках имел свои особенности. Очевидно, некоторые вещественные имена существительные с собирательным значением долгое время сопротивлялись принятию показателя множественности (ср. тат. *кирпич бар* 'кирпичи есть'). Согласованию глагольных форм в числе могли препятствовать факторы просодические — создание ритмически неудобных форм (*бара* и *баралар*).

Развитие категорий множественности на базе собирательности доказывает и само происхождение афф. *-лар* [см. Котвич 1962, 28–30; Кононов 1956, 72–73]. Нам представляется небезосновательной гипотеза В. Котвича, который сближает афф. *-лар* с аффиксом комитатива *-лан* и включает его в гнездо с этимологически родственными ему вариантами: афф. *лауу* и *лауул* (со значением сходства) с аффиксом сравн. падежа *-тай, -дай* [Котвич 1962, 100–116]. Очевидно, и сам афф. *-лар* первоначально был показателем не множественности, а собирательности.

Анализируя модели тюркского простого предложения в их соотношении с конструкциями трансформы, можно заметить следующее.

1. Типы трансформ по способам их выражения (имеется в виду прежде всего формирующий их член — логический предикат) гораздо более многообразны, чем модели простого предложения (учитывается формирующий член — грамматический предикат). Последнее лишний раз указывает на то, что трансформы — явление хронологически относительно позднее.

2. Возникает вопрос — любая ли глагольная форма могла трансформироваться, предопределяя появление нового структурного типа? Процесс трансформации, как будет показано ниже, хронологически имел место на позднем этапе тюркского праязыка, когда система глагольных форм была относительно развита. При трансформации избирается обычно та форма, синоним которой бытует в арсенале *verbum finitum*. Ср. афф. *-ды/-дыг, -ган, -мыш, -ыр, -ар* и т.д. Почти все глагольные формы первичного образования, имеющие себе синонимические пары в других грамматических сферах языка, легко трансформировались (об условиях трансформации см. главу III.). Не случайно, что система сложных временных форм вторичного образования не участвует в трансформации. Ср. наст. время на *-а* со вспомогательным элементом *йат-, тур-, отур-*, хронологически более позднего образования, не дающее трансформ. В сложных формах прош. времени трансформация тормозится связками прош. времени *иди, имиш*, не имеющими синонимичных именных образований.

3. Для процесса трансформации, очевидно, не безразлична и семантика трансформирующегося образования. Частотность употребления времен типа *continuous* в придаточных предложениях невысока. Этим отчасти объясняется слабое участие в трансформации глагольных форм типа *-макта*.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из спорных вопросов научных описательных грамматик является вопрос о специфике сложноподчиненного предложения. При определении специфики придаточного предложения идет спор вокруг причастных и деепричастных оборотов [см.: Ширалиев 1958, 79]. По этому вопросу имеется несколько точек зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, все без исключения причастные и деепричастные обороты являются придаточными предложениями на том основании, что в русском языке им соответствуют таковые. Лингвисты этого направления исходят из русского перевода (см. работы В.А.Гордлевского, А.К.Боровкова и др.). Такая точка зрения, основанная на чисто логическом подходе к природе тюркских придаточных предложений, имеет довольно давнюю традицию. Впервые в тюркологической литературе она была высказана Мирзой Казембеком [1839]. Составленная по образцу европейских грамматик, работа М.Казембека и в разделах, посвященных синтаксису, испытала на себе влияние господствующей тогда в общелингвистической литературе и впервые выдвинутой авторами русских грамматик XVIII—XIX вв. (Е.В.Барсов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч и др.) теории, согласно которой причастные и деепричастные конструкции рассматривались как сокращенные придаточные предложения.

На такой позиции отождествления собственно придаточных предложений с причастными, деепричастными и отглагольно-именными оборотами стоит и большинство зарубежных тюркологов — А.Мауль, Ю.Немет, М.Хортен, Дж.Вайль, Г.Янский и др.

По мнению М.Ш.Ширалиева, отождествление причастных и деепричастных оборотов с придаточными предложениями происходит вследствие неразработанности вопросов синтаксиса тюркских языков. В тюркоязычных республиках еще не создано научного синтаксиса этих языков, не изучен глубоко фактический материал общенародного языка, а также недостаточно использованы материалы современной художественной литературы и прессы при разработке тех или иных вопросов синтаксиса национального языка; налицо также недоучет специфики отдельных тюркских языков и механическое перенесение на них традиционных схем, принятых в индоевропейских языках; принципы определения придаточных предложений основаны на переводах последних на русский язык и, наконец, недостаточно изучена специфика причастных и деепричастных оборотов как распространенных членов простого предложения [1958, 80, 81].

Отождествление оборотов с придаточными предложениями основывается на гипотазировании семантики и полном игнорировании роли грамматической формы. Конечно, встречаются в языке образования, равные

по значению (ср. *Человек, который вчера приехал из Казани, сообщил мне интересную новость* и *Приехавший вчера из Казани человек сообщил мне важную новость*). Однако здесь за тождественностью семантики скрываются совершенно разные роли самих процессуальных признаков. В придаточном предложении *который вчера приехал из Казани* процессуальный признак выделен из подлежащего и самостоятельно развернут, тогда как в причастной конструкции *приехавший вчера из Казани человек* процессуальный признак более слит с его носителем, превращен в атрибут последнего. Атрибут и его носитель не образуют предложения, поскольку у такого предложения отсутствует предикат. Поэтому совершенно неправильно отождествлять деепричастия и причастия с *verbum finitum*. В конструкциях без предиката, выраженного *verbum finitum*, нет полноты смысла, ср. *придя домой, сделал работу, бурлящий водопад*.

В дальнейшем сторонники этой точки зрения перестали ограничиваться только критерием возможности перевода и стали для оправдания своих взглядов приводить другие критерии. Так, по мнению Н.Т.Сауранбаева, в казахском языке зависимость подчиненного предложения от главного выражается формой сказуемого подчиненного предложения [1946, 109]. Отсюда делается вывод, что сказуемое придаточного предложения не обязательно должно быть выражено формами *verbum finitum*. Э.В.Севортян утверждает, что решение вопроса о том, признавать или не признавать данное словосочетание предложением, возможно лишь на базе общей теории предложения, а не сказуемого, и предполагает, что для признания данной связанной группы слов предложением в грамматическом плане не имеет решающего значения то, как выражено сказуемое [1961, 122].

Для определения сложного предложения предлагается комплекс признаков. Критериями сложного предложения в казахском языке могут быть следующие признаки: а) смысловая цельность компонентов, б) структурная самостоятельность компонентов (наличие главных членов в каждом компоненте); в) наличие определенного отношения между сочетающимися предложениями; г) связанность составных компонентов сложного предложения определенным способом [Сауранбаев 1948, 110, 111].

Известная работа французского тюрколога Ж.Дени (*"Grammaire de la langue turque"*, Paris, 1921) послужила стимулом для появления нового направления. Ж.Дени впервые поднял вопрос о необходимости выделения причастных, деепричастных и глагольно-именных конструкций в особую синтаксическую категорию. Предшественники Дени обычно подобные образования оставляли без внимания, в лучшем случае называя их побочными определениями. Ж.Дени для определения подчинительных конструкций, которые формируются именной формой глагола — причастием, масдаром (т.е. неличной формой глагола), вводит термин "квазипредложение". Он подчеркивает, что если синтаксис французского языка является аналитическим, то синтаксис тюркских языков — синтетическим, вследствие той роли, которую здесь играют неличные формы [Deny 1921, 860].

Дальнейшее развитие эта идея получила в работе М.З.Закиева *"Синтаксический строй татарского языка"* (Казань, 1963), который выдвигает структурный принцип классификации сложноподчиненных предложений, опирающийся на характер связи придаточных предложений с главным. По этому принципу сложноподчиненные предложения разделяются на два основных

вида: синтетические и аналитические. Кроме того, выделяется неосновной, промежуточный вид сложноподчиненного предложения – аналитико-синтетический [Закиев 1963, 270].

Синтетическими сложноподчиненными предложениями М.З.Закиев называет предложения, в которых придаточные подчинены главному при помощи форм своего сказуемого. В тюркских языках, по его мнению, теория об обязательности *verbum finitum* для предложения вообще не применима, ибо в этих языках предложения со сказуемым в безличной форме являются обычными, закономерными. Придаточные в синтетических предложениях отличаются от причастных, деепричастных и других оборотов тем, что в них имеются некоторые признаки предикативности. Они имеют или потенциально могут иметь самостоятельное подлежащее, выраженное именем в осн. падеже. Например, в предложении *Без килгач, жылыш башланды* 'Собрание началось после того, как мы пришли' как придаточное, так и главное имеют самостоятельное подлежащее [Там же, 272, 273].

Сама идея о том, что в тюркских языках существуют специфические придаточные предложения, отличающиеся от придаточных предложений в индоевропейских языках, имеет довольно большое распространение. Эту точку зрения разделяют Г.Алпаров, А.П.Поцелуевский, Э.А.Грунина, К.Сартбаев, М.Б.Балакаев, Е.И.Убрятова, Э.В.Севортян, Г.А.Абдурахманов, У.Б.Алиев, В.Н.Хангильдин и др. Некоторые тюркологи рассматривают синтетические сложноподчиненные предложения как сложноподчиненные предложения переходного типа.

Среди причастных и деепричастных оборотов Н.К.Дмитриев выделял такие, в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражающих лицо), однако Н.К.Дмитриев склонен считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим и логическим подлежащим [1948, 247]. О потенциальных предложениях, имеющих самостоятельный субъект, отличный от субъекта главного суждения, говорит и А.П.Поцелуевский [1946].

Вслед за Ж.Дени, Н.К.Дмитриевым и А.П.Поцелуевским С.А.Соколов считает возможным выделить причастные, деепричастные, глагольно-именные конструкции со своим подлежащим в особую синтаксическую категорию, занимающую промежуточное положение. С одной стороны, их нельзя отождествлять с классическими формами придаточных предложений, в которых сказуемое выражено *verbum finitum*. С другой стороны, они принципиально отличаются от обычных причастных, деепричастных и других оборотов, не имеющих субъекта и выступающих в роли обычных членов предложения [Соколов 1966, 177, 148].

Однако, несмотря на то что в ряде исследований, построенных на материале различных тюркских языков, причастные, деепричастные глагольно-именные конструкции со своим подлежащим рассматриваются на правах придаточных предложений, в теории синтетических сложноподчиненных предложений далеко не все гладко.

Противоречив сам термин "синтетический", явно заимствованный из на-

звания "синтетические языки". Синтетический - значит, не пользующийся аналитическими средствами связи. Недаром Ж. Дени называет синтаксис французского языка аналитическим. Но в таком случае все синтетические сложноподчиненные предложения примыкают к главному способом простого примыкания. Для устранения этого противоречия придумывается новый тезис: средством связи в данном случае является сама форма сказуемого, ср. тат. *Без кылгач, жьрылыш башланды* 'Собрание началось, когда мы пришли'. Здесь средством связи придаточного предложения *Без кылгач* является, оказывается, сама форма деепричастия *кылгач*. Но это неверно. Деепричастие *кылгач* здесь ничего не связывает, а только примыкает. Странники этой теории выдают логическую связь за языковую.

Термины "главное предложение" и "придаточное предложение" не случайны, так как они именуют собой явления одной и той же природы. Если мы абстрагируемся от средств, связывающих главное и придаточное предложение в русском языке, то получим в результате два простых предложения: *Когда учитель вошел в класс, ученики встали - Учитель вошел в класс. Ученики встали.*

Что является самым необходимым для предложения? Даже самое маленькое предложение, состоящее только из подлежащего и сказуемого, должно выражать логически вполне законченную мысль, например: *Ученик пришел.* Почему в данном случае мы достигли выражения законченной мысли? Всякое предложение есть не что иное, как раскрытие признака. В данном случае мы назвали предмет и раскрыли один из его признаков, его процессуальный признак. Личная форма глагола не только дает возможность назвать этот признак, но и определенным образом соотносит его с его носителем, поэтому наилучшим средством обеспечения выражения логически законченной мысли являются личные глагольные формы.

Сочетание им. падежа с деепричастиями не может дать логически законченного предложения. Представьте себе, что мы пришли в аудиторию и сказали: *Ученик сидя, Петров вставши.* Вероятнее всего, присутствовавшие в аудитории сочли бы такого рода сочетания бессмыслицей. Почему же сочетания *ученик сидя, Петров вставши* представляются нам бессмыслицей? Здесь нарушена естественная связь деепричастия с глаголом главного предложения. Деепричастие, будучи оторвано от глагола главного предложения, не обеспечивает выражения законченной мысли. Бессмыслица сразу же исчезает, когда эта естественная связь восстанавливается. Поэтому предложения *Ученик сидя ест* или *Ученик, встав, вышел из класса* уже не будут создавать впечатления незаконченности. Такова природа деепричастия в любом языке. Поэтому деепричастие никогда не может выступать в роли действительного сказуемого, и сочетание им. падежа имени с деепричастием вообще не способно образовать предложение. Некоторые тюркологи почему-то думают, что какая-то чудодейственная специфика башкирского, татарского, казахского и других тюркских языков способна превратить эти сочетания в придаточные предложения. На самом деле никакая специфика языка не способна изменить сущности деепричастия.

В своей "Грамматике башкирского языка" Н.К. Дмитриев для доказательства своих положений приводит следующий пример: *Кояш баткас, мин ийгэ кайттым* 'Когда солнце зашло, я вернулся домой' (букв. 'Солнце зайдя, я вернулся домой') [1948, 256]. Сочетание *кояш баткас*, взятое

само по себе, представляет такую же бессмыслицу, как русское сочетание *Иван встал*, так как и здесь не указана его связь с глаголом главного предложения.

Сторонники противоположной точки зрения считают, что ни при каких условиях причастные и деепричастные обороты не могут быть придаточными предложениями. По мнению одного из представителей этой точки зрения, М.Ш.Ширалиева, причастные и деепричастные обороты (на материале азербайджанского, а также других тюркских языков) не могут быть причислены к разряду придаточных предложений, так как у них нет необходимых данных, присущих предложению: во-первых, обороты не выражают законченную самостоятельную мысль, во-вторых, у них нет самого главного члена сообщения – сказуемого [1958, 81].

Н.П.Дыренкова называет синтетические придаточные предложения оборотами. Члены предложения, — замечает Н.П.Дыренкова, — могут состоять как из отдельных слов, так и из сочетания слов. Они могут представлять собою особые обороты, причастные и деепричастные. Эти сочетания находящиеся между собою в определенной синтаксической зависимости слов служат дополнениями, определениями и т.п. по отношению к главному сказуемому. Такие сочетания из нескольких слов образуют сложные структуры подлежащего, определения и дополнения. Они могут быть названы развернутыми членами предложения, или оборотами. Так называемое сказуемое такого оборота, имея свое подлежащее и управляя зависимыми от него членами, одновременно зависит синтаксически и формально от того или другого члена главного, или основного, предложения, к которому относится. Развернутые члены предложения подчиняются тем же законам, что и простые члены, т.е. располагаются перед главным предложением, которое, как правило, заканчивает сложное предложение [Дыренкова 1940, 269].

Н.П.Дыренкова дает классификацию причастных оборотов: 1) развернутое причастие, 2) определительный оборот (развернутое определение), 3) развернутое дополнение, 4) развернутое дополнение в вин. падеже, 5) развернутое дополнение в местн. падеже, 6) развернутое дополнение в напр.-дат. падеже, 7) развернутое дополнение в исх. падеже, 8) развернутое дополнение — сравнение, 9) развернутое дополнение в неформальном притяжательном падеже. Кроме того, выделяются деепричастные обороты, имеющие собственное подлежащее и не имеющие его [Там же, 270–281].

Взгляды сторонников этого направления вернее отражают истинное положение вещей.

Чем объяснить разногласия в определении сущности придаточного предложения в тюркских языках? Прежде всего они объясняются слабой разработанностью теории придаточного предложения. Каждый тюрколог определяет сущность придаточного предложения, исходя из личных представлений и установок, что ни в коем случае не может привести к сколь-нибудь однозначному решению этого вопроса. Прежде чем решать вопрос о характере придаточных предложений, необходимо выяснить, есть ли вообще в тюркских языках такие предложения, а если их нет, то почему. Другим существенным недостатком является отсутствие исторического подхода к данной проблеме.

ПРИМЫКАНИЕ КАК НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ СПОСОБ СВЯЗИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Существует довольно широко распространенное мнение, будто бы первоначально не было никаких придаточных предложений. Человеческая речь состояла только из простых предложений, которые следовали друг за другом, образуя своеобразную цепочку, что графически можно было бы изобразить следующим образом:

Создается совершенно ложное и неправильное представление, будто бы каждое из этих предложений было совершенно самостоятельным и не имело никакой связи между собой.

В нормальной естественной человеческой речи наблюдаются два характерных случая. Отдельные предложения могут быть между собою логически совершенно не связанными, ср.: *Материки плывут* и *В Бразилии усиливается безработица*. Здесь нет никакого логического подчинения. Ни одно из событий не является следствием другого. Но могут быть и такие предложения, которые логически между собою связаны, в известной мере дополняют и поясняют друг друга, ср.: *Молния ударила в дерево. Дерево упало. В горах тает снег. Горные речки сильно разлились*. Здесь каждое второе высказывание является следствием другого. Подобная логическая связь существовала всегда. Могло не быть формально выраженных придаточных предложений, но логические придаточные предложения существовали в человеческой речи всегда, с момента ее появления. Эта логическая связь между логически связанными между собою предложениями и составляет то константное, что характеризует развитие синтаксического строя всех языков мира. Исторически менялись только выраженные формальными языковыми средствами способы выражения этой связи. На первых порах в качестве средства связи выступает простое примыкание, или коллокация. Контактная близость или расположение рядом двух логически связанных языковых единиц, безусловно, способ связи. Есть, например, языки, которые не имеют особой формы род. падежа, ср. манс. *я вата* 'берег реки' (букв. 'река берег'), хант. *ики хол* 'лодка старика' (букв. 'старик лодка'). Не имеющие формальной связи слова в этих словосочетаниях связаны способом коллокации.

В дальнейшем несовершенный способ связи двух зависимых предложений, способ коллокации, уступает место другим способам, которые в различных языках могут быть различными.

Для тюрских языков во все периоды их исторического развития была характерна структура присоединенных простых предложений, отношения между которыми выражаются только их непосредственным примыканием друг к другу. Примыкание является надревнейшим способом выражения синтаксических отношений; простое предложение может быть по праву отнесено в самый ранний период тюркской общности. Самый ранний этап в историческом развитии сложного предложения, очевидно, характеризовался абсолютным преобладанием простого предложения. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников

отдельных тюркских языков, сохранивший структуру простых предложений, в рамках которых передавались не только сочинительные, но и подчинительные отношения. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *İnim Kül Tigin kargak болты, öзім сакынтым, көрүр көзім көрмәз тәг, білір билигім билмәз тәг болты, öзім сакынтым* 'Мой младший брат Кюль-Тегин скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел; (а) сам я заскорбел' [Малов 1951, 33, 43]. Длинные цепные периоды легко обнаруживаются и в древних памятниках Монголии и Киргизии. Ср. онгинский памятник VII–VIII вв.: *Камук балыкка тәгдәм, кунладым, алтым, сүеі кәлти* 'Я напал на многие города, делал набеги, захватил, его войско пришло' [Малов 1959, 9].

Модель цепных присоединительных предложений хорошо сохраняется в фольклорном жанре, ср. аз. *Бирі бир имиши, бири јох имиши, кунларин бир кунанда, белә дејирлар, бир вилајатда Дәшкүвар адында бир падишаһ вар имиш* (АН, 32) 'Было то или не было, но, как говорят, в одном вилаете жил-был падишах по имени Дашкувар'; каз. *Ай жүреді, жыл жүреді талай елді талай жердәралайды* (КЕ, 15) 'Идет месяц, идет год, он обходит множество народов и стран'; алт. диал. туба: *Пар бар(г)аннар, пар(г)ан(н)ар бир тура тушта(г)ан* 'Они шли, шли (н) встретили дом' [Баскаков 1965, 30]; каз. *Бұрынғы заманда бір патша бар екен, ол патшаның бір жақсы уәзірі болыпты* (КЕ, 159) 'В давние времена жил-был падишах, у того падишаха был хороший визирь'; узб. *Бор экан, йўқ экан, бир замонда бир киши бор экан. Бой ҳам камбагал ҳам эмас. Унинг ўгли бор экан, учови ҳам ўқиган, оқу қорани таниган, юзлари ойдай, ўзлари тойдай, ёман билан юрмаган, ёмон жойда турмаган эканлар* (ЎЭ, 103) 'Было ли, не было ли, некогда был один человек. Ни богатый, ни бедный, у него было три сына, оказывается, все трое ученые, знающие грамоту, лица у них были, как луна, сами – как жеребчнки, по-плохому не поступали, в плохих местах не жили' и т.д.

Зарегистрированный в ранних памятниках, а также в фольклорном жанре, архаический тип цепных присоединительных предложений устойчиво сохраняется в современных тюркских языках.

В рамках примыкания выражаются прежде всего сочинительные отношения, имеющие перечислительную интонацию. Так обычно передаются одновременно происходящие или последовательно следующие друг за другом действия: аз. *Садыг бир испичкә чәкди, Молла чубуғу алышдырыб Садыға деди* (МН, 3) 'Садык зажег спичку. Мулла зажег трубку и сказал Садыку'; *Таләсмә јатарсан, жемә узундур* (Ибраһимов 1966, 10) 'Не торопись, ляжешь, ночь длинная'; алт. *Агарып тань атты, көгөрип күн чыкты* 'Белая заря занялась, синяя, солнце взошло' [Дыренкова 1940, 268]; ккалп. *Джәне бәхәр келди, джәне кәуслар келди* 'И весна наступила, и птицы прилетели' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Кун өттү, ай өттү, кыш тушту* 'Прошли дни, прошли месяцы, наступила зима' [Мураталиев 1962, 6]; сал. *Таҕда kakasy kiči avune sin išina čaҕazi. Kakasy öjina kelzi, arasyна jafazi* 'В горах старший брат бросил в колодец младшего, вернулся домой и сказал отцу' [Тенишев 1964, 7]; тат. *Көне-төне кар ява, жыл ыҗсыра, туктаусыз буран уйный* 'Днем и ночью идет снег, воет ветер, непрестанно дует метель' [Закиев 1963, 347]; тув. *Заводтуң медээзи шагдала эдиккен болгаш ажылчынар чана берген* 'Заводской гудок давно уже прогудел,

и рабочие пошли домой' [ТРСл. 1955, 719]; хак. *Чидип адын алтын столбаа палгачых: изигин асчых, изен парчк; иркин алтан, минди пирчк, кйрпикити, ух садагын суурын салсалды* (из сказки) 'Доелав, он привязал своего коня к золотому столбу; открыл дверь, поздоровался, перешагнув через порог, приветствовал всех, вошел (в дом) и, сняв с себя колчан, положил его (на землю)' [ХРСл. 1953, 477].

Путем примыкания простых предложений может быть передана пояснительная связь: *Ордан уч кун утибди подшохнинг кенжа уели туш кйрибди, тушида бир парча булут узилиб кййнига тушибди* (УЭ, 91) 'Между тем прошли три дня. Младший сын падишаха увидел сон, во сне кусочек облака, оторвавшись, упал к нему на грудь'.

В рамках примыкания двух простых предложений передаются противительные отношения: аз. *Козладим кълмэди, ахтардым тапылмады* (Чаббарды 1949, 31) 'Я ждал, (а) он не пришел, я искал, (но) не нашелся'; каз. *Ақ қайың қалемды, мен ояумын* (Сералиев, 19) 'Белая береза дремала, а я не спал'; узб. *Менинг учта қизим бор, уелим йуқдир* (УЭ, 108) 'У меня три дочери, а сына нет'; алт. сев. диал. *Тужине дьугурген, неме тапай турды* 'Целый день она ходила, но ничего не выходила' [Баскаков 1965, 67]; гаг. *Чекмиш-лэр, чекмишлэр - чыкарамамышлар* (Танасоглу, 98) 'Тянули, тянули - не могли выпянуть'; туркм. *Окармен, гөрермен барча келамы - манасыны сече билмен* 'Читаю я, просматриваю все слова, (а) смысла их разобрать не могу' [Поцелуевский 1943, 36]; тур. *En çok ben üzülüm, annem bilakis memnundu* 'Больше всех расстраивалась я; мать моя, наоборот, была довольна' [Кононов 1956, 514]; Кутадгу билиг: *Orun bärdir ašni, män oldürmadym* 'Ты дал мне прежде всего место, но я не сидел на нем' [Малов 1951, 265, 284].

На связь двух примыкаемых сочиненных предложений могут указывать повторяющиеся во второй части существительные, местоимения, а также соотносительные слова, ср. Среднеазиатский тефсир: *Ашақ минуб ол ашақ қашинди... Абдулла буркин тутди* 'Сел на осла, а тот осел зачесался... Абдулла (же) зажал нос' [Боровков 1963, 206]; узб. *Хўжа Абдуллодек кўрнамани жазога торткумиздир, бунга зарра шубҳа қилмангиз* (Ойбек, 77) 'Мы должны привлечь к ответственности такого неблагодарного, как Ходжа Абдулла, в том ни капли не сомневайтесь'.

Роль связующего средства могут выполнять и аффиксы принадлежности во втором сочиненном предложении, ср. Кюль-Тегин: *Алгун, күмүш, исігі, кутаі буңсыз анча бірүр табғач будун сабы еүігі ағысы јымшақ әрміс* 'У народа Табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта (или зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности мягкие (т.е. роскошные, изнеживающие)' [Малов 1951, 28, 34].

Противительное значение, значение противопоставленности двух действий нередко создается благодаря лексико-грамматическому параллелизму. Этот тип бессоюзных сложных предложений особенно характерен для фольклорного жанра: аз. *Алим олмаг асандыр, адам олмаг чэтин* (Атлар сөзү, 33) 'Ученым быть легко, (а) человеком трудно'; ккал. *Аттың жақсысы жаўмыты, тонның жақсысы маўыты* 'Лучшая из лошадей - йомулская, лучшая из шуб - суконая' [ККРСл. 1985, 865]; кирг. *Киши жаманы кырип чыккыча билинет, өз жаманы өлгөнчө билинбейт* (погов.) 'Чужая пакость сразу видна, а своя до смерти не видна' [КРСл. 1965, 134].

В рамках примыкаемых простых предложений могут быть переданы не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Наиболее часты случаи (как в памятниках, так и в современных тюркских языках), когда в рамках примыкаемых двух предложений передаются объектные отношения. Правда, иногда такой структурный тип является результатом эллипсиса. Ср. аз. *Сөз вермишәм, муаллим кәтирдәмзәм!* (Ибраһимов 1966, 22) 'Я дал слово, что привезу учителя'; *Мән билирдим о динч отурмачагадыр* (Җаббарлы, 44) 'Я знала, он не усидит спокойно'; гаг. *Хырсыз гөрмүш, гелер бир адам ардына* [Мошков 1904, 25] 'Вор увидел, идет сзади человек'; тат. *Узең беләсең ат кебек зиләдем мин* (Гази, 72) 'Сам знаешь, как лошадь, работал я'; туркм. *Горкарам, яр бизи чыкарар ятдан* 'Я боюсь, что возлюбленная забудет нас' [Поцелуевский 1943, 86]; хорезмский памятник XIV в.: *Көрәрман бир йарли көкли арасында бир улау тахт урулмыш* 'Вижу, (что) между землей и небом был построен величественный трон' [Фазылов, 1966, 566].

В тюркских языках чужая речь нередко включается непосредственно после вводящего ее глагола речи путем простого к нему примыкания. Ср. аз. *Чох ханш эдирәм, мәним ихтиярыма верилмиш бу отагы бу дәгигә тәрк эдин* (Меһди 1954, 359) 'Я очень прошу, сию же минуту освободить эту комнату, отданную в мое распоряжение'.

Определительные отношения: аз. *Арвад вар, эв тикәр, арвад вар эв йыхар* (Аталар сөзу, 32) 'Есть женщина, (которая) дом строит, есть женщина, (которая) дом разрушает'; Среднеазиатский тефсир XII–XIII вв.: *бир түн бәрди миң ајдин, йіграк турур* 'дал одну ночь, (которая) лучше тысячи месяцев' [Боровков 1963, 224].

Временное соотношение действий: тат. *Кояш урман артына яшеренде, мин авылга килдем* (Юлтый, 107) 'Солнце скрылось за лесом, я приехал в деревню'; *Караңгы төште, ут кабыздылар* (Фәттах 1967, 38) 'Наступила темнота, зажгли огонь'; древнетюркские памятники Киргизии XIII–XIV вв.: *Куштанч алаимта унданъ сы болды, түркчә йыл лу әрүр јашының саны отуз сәкіз болур* 'Девушке Куштанч случилась смерть – (когда) по-тюркски был год Дракона, число возраста ее было 38' [Малов 1959, 76, 77].

Значение временного соотношения двух действий нередко достигается и лексическими средствами – использованием в первом предложении слов с временным значением. Ср. узб. *Тулки уйда ўзининг ва лайлакнинг болаларига қараб ўтиравеибди, орадан беш кун ўтибди, олти кун ўтибди, лайлакдан дарак бўлмабди* (ЎЭ 40) 'Лиса в доме присматривала за своими детьми и за детьми аиста, между тем прошло пять дней, шесть дней прошло, не было известия от аиста'; аз. *Іај калар, онда биләр. јахшыдыр, ја пис* (Ибраһимов 1966, 66) 'Придет лето, тогда узнает, хорошо или плохо'; гаг. *Олду ики гүн хем ики гежә титирерим бурда* (Буджактан, 127) 'Вот уже два дня и две ночи как я здесь брожу'; Среднеазиатский тефсир: *јети йи турур биз тарліқ қатгәіқ ічиндә турурбиз* 'Уже семь лет мы живем в нужде и тягости' [Боровков 1963, 204].

Причинно-следственные отношения: каз. *Қунанбай бул жеріне дауласқан жоқ, түсінді* (Әуэзов, 167) 'Кунанбай не стал спорить по этому вопросу, он понял'; кирг. *Асан мектепке келбеди, ал ооруп калган* 'Асан в школу не пришел. Он заболел' [Сартбаев 1953, 16]; тув. *Чуу дээр боор, ооңуу шын!* 'Ничего не скажешь. Он прав' [ТРСл. 1955, 721].

Условно-уступительные отношения: ног. *Айтарман – меннен көтөр* 'Скажу – от меня уйдут' [Баскаков 1940, 167].

Подчинительный характер отношений между двумя примыкаемыми предложениями может создаваться и лексико-структурными средствами: 1) использованием анафорических местоимений и слов, являющихся как бы заместителями союзной связи (наиболее архаичный способ); ср. Историю пророков Рабгузия:

*اول يردا بير تورلوك خلق بارايردى
اولارنى مولى عزوجل قران ايچينده موعتفكات تيدي*

'В этой стране проживал разный народ, который бог – он почтенен и высок – в Коране назвал "мутфакат" [Малов 1951, 325, 333]; 2) использованием соотносительных слов в первом предложении, которые могут предполагать опущенный союз во втором: аз. *Ам эла билар, һамы андыр* (Аталар сөзү, 41) 'голодный так думает, (что) все голодны'; тат. *Яулыкны ул шундый матур итен чиккән, аңа карап торган кеше мәхәббатнең кайнар сулышын тойсан* (Дәуди 1962, 50) 'Она так красиво расшивала платок, что человек, смотрящий на нее, чувствовал горячее дыхание любви'.

В процессе развития синтаксической структуры язык изыскивает и другие средства для передачи подчинительных значений. Для передачи атрибутивных отношений используются аффиксы принадлежности. Ср. Кутадгу билиг (наманганск.): *Ади јахшы айттыҗ тил көңли түз* 'Очень хорошо сказал тот, язык и сердце которого правильны' [Малов 1951, 251, 276].

Для создания значения направленности действия используются формы повелительного, желательного, условного наклонений: гаг. *Нечин сән брактын бени көпекләр параласыннар* (Карачобан, 11) 'Зачем ты меня оставил, (чтобы) собаки растерзали (на растерзание собакам)'; памятники Монголии VII–VIII вв.: *Кәрәк әрди, сән та муну уқса сән* 'Нужно, чтобы и ты все это понял [Малов 1959, 264].

Для выражения временного соотношения действий используются временные формы в соответствующем сочетании положительного и отрицательного аспектов: аз. *Һалә мәктәбдә дәрс гуртармамышды, район мәрказиндән колхоза адам жалдийини Тарлана хәбәр вердилар* (Меһди 1954, 114) 'Еще не закончились в школе занятия, (как) Тарлану сообщили, что из районного центра приехал человек'; узб. *Кўп ўтмади, уерилар шаҳарга кириб келдилар* (ЎЭ, 196) 'Не прошло много времени, как воры вошли в город и проникли в сад, находящийся за дворцом' и т.д.

В фольклорном жанре всех тюркских языков, а также в памятниках, отражающих разговорную речь, сохранилось немало случаев, когда различные подчинительные отношения (временное соотношение действий, их обусловленный характер и т.п.) передаются средствами лексико-грамматического параллелизма: аз. *Адамын үзүнә бахарлар, һалыны хәбәр аларлар* (Аталар сөзү, 25) 'Когда смотрят человеку в лицо, узнают о его состоянии'; тув. *Ада өлүр, оглу артар, аът өлүр баглаажы артар* 'Отец умрет – сын останется, конь падет – коновязь останется'.

Бессоюзная связь предложений, при которой сочинение и подчинение различаются менее четко, считается более архаичной. Правда, отсутствие союза может быть результатом, как уже отмечалось, опущения (эллипсиса) союза.

Мы разделяем общепринятое в истории лингвистической литературы

положение о том, что подчинение предложений (гипотаксис) развилось на основе сочинения (паратаксиса) предложений. Очень удачно это положение сформулировал Я.А. Спринчак применительно к материалу русского языка: "Исторический синтаксис сложного предложения исходит из гипотезы, что в древнейшую эпоху развития языка существовали первоначально только независимые простые предложения, а затем развивались сочетания предложений для выражения все усложняющейся мысли, причем раньше существовало объединение равноправных предикативных единиц-предложений, а затем на основе сочинения развивалось подчинение предложений" [1964, 7]. На примыкание, как основной способ связи, свойственный индоевропейскому синтаксису, неоднократно указывал А. Мейе. В.М. Жирмунский, характеризуя синтаксис немецкого языка в историческом освещении, отмечает, что "дифференциация и усложнение системы подчинения есть явление относительно позднее", и ссылается на материал крестьянских диалектов, которые сохранили более архаический тип синтаксических отношений: во многих случаях логические отношения между предложениями остаются невыраженными и наблюдается простое сопоставление предложений там, где мы ожидали бы встретить логическое и грамматическое подчинение или более сложную форму сочинения [1956, 66].

Подчинительные связи в тюркских языках выражаются преимущественно логически, располагая скудными средствами своего грамматического выражения (аффиксы принадлежности, соотносительное употребление временных форм, форм косвенных наклонений и т.д.). Однако поскольку в языке существует тенденция к грамматическому совершенствованию — к созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей, в тюркских языках появляется способ так называемой трансформации, т.е. преобразования самостоятельного предложения в подчинительное.

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ

Каковы же доказательства того, что зависимые трансформы в тюркских языках представляли некогда самостоятельные предложения?

1. Наличие двух самостоятельных грамматически выраженных подлежащих (первоначально соединялись два самостоятельных простых предложения).

2. В историческом развитии сложного предложения в тюркских языках можно выделить период неполной трансформации, когда грамматическая целостность сказуемого сохраняется, но трансформируются вспомогательные средства, которые сообщают конструкции подчинительное значение.

1) Трансформируется вспомогательное средство — глагол *ол-бол-*, которое, сообщая конструкции необходимое подчинительное значение, сохраняет грамматическую независимость сказуемого, именного и глагольного (с сохранением у последнего его временного значения); трансформант *ол-бол-*, принимая именные свойства, может находиться с субъектом действия в изафетной аттракции: ккалп. *Оның не айтақшы болғаным Салай уста түсинип* (Қайыпбергенов, 93) 'Салай-уста задумался, — что же он намеревается сказать'; тур. *Başını kaldırınca, öntünde senelerden beri aynı intizamla yanan kandilimin sönmüş olduğunu gördüm* (Sabahattin 1966, 96) 'Как

только я поднял голову, я увидел, что лампа (светильник) моя, горевшая, как обычно в течение многих лет, погасла": узб. *Бу ишинго бутун даушани ўша йили қизда бодилат бир хонадондан совчи келадиган бўлганда билгинди* (Қаҳдор) 'Весь ужас этого дела обнаружился тогда, когда в том же году осенью стали ходить (хаживать) сваты из одной богатой семьи'.

2) Трансформируются слова *бар, жок*: памятники Монголии и Киргизии — *Ол кан жок болуққа кәсрә әл йтмис ыңдырмыс* 'Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался' [Малов 1959, 8, 9].

3) В большинстве тюркских языков широко используется вспомогательное слово *дег*, которое, трансформируясь, вносит различные подчинительные значения и предохраняет сказуемое от грамматических изменений: трансформант *деген* вводит придаточные определительные предложения: каз. *"Біреусе ор қазба әзің түсерсің" деген мақал бар* (КЕ, 430) 'Не рой могилу другому, сам в нее попадешь' — есть такая поговорка"; узб. *Бизни русларда "Еш кучи таида, кекса кучи мида" деган нақл бор* (Чашмалар, 101) 'У нас, русских, есть предание (изречение) — молодые силы в теле, старые силы в мозгу'; в южных тюркских языках эту функцию выполняет *дйен*: туркм. *"Дузгун ызымы долы бержай этмеш" дйен снзлер бригаданың баш шығары болды* (Маммадов, 61) 'Слова "полностью sobлюсти дисциплину" стали главным лозунгом бригады'.

трансформант *деген* вводит объектные придаточные предложения: каз. *"Күндестің күлі күндес" дегенді сен білмейаққой* (Әуэзов, 163) 'Ты не знаешь разве, что у соперниц и зола в очагах соперничает'; узб. *Адолат опанине "хаммамиз неварангиз бахтини ўйлаймиз" деганлари ёдиға келиб, кўнели оттоқ, тонға киби ёришиди* (Чашмалар, 30) 'Она вспомнила слова Адолат-она: "Мы все думаем о счастье ваших внуков", — и сердце ее озарилось словно яркая утренняя заря'.

трансформант *деген* вводит придаточные предложения обстоятельственные: уйг. *Рәһмәти боваң туген, алтә ай болди дәғәндә, уруклар, йеңидин чәчәкләшкә башлиғанда түгүливедиң* (Босақов, 43) 'Спустя шесть месяцев после смерти твоего деда, когда урук заново зацвел, ты родился'.

4) Оформление прямой речи в тюркских языках свидетельствует о развитии сложного предложения на базе примыкания двух простых предложений: слово *дебдден* нередко ставится как чисто формальный элемент, вместо кавычек, и сохраняет грамматическую целостность чужой речи в ее прямой передаче; ср. тат. *Кем бу? — дин уйланды Зина һәм шикле кешенең немец офицеры формасында булуын күргәч, ирексез кәсәсә тығылды* (Расих 1954, 73) 'Кто это? — подумала Зина и, увидев, что подозрительный человек был в форме немецкого офицера, невольно схватилась за карман'. Развитие служебной функции слова *деб* происходит одновременно с развитием в тюркских языках сложноподчиненного предложения. Абстрагируясь от конкретного своего значения глагола речи, *деп* уже как служебный элемент осуществляет подчинение, предохраняя включаемое предложение от грамматической трансформации. Так, прямая речь становится придаточным изъяснительным предложением: тув. *Кара-оол хурал болур деп чугаалаин* 'Кара-оол сказал, что будет собрание' [ТРСл. 1955, 720]; хака. *Сибцеккень Сибуйек ам даа чон аразында чуржатчалар тп чоохтасчадырлар апсактар* (ХЧН, 17) 'Старики рассказывают, что будто бы Сибичек и Сибдейек до сих пор где-то среди народа живут'.

На базе примыкаемой прямой речи с использованием служебного элемента *ден* во всех тюркских языках продуктивно развиваются придаточные предложения цели. В них особенно наглядно сохранение в придаточных всех грамматических форм самостоятельного предложения. Ср. шор. *Анбайып – ден, тага шыктым* 'Я поднялся на гору, чтобы поохотиться (говоря, да стану-ка я охотиться, я на гору поднялся)' [Дыренкова 1941, 302].

5) Трансформант – деепричастная форма на *-ali/-ali* от того же корневого глагола: тур. *Vapura girdi gireli bir kere bile karn doyumatıştı* (Sabahattin 1966, 109) 'С тех пор, как он сел на пароход, он ни разу не был сыт'.

6) В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется отрицательная форма от того же глагола; ср. узб. *Орадан икки ҳафта ўтар-ўтмас, отамнинг аҳволи жуда оғирлашди* (Чашмалар, 69) 'Не прошло и двух недель, как состояние отца сильно ухудшилось'; туркм. *Сахалче вагт гечип – гечманкэ, деқзин, йузунде гершиш – гершиш толкунлар пейда болды* (Мэммадов, 57) 'Не прошло и немного времени, как на море появились гребни волн'.

7) Трансформируется именное сказуемое. Слова *бар/йок*, субстантивирываясь, принимают аффиксы принадлежности, падежные аффиксы вступают с субъектом действия в изафетные отношения:

бар/йок + (-лыг) + аффикс принадлежности + вин. падеж: кум. *Булар мени барымы билип гелмегини ачык зат* (Ягъияев, 138) 'Ясное дело, что они не придут, зная, что я есть (присутствую)'; тат. *Аның кесәсендә акча барлыгын Ислам да бик яхшы белә иде* (Фәттах 1966, 7) 'Ислам очень хорошо знал, что у него в кармане есть деньги'; чув. *Таръм шухайша пуня Мишиша урамра мён пурри суккине асархамасар тенё пек, ерипен килнеле утрё* (Талвир 1954, 113) 'Погруженный в глубокие думы Миша медленно шел по направлению к своему дому, будто не замечал того, что происходит на улице';

бар/йок + (аффикс принадлежности) + дат.-напр. падеж: лобн. *Огул јокко, огул болголу, кейдм кыз јокко, кыз болголу кейдм* 'У кого нет сына, я пришел быть сыном, а у кого нет дочери, я пришел быть дочерью' [Малов 1956, 27, 28];

бар/йок + местн. падеж: тув. *Хат чокта сиген бажы шимчевес* 'Без ветра и трава не колышется' (Тыва домак., 44, 45); хак. *Адазы чохта оол настых, иези чохта хыч настых* [ХРСл. 1953, 146] 'Когда нет отца, сын – глава, когда нет матери, дочь – глава'.

Трансформант *бар/йок*, принимая показатель *-ган*, образует определенную конструкцию: сал. *Саңа ара јохтаған рәлә* 'Ты ребенок, у которого нет отца' [Тенишев, 1964, 14].

Отношения между двумя примыкаемыми предложениями, одно из которых в качестве сказуемых имеет слова *бар/йок*, могут быть оформлены по 3-му типу изафета. Ср. башк. *Эше юктың ашы юк, эше барзың ашы бар* 'У того, у кого нет работы, нет и еды, у кого есть работа, есть и еда' [Дмитриев 1948, 255].

8) Трансформируется недостаточный глагол-связка *e/-ju-* + *ган* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: каз. *Ертең тағы балық керек екенін білсе де, ауын басқа жерге аударып салуға асықты* (Нурпейсов, 9) 'Хотя

знал, что завтра еще нужна рыба, он спешил поставить сетку в другое место»: кирг. *Врачтар оорууну сыры эмнеде экенин ошондо гана билишти* [Каимов, 139] 'Врачи только тогда узнали, в чем секрет болезни': чув. *Ача чухне минди сав сарт сине ханарса ун леш енге мён иккенне пёлес килетче* [Алендей, 11] 'В детстве мне хотелось, взобравшись на этот холм, узнать, что находится на другой стороне'.

Трансформант *е-и* + *-дан* + *-лыг* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: ккалп. *Ол экенлигин билмедим* 'Я не знаю, что это был он' [ККРС'л, 1958, 188]; узб. *У эрининг ўқийида қарши эканлигини фаҳмлади* [Шукуров, 71] 'Она понимала, что ее муж против учебы'.

Трансформант *й(р)* + *-дук* + аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Куталгу билиг: *ای تولدی اوزی دولت ایردوکیین ایور* '(глава) говорит о том, что Ай-Толды сам есть счастье' [Малов, 1951, 225, 229].

Трансформант *й(р)* + *-мыш* + аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Среднеазиатский тефсир: *Mārijām bildi ārsā ol fārištā ārmīshini adāmī ārmās kīñsh amrudī* 'Когда Марьям узнала, что то был, оказывается, ангел, не человек. (то) сердце ее успокоилось' [Боровков 1963, 51].

Трансформант *э*- в отрицательном аспекте: *эмас* + *-лыг* + аффикс принадлежности + вин. падеж: кирг. *Балдар аның өзүнен сборого чогулганда кандай тартпн таалим сакталса, саякатта да ошондой тартпн менен жүрүш керек экенин, отряддан уруксатсыз бир кадам жылыш мүмкүн эмесигин угушту* (Назир, 25) 'Ребята слышали с его слов, что в походе надо соблюдать такую дисциплину, которую соблюдают во время сбора, что нельзя отходить от отряда ни на шаг': узб. *Мирзо Ёдгорнинг шавқати мустақкам эмаслигини тасвирлади* (Ойбек, 91) 'Он дал понять, что слава Мирзы Ёдгора непрочна'.

Трансформант *дейил* + *-лыг* + аффикс принадлежности + вин. падеж: туркм. *Иъне вели этек обадан чыкып гитжек далдигими айтдым* [Сарыханов 1951, 10] 'Однако я сказал, что пока я не уезжаю из деревни'.

3. В истории развития сложного предложения имеются факты, когда на подчинительный характер одного из двух примыкаемых предложений (как именных, так и глагольных) указывают служебные слова при сказуемом. Выступая как бы заместителями союзной связи, они сохраняют грамматическую самостоятельность сказуемого.

1) Именное предложение со сказуемым *бар/йок* + служебное слово: *бар/йок* + *учун*; ср. памятник енисейск.: *Тонларым ар атым јок үчүн јәти ашунуы әшим ташру әтилти* 'Мои лагеря; так как не было (сначала) у меня геройского имени, то семь передовых моих дел были совершены в заграничных боях (вне)' [Малов 1952, 73, 74]; чув. *Представитель сук турки съезд сүтсе явни пёрремеш ыйтуна ял Совет председателё Шишкина гухса каласрё* (Ухли 1956, 41) 'Так как представителя не было, по первому вопросу, обсуждавшемуся на съезде, выступила председатель Совета Шишкина'.

бар/йок + *сактарза*: башк. *Ғариф Өйзә юк сактарза ул Вахит менән кунак чйенә сыға* (Хайри, 53) 'Когда Гарифа нет дома, он с Вахитом переходит в дом гостя'.

2) Глагольное предложение + служебное слово:

verbum finitum + *гиби*: тур. *Ve ikimiz de esrarlı bir musikiye uyuymuşuz*

gibi ağır ağır sallanıyorduk (Sabahattin 1966, 105) 'И мы медленно раскачивались, словно мы засыпали под гайнственную музыку':

verbum finitum + *ичин*: тур. *Bana acıyan kiracılar iş bulabilmen için elbirliğiyle beni giydürüp kuşandırmaya karar vermişler* (Nesin 1962, 40) 'Так как я не мог подыскать работу, жалующие меня жильцы решили коллективно меня приодеть':

verbum finitum + *ялы*: туркм. *Багшы өзүни сызып баршына йүрегине ве дутарына сыдырып билмедик ялы, шейле бир бонди гаты сес билен ацдын гойберди* (Сарыханов 1961, 13) 'По мере того как Багшы все больше и больше разгорался, он пропел громким голосом такую строфу, точно она не вмещалась ни в его дугар, ни в его сердце':

verbum finitum + *таг/дек*: уйг. *Яш чоканниң гөзал үзини ач көз жигитларниң яман көзидин – шошурған чүмпердидек, бу асман гөзаллирини қара булут тосаталған* (Босақов, 34) 'Подобно тому как красивое лицо молодой замужней женщины скрывается от дурного взора (взгляда) жадных молодых людей, (так и) красоты этого неба были закрыты черной тучей':

Процесс образования сложного предложения этого типа облегчается тем, что модель *verbum finitum* в сочетании со служебным словом существовала уже в рамках простого предложения (ср. тур. *Kızın dili tutulmuş gibiydi* (Cumh.)) 'Словно язык у девушки был скован':

4. Наблюдаются факты грамматического перерождения связки, вспомогательного слова: при трансформации они, сохраняя независимость основного сказуемого, придают разнообразные подчинительные значения:

бар/йок + *әркән, икан*: тат. *Иптәшләрдә татулык юк икән аларның эше уңайга бармас* 'Когда в товарищах согласия нет, на лад их дело не пойдет' [Газизов 1952, 215]; памятники древнетюркской письменности: *jir t(ä)ñri jor* (чит. *joq*) *ärkän* 'Когда еще не было земли и неба' [Малов 1951, 118, 122]:

verbum finitum + *ärsär* – памятники христианского содержания XIII в.: *Qaçan ol moçoqlar Bidilix um-qa tägdilär ärsär, ol jultuz täbrämädin sük turdu* 'Лишь только те волхвы достигли Вифлиема, звезда эта не двигалась и остановилась' [Малов 1951, 134]:

verbum finitum + *болсо*: алт. *Je, кудай берген болзо, Кудайга берү'эт* 'Ну, коль бог нам дал, сделай богу жертвоприношение' (Алтын-бизе, 15) и т.д.

5. В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется вопросительная частица *мы/ми/му/му*, передающая отношения временной соотнесенности действий. Ср. узб. *Ғазабимдан Илхомжоннинг кўлини қаттиқроқ қисдимми у йишлагудай бўлиб* (Чашмалар, 84) 'Когда я от возмущения крепко сжала руку Илхомжон, она готова была расплакаться': уйг. *Кабина ичи иссин кәттимү һамминин нәпәси, егирлишин, тени қизиди* (Төхтәмов, 42) 'Когда кабина прогрелась, дыхание у всех стало тяжелым, тела разогреблись':

В дотрансформном состоянии способ примыкания поддерживался системой частиц, которые хронологически относились к довольно раннему периоду праязыкового состояния. Частицы союзного порядка предохраняют сказуемое зависимого предложения от трансформации. Постпозиция частиц союзного порядка – явление не случайное в структуре тюркских

языков, а обусловленное прежде всего давлением своей системы (давление системы сказано и в развитии в ряде тюркских языков постпозитивных союзов - ср., казалось бы, неестественное положение союза *ки*, составляющего с главным предложением в азербайджанском языке единую ритмико-синтагматическую единицу; в данном случае наглядна контаминация внешних и внутренних факторов в развитии синтаксической структуры, см. об этом подробнее в гл. IV). Ср. ккалп. *Уйдиш ишинде от сьнди де, ол карангы болганын карди* 'Он увидел, что стало темно, как только внутри дома погас огонь' [ККРСд. 1958, 866]; таг. (миш. диал.) *Халын алдырмады так эшламэгидан* - лит. *Халыңнан килмәсә* 'Если положение не позволяет, так не нужно было тебе и делать' [Шакирова 1949, 144].

Частица *да/де* соответствует частице *дак* в русском языке; ср. северные говоры (Архангельская область): *Иди, пошел дак*. В коми-зырянском языке ей соответствует частица *кӧ*: *Босьт, босьтин-кӧ* 'Возьми, взял дак'.

б. В примыкающем логически зависимом предложении сказуемое, сохраняя основные грамматические признаки глагола-предиката - времени, лица и числа, вместе с тем принимает падежные аффиксы, устанавливающие относительную связь с главным предложением. Таким образом, мы фиксируем намечающийся процесс трансформации. Это случаи так называемой конверсии, когда *verbum finitum* превращается в глагольное имя. Подобное явление хронологически более позднее. Оно предполагает развитую систему не только *verbum finitum*, но и отглагольных имен. Трансформация может затрагивать систему как настоящих, так и прошедших времен глагола.

Трансформация форм наст. времени Ср. туркм. *Хабар этмелими я да ёк?* (Маммадов, 67) 'Сообщать мне или нет': *Сениң бу этмәңи диңге мен дәл, әмма әзун билән биле шилейән әхли жораларын хем язгарярлар* (Там же, 78) '(А) то, что твой поступок не только я, но и все работающие с тобой тоже подруги осуждают'; тур. ... *enistem geldi, akşama misafirliğe geleceklemini söyledii ve sana bildirmemi tembih etti* (Nasreddin, 15) '... приходил мой зять, сказал, что вечером они придут в гости, и рекомендовал мне не сообщать тебе'; каз. *Жалғыз-ақ "не қылайыны?" жоқ қой* (Әуезов, 1/4) 'Только не говорите "что смогу сделать?"'

Трансформация формы прош. категорического на *-ды*: аз. ... *сәнин дә кәлмәйин дәп шаһ кәлдисинә дөвдү ки. - дөди, - нийә белә жемикдин?* (Меһди 1954, 8) '... а твой приезд прямо-таки превратился в приезд шаха, - сказал он, - почему ты так опоздал?'; кбалк. *Бир да хошкелдиге киши келмейди* 'И никто не идет приветствовать' [МБД 1962, 67]; кирг. *Тойдун болот-болдусу менен меймандын келди кеттиси кызык болгондой, чоң иштиң да башталышы өзүнчө бир кызык* (Рашидов 1961, 18) 'Как начало и конец тоя и приход и уход гостей, так и начало больших дел по-своему интересно'; кум. *Магъя сююнчлю хош гелдинги берединг* (Акавов, 16) 'Ты мне сердечнo ответил: добро пожаловать'.

В туркменском языке субстантивация личной формы на *-ды* возможна и без падежного оформления: *Ондан гөрдим билдим болмады* 'От него нет ни слуха, ни духа'.

Трансформация формы прош. времени на *-ган*: ккалп. *Кеште Төрөбайдың өзи келмегенлерди аныкдап шықты* (Қайыпбергенов, 28) 'Вечером стало совершенно очевидно, что сам Төрөбай не пришел'; *Бизиң уйди оққа тугып, Жумағұлдың кемпирин атып кеткенлерге ким жууап береди?* (Там же,

29) 'Наш дом попал под обстрел; за то, что Джумагюль бросила старуху и уехала, кто отвечает?; кум. *Бюгюн ахшам ондан кычып гелегенлени гёр-дюм* (Ягьяиев, 10) 'Сегодня вечером я видел, что они прибежали от него'; шор. *Пөрүбе кой тир шуланда чатканнарын кайдан кёрдинз* 'Где ты видел, чтобы волки и овцы жили в одном дворе' [Дыренкова 1941, 291].

Трансформация формы прош. времени на *-мыш* — Золотой блеск: *Nañ (bu kişi) b(ä)lgülig utquraq tüşiñä tägniş lärin iti körtüküm joq ärti* 'Но я ясно не видел совсем, чтобы такие люди подвергались явному и естественному возмездию' [Малов 1951, 155, 158].

7. В тюркских языках можно привести немало примеров (на материале как древних, так и современных языков) на такие структурные построения, в которых наглядны соотношения между двумя логически зависимыми предложениями, основанные на примыкании. Довольно распространены сложные построения, где первое примыкаемое выступает на правах определения. Предложение имеет именное сказуемое. Такого рода конструкция — одно из оснований для возможной трансформации. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа, которым оформлен субъект действия зависимого предложения: чув. *Пүрүдө сивё сын сивёрен хараса пирён патне выртма килүе* 'Человек, у которого изба холодная, из боязни холода пришел ночевать к нам' [Ашмарин 1903, 386]; Кюль-Тегин: *Наңылысыз будунка олурмадым, жүрә ашсыз, ташра тонсыз жабыз jabлак будунта үзә олуртым* 'Я отнюдь не сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи — одежды, (над народом) жалким и низким' [Малов 1951, 31, 39].

Начальным этапом процесса трансформации была адьюстация — простое присоединение, приспособление без грамматического изменения. Путь адьюстации прослеживается в отношении как именных, так и глагольных предложений. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица при субъекте действия зависимого предложения. О древности способа примыкания двух ранее самостоятельных предложений и развитии на их базе сложноподчиненного предложения свидетельствуют следующие синтаксические построения в тюркских языках.

1) Конструкции с *бар* и *йок*, которые ставятся перед главным в качестве логического определения в соответствии с законным порядком слов "определение + определяемое". Ср. каз. *Барлық Шыңғыс сыртындағы ұшы-қыйыры жоқ ен өлке, кең сала, мол жайлау, қуйқалы адыр, қалың таулардан жұрт ағылды* (Әуезов, 42) 'На огромной территории Шыңғыса, которой нет конца и края, на широких отрогах, обильных джайлау, черноземных возвышенностях и среди сплошных гор скопились аулы'; туркм. *Илде йок һүнәри билсин* 'Пусть узнает такое ремесло, какого нет в народе' (Туркм. сказки, 56); *Ҳиди йўқ, гул назаримда, ҳиссиз гўзалларга ўхшаб кетади* (Чащмалар, 50) 'Цветы, у которых нет запаха, с моей точки зрения, похожи на бессердечных красавиц'; Кюль-Тегин: *Ол амты аныз јок түрк каган Огүкән јыс олурсар йтә буң јок* 'Если в Огюкэнской черня сидит тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет стеснения' [Малов 1951, 49].

2) Именные предложения (в том числе и со связочными средствами

тур. или ол./бол.). Ср. Кутаду билиг (наманганск.) *Axir tağdi Ālik turur oldıca* 'Наконец, достиг он лагеря, где обитали Элик' [Малов 1951, 249, 274]: кбалк. *Коб эциси болгъан бир къошха зетхенди* 'Пришел к одному кошу, где много было коз' [МБД 1962, 26, 28, 29]. Именное предложение может примыкать и на правах изъяснительного: узб. *Қиз ўзидә йўқ севиниб, югуриб яғасининга олдиға чиқиб: Қуёвингиз гапирдилар, суюнчи беринг, суюнчи! дебди* (ЎЭ, 120) 'Обрадовавшись, (что) девушки нет у себя, она пошла к жене старшего брата и сказала: ваш зять говорил – дайте подарок за радостную весть!'

В рамках примыкающих друг к другу двух самостоятельных простых предложений, передающих подчинительные отношения, и кроются условия для возможной трансформации одного из сказуемых, причем характерно, что при выражении изъяснительных отношений логически подчиненное сказуемое сохраняет еще грамматическую самостоятельность, оно еще не управлется сказуемым главной части. Такого рода сложные предложения наглядно хранят следы структурной самостоятельности объединенных предложений. Следы этого мы находим не только в памятниках, но и в современных живых тюркских языках: аз. *Пис ишләјјир дедин* 'Ты сказал, (что) он плохо работает' (Ибраһимов 1966, 32); каз. *Кеші – рiмi мейiрiмi жоқ екенiн Көкше неше жерде көрдi бiлмейiмiн* (Дуэзов, 171) 'Я не знаю, сколько раз (в скольких случаях) видел Кокше, что он злопамятный'; кирг. *Кермекаштан айрылдыңыз деймин* (Каимов, 151) 'Я скажу, (что) вы расстались с Кермекеш'; тур. *Ви gece çok eğlenecēiz sanıyorum* (Reşat 1958₂, 36) 'Я думаю, что мы сегодня вечером очень повеселились'.

Грамматическое сказуемое, грамматически не изменяясь на началах аффиксации, при соблюдении твердого порядка слов "определение + определяемое" образует и определительную конструкцию. Ср. алт. *Койлор, койлор слер тьегейтик тегенен көрүп салдым* 'Овцы, овцы, я видела колючку, которую вы могли бы съесть' [Баскаков 1965, 28]; Гадательная книжка: *Turuq at sāmriti jirin öpän jüğüri barnuž* 'Тошая лошадь, вспомнив о месте, где она добрела, быстро побежала (туда)' [Малов 1951, 81, 86].

3) Модальные опатитивные предложения, приобретшие позднее значение придаточных условных предложений. Ср. тур. *Bir haftacik Jstambula gelse de jüzünü görsem* (Reşat 1958₂, 11) 'Поехать бы мне на недельку в Стамбул и посмотреть бы на нее'. В данном случае удобной почвой для развития придаточного условного явилась природа самой формы на *-ca*, содержащей элемент *-c*, который всегда связан с проекцией в будущее время.

УСЛОВИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

При сравнении типов построения предложений в тюркских языках с типами построения предложений в языках другого строя, можно легко заметить, что простое предложение в тюркских языках является господствующим. Можно без всякого преувеличения сказать, что простое предложение в тюркских языках стремится включить в себя все потенциально возможные придаточные предложения, создать такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам построения главного предложения. Правда, в некоторых современных тюркских языках, в особенности турецком, азербайджанском и гагауз-

ком, эта тенденция в известной мере ослаблена, но она была определяющей в ранних тюркских языках и продолжает действовать в абсолютном большинстве современных.

Некоторые русские типы придаточных предложений во многих тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Человек, который много читал, много знает*; *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения типа *Я знаю, что у тебя нет денег*, придаточные обстоятельства времени, например: *Когда настала осень, в школах начались занятия* и т.д.

Во многом эти особенности объясняются типичным для тюркских языков порядком слов — "определение + определяемое". С точки зрения логики русские определительные придаточные предложения являются определениями. В предложении *Человек, который много читал, много знает* придаточное предложение, *который много читал* логически представляет определение, характеризующее данного человека. По этой причине оно заменяется в тюркских языках причастным оборотом, ср. тат. *Куп укыган кеше куп бул* 'Человек, который много читал, много знает' (букв. 'Много читавший человек много знает'). В тюркских языках сильна тенденция создавать определения там, где только это возможно. Деепричастие в известной степени также можно назвать определением, поскольку оно определяет действие основного глагола, ср. предложение типа: *Сидя ест*, или *Придя домой, я пообедал*, или *Копая огород, я сломал заступ*. Главное действие здесь характеризуется способом или временем его совершения. Этим объясняется начальное положение всех деепричастных конструкций в тюркских языках.

Положение определений в начале предложений, естественно, оттесняло личную форму глагола на конец предложения. Это обстоятельство хорошо объясняет одно типичное для тюркских языков явление, которое состоит в следующем. В том случае, когда в предложении несколько глагольных сказуемых, только последнее оформляется в окончательном виде, а все другие, относящиеся к нему, имеют форму деепричастий. Ср. приводимый Н.П. Дыренковой пример из алтайского языка: *Айлына дьедип, аттанъ тѹжѹп, аттынъ эрин алып, адын агыдып, ѳѹге кирди* 'Он доехал до дома, слез с коня, расседлал его, коня отпустил (и) в дом вошел' [1940, 267].

Учитывая эту особенность, можно легко объяснить невозможность образования во многих тюркских языках дополнительных придаточных предложений, вводимых союзом 'что', типа *Я знаю, что он работал на Урале*. Здесь можно было бы создать два самостоятельных, но логически связанных предложения (*Я знаю. Он работал на Урале*) или создать конструкцию, совершенно непреемлемую для тюркских языков: *Я он на Урале работал знаю*. Закономерная тенденция сохранять только конечную личную глагольную форму и заставляет устранить личную глагольную форму потенциально возможного придаточного предложения 'что он работал на Урале'. Последнее превращается в развернутое дополнение на базе отричающего имени, в которое превращается личная глагольная форма потенциально возможного придаточного предложения, ср. тат. *Аның Уралда эшлэгән беләм* 'Я знаю, что он работал на Урале' (букв. 'Я его на Урале работу в прошлом знаю').

Первостепенной задачей историка синтаксиста является выяснение того, как исторически могли возникнуть все эти особенности.

С полной уверенностью можно констатировать, что состояние предложения как в индоевропейских, так и в тюркских языках на ранних этапах развития типологически было одинаковым. Господствовало простое предложение. Однако в процессе усложнения простого предложения индоевропейские и тюркские языки пошли разными путями. В индоевропейских языках появились средства присоединения одного простого предложения к другому. Обычно таким средством являются союзы. Ср. рус. *Я знаю, что мой брат вчера получил деньги.*

В тюркских языках усложнение простого предложения выразилось в том, что из двух предложений создавалось одно. Логически подчиненное предложение при этом подвергалось трансформации, или преобразованию. Результат этой трансформации, так называемая зависимая трансформация, уже не представляла собой предложения. Из двух предложений, таким образом, получалось одно.

СУЩНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Трансформация — это процесс, когда одно предложение, которое в индоевропейских языках (потенциально) может быть придаточным предложением, включается в состав другого предложения, которое логически является главным. Трансформация возникла в тех условиях, когда усложняющаяся человеческая мысль требовала создания какого-то более сложного средства выражения. Выбор конкретных путей выражения сложной мысли зависит от специфики данного языка или группы языков.

В тюркских языках определяющим в этом отношении фактором явился стабильный порядок слов: определение — определяемое. Поэтому 1) любое определение выдвигается на первый план, 2) необычайно увеличивается роль деепричастия, 3) в предложении становится терпимой только одна форма — *verbum finitum*, 4) увеличивается роль развернутых дополнений, 5) фактически устраняются придаточные предложения.

В тюркских языках становятся закономерными следующие способы трансформации.

1. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного придаточного предложения в причастие для создания семантических аналогов определительных придаточных предложений. Ср. туркм. *Говачаларың япраклары душер ерде душмеди* (Байрамов 1981, 24) 'Листья хлопка не падали на то место, где они должны были упасть'; аз. *О башына жалган сон аьвалаты, ушагыг иллэрини, муздурлуг этдийи жулэри хатырлады* (Мефди 1954, 49) 'Он вспомнил, пришедшие ему в голову последние события, детские годы и дни, когда он батрачил'; башк. *Уның улы безен мактапта укыган карт базареа киткан* [Дмитриев 1948, 252] 'Старик, сын которого учится в нашей деревне, поехал на базар'; тур. *Tetkikat yapan mühendisler yolun yarım milyona çıkacağına söylediler* (Sabahattin 1966, 310) 'Производившие разведку инженеры говорили, что дорога обойдется в полмиллиона'; тат. *Икөнчө бригада сөрәчек жаргә килеп тә життеләр* 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бригада' [Закриев 1963, 288]; чув. *Эт пыйн куи Енисей өччен ләпкә сиз ачашийн вәрсе таратчә* (Лазарева 1977, 101) 'В день, когда я приехала, со стороны Енисея ласково дул тихий ветер'; каз. *Мақсұт келіп кірген болменің*

ийинде бирнеше столдир тур екен (Сарғасқаев, 38) 'В комнате, в которую вошел Макеут, стояло несколько столов': ккалп. *Хожанияз журген соқпақтан ол журмеўге тырысады* (Қайыпбергенов, 15) 'Он старается идти по дороге, по которой шел Ходжанияз': кбалк. *Да, ол мен айтқан қаулла жарлықада, хар кимге жалға бара айланғадыла* 'Ну, те крепостные, о которых я упоминал, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь к каждому в баграки' [МБД 1962, 54, 55]; кирг. *Айкыз да, Кадыров да журөгүнде бук болгон пикирдин баарын айтышты* (Рашидов 1961, 23) 'Айкыз и Кадыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе': кум. *Сен гетген сунден сонг штабди ишлер бираз бузукь болган эди* (Ягьяев, 14) 'Со дня, когда ты ушел, дела в штабе стали хуже': ног. *Азрет баягы дамалар олтырган столдынь касымнан озып, рестораннын шагын йогнеди* (Кень йоллар, 12) 'Азрет прошел около стола, где недавно сидели дамы, и вышел из ресторана'.

2. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного придаточного предложения в отричающее имя для создания грамматических аналогов дополнительных придаточных предложений. В этих случаях отричающее имя обычно употребляется в вин. падеже. Ср. тат. *Сугышынь беткәнен ул хәзәр генә аңлады* (Казан утлары) 'Только сейчас он понял, что кончилась война'; чув. *Атте аста пурайинине анне пёльне иккен* (Лазарева 1960, 43) 'Мать, оказывается, знала, где проживает отец'; ккалп. *Оннан кеин малақайымның бир қулагының төбелесте жулынганын билдим* (Аймурзаев, 125) 'После этого я узнал, что в драке от моей шапки оторвалось одно ухо'; узб. *Шимоллий Америка аҳолиси "торнадо" яқинлашиб келаётганини унинг даҳшатли шовқинидан биледи* (Мўминов, 91) 'Жители Северной Америки определяют (букв.: узнают) приближение торнадо по его ужасному шуму'; аз. *Бу анда Ханларын жөндөрдийи төблицатчылардан бәзиләри Тәрланын ким олдуеуну анлайиб, йолдашларыны да чагырдылар* (Меһди 1954, 163) 'В это время некоторые из послов, посланных Ханларом, поняли, кто такой Тарлан, и позвали товарищей'; *Һалә мәктәбдә дәрс гуртармамышды, район мәркәзиндән колхози адам жәлдийини Тәрлани хәбәр вердиләр* (Там же, 114) 'В школе еще не закончился урок, (когда) Тарлану сообщили, что из районного центра пришел человек'.

Отричающие имена в тюркских языках широко используются для выражения временного соотношения действий.

В различных языках мира используются в основном два способа выражения одновременности действий. Первый, по-видимому наиболее древний, способ заключается в использовании значений местных падежей отглагольных имен существительных. Так, например, в ненецком языке форма отложительного падежа отглагольных имен служит для выражения зависимого действия, предшествующего по времени главному действию, а также зависимого действия, явившегося причиной главного действия, например: *ям сабраба'махад хадахартани е'* 'оттого что землю копала, когти у меня болят' (букв. 'от копания земли когти у меня болят').

Типологическое сходство представляет оборот *ablativus absolutus* в латинском языке, например: *Alexandro mortuo, legatos Tynum misimus* 'Когда умер Александр (букв.: от Александра умершего), мы отправили послов в Тир'. Сходна с латинским абсолютная конструкция с аблативом в финском

языке: *Veljen palattua työstä menemme elokuviin* 'После того как брат возвратился с работы, мы пошли в кино' (*veljen palattua* 'от возвращения брата').

Средством выражения соотношения действий могут быть также послелоги. Значение японского послелога *kara* 'от' равно значению аблатива, и он может употребляться для этих целей, например: *Korera no tegami wo raipurata de utte kara watashi no tokoro e motte kite kudasai* (разг.) 'После того как вы отпечатаете эти письма, принесите их мне.'

Другим способом выражения соотношения действий является создание придаточных предложений, вводимых союзами.

Тюркские языки явно предпочитают первый способ. Формы местных падежей отрицательных имен и сочетания их с послелогами широко употребляются для выражения временного соотношения действий, что позволяет им часто обходиться без придаточных предложений, вводимых союзами: каз. *El өлтіргенге кун сураушы ең* (Дуэзов, 42) 'Когда убивали джигита (храбреца), добивался же он выкупа'; кирг. *Сизди кутконумз уч жыл болду* (Каймов, 148) 'Три года, как я жду вас'; узб. *Қишлоғимга бормазанимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я ездил в мой кишлак, прошло как раз три года'; тат. *Яңғыр яуганга килә алмадым* [Жәләй 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'.

Особенно часто употребляется форма местн. падежа отрицательного имени, которая фактически превратилась в деепричастие. Ср. башк. *Сәғәт телдәре тейешле вақытты курһәткәс, сигнал ракетаны атылды* (Хәрби повестәр, 13) 'Когда стрелки показали нужное время, была запущена ракета'.

На субъект действия могут указывать притяжательные аффиксы. Ср. кирг. *Биз ошууга келип кеткенибизде, караңгы тушуп калган эле* 'Когда мы подъехали к перевалу, было уже темно'; хак. *Ол парғаннан тура чаби чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'; тат. *Ул учыганнан миңа бер зарар да юк* [Газизов 1952, 222] 'До того, что он уйдет, мне никакого дела нет'; каз. *Біз үйден шыққаннан ол әңгімесін тоқтатқан жоқ* [Сауранбаев 1946, 25] 'Когда мы вышли из дома, он не прекращал свой рассказ'.

В тюркских языках отрицательное имя может встречаться в форме ныне уже исчезнувшего напр. падежа на *-ча*. Ср. тат. *Патроннары беткәнче Искәндәр атыша* (Әпсәләмов 1953, 116) 'Искандер отстреливался, пока не кончились патроны'; каз. *Осылайша кун батқанша бутақтың үстінде отырдым* (Сарғаскаков, 43) 'Так я сидел в кустах, пока не зашло солнце'; тур. *Ben haziran gelmeyince balğa çikamam* (Nesin 1958₂, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

В роли отрицательных имен в тюркских языках могут выступать все причастия, ср. аз. *Байрам Мәшәдибәйин Петербурдан муһәндислик оху-дугуна эшитмишди* (Мейди 1953, 31) 'Он слышал, что Байрам Мешедибей в Петербурге учился на инженера'; тур. *Ben bunu okuduktan şaşakaldım* 'Когда я прочитал это, сильно удивился' [Кононов 1956, 400].

Особо выделяются сочетания отрицательных имен со служебными словами, обозначающими место и время: тат. *Син килгән вақытта ул өйдә булмаган* 'Его не было дома в то время, когда ты пришел' [Каримова 1954, 15]; узб. *Пийда аскарлар ҳужум бошлаган вақтда, кутулган ҳодиса рўй берди*

(Кахдор) 'Когда пехота начала наступление, произошло событие, которое ожидали' [Кононов 1960, 397]; тат. *Фашизм булган урында улем қотылғысыз* (Дәули 1959, 60) 'Там, где есть фашизм, смерть неизбежна'; ног. *Биз келген шақта балалар ак тоьсеклерде, ак яювлар ябыныт уйқайтаган эдилер* (Ленин йолы) 'Когда мы пришли, дети спали на белых подушках, покрытые белыми одеялами'; чув. *Ана салтака йсатнй чухне те сакан-пекех кёркуннеччй* (Ухли 1956, 7) 'Когда его провожали в солдаты, была такая же, как сейчас, осень'.

Служебные слова, по существу, выполняют те же функции, что и послелоги, сочетания которых с отпричастными именами имеют широкое распространение. Ср. тат. *Без засадага ятқаннан соң юл буйлап ялгыз фин утеш ките* (Әпсаләмөв 1953, 114) 'После того как мы залегли в засаде, на дороге показался одинокий финн'; чув. *Занятисем пётнй хысқаных, ачасем выльма нусларёс* 'После окончания занятий дети начали играть' [Дмитриев 1955, 113]; ккалп. *Айшолтан өлгеннен кейн Камекбай бзинг районымызга барды* (Аймурзаев, 184) 'После того как умер Айшолван, Камекбай отправился в наш район'; аз. *Затән бурада кимсәнин сиз душундуйунуз кими, арвады йохдур* (Чаббарлы 1954, 66) 'В сущности, как вы и полагаете, здесь ни у кого нет жены'; анж. *ер олмадыгына гөрә Лачыны орая габул этмәдиләр* (Меңди 1954, 14) 'Поскольку не было места, они туда не приняли Лачына'.

3. Превращение потенциально возможных придаточных предложений в деепричастные конструкции. Ср. аз. *Һәкимлә Бәйим шәһәрә гайыдаркан, клубда көстәрилән бәдиш филмин икинни сеансы гуртармышды* (Меңди 1954, 233) 'Когда Хаким с Бейимам вернулись из города, в клубе закончился второй сеанс демонстрировавшегося там художественного фильма'; *Лачын атасынын көннә досту Гарәпетин эвинә кәләндә, аилә узләри бәйук емәк столунун дөврәсинә йығышыб чай ичирдиләр* (Там же. 34) 'Когда они пришли в дом старого друга отца Лачына Карәпета, члены семьи, собравшись вокруг большого обеденного стола, пили чай'; ккалп. *Мария Михайловна мал фермасына келгели, они балалар-да, жасы улкен-жасы кишилер-де жақсы корип қалған еди* (Аймурзаев, 151) 'С тех пор как Мария Михайловна пришла на ферму, к ней стали хорошо относиться (ее полюбили) и дети, и подростки, и взрослые'; тур. *Tren kalkarken çocuk gibi hüngür hüngür ağlıyordu* 'Когда отходил поезд, он плакал навзрыд, как ребенок' [Кононов 1956, 485]; узб. *Машина чайқалиб кетиб, Темиржоннинг кўзлари очилди* (Абдуллахонов, 34) 'Когда машина качнулась, у Темиржона открылись глаза'; чув. *Самолет сёртен уйрълсан, те аялалла тайга синалле пәхса илтём те Енисей шывёпе пёр майлӓ курс тытрӓм* (Лазарева 1977, 108) 'Когда самолет отделился от земли, я посмотрела вниз на тайгу и взяла удобный курс по Енисею'.

При исследовании деепричастных оборотов в тюркских языках необходимо проводить строгое различие между простыми деепричастными оборотами, не имеющими собственного подлежащего, и причастными оборотами, имеющими собственное подлежащее, так называемыми абсолютными деепричастными оборотами.

Простые деепричастные обороты отличаются тем, что выражаемое деепричастием действие осуществляется тем же субъектом, что и действие главного предложения. Ср. алт. *Ол кӱлӱмзӱринин бис дьаар*

кйрди 'Улыбаясь, он глядел в нашу сторону' [Дыренкова 1940, 133];
 як. *Сылыкатаан куотан Тулага тийбитэ* [Чернов 1982, 63] 'Убежав из
 семьи, оказался в Туле'; узб. *Шофер капотини очиб, мотор ичини қонлаш-
 тирди* (Абдуллахонов, 268) 'Открыв капот, шофер осмотрел внутренность
 мотора'; ног. *Батей шиберекти алып, кувавышлы кетти* 'Батей, взяв тря-
 почку, радостная ушла' [ГНЯ 1973, 254]; тур. *Нечен бир ақшам деѓитменин
 ойиндеки теуванликта торланур ахенк уарувордук* (Sabahattin 1966, 61)
 'Часто вечером, собравшись на площадке перед мельницей, мы устраивали
 пирушки'; чув. *Пукан хысё сине таянса ларса, вай тигё пыллакан анисларё*
 (Эсхель, 84) 'Откинувшись на спинку стула, она сладко зевнула'; аз.
Мон јајда кидди ишләјиб, бир аз пул јыгедым (Сарабски, 27) 'Серьезно
 поработав летом, я скопил немного денег'; кбалк. *Ибрахим, малланы да
 сюрюп, юйге келди* (Гуртуев, 17) 'Согнав скот, Ибрагим пришел домой';
 уйг. *Улар чай ичин олтуруп, узақ сөзлашти* (Босақов, 10) 'Когда пили
 чай, они долго разговаривали'; кбалк. *Къонакъ терезе жанына олтуруп,
 орамдан кёзюн алмай* (Залиханов, 67) 'Гость, присев к окну, не открывал
 глаз от улицы'; кирг. *Туйунчөк кысын Курман алдыга жүрдү* (Садыкбе-
 ков, 102) 'Зажав узелок, Курман шел вперед'.

В предложениях этого типа никогда не было трансформации. Деепри-
 частные обороты образовывались обычным путем.

Абсолютные деепричастные обороты возникают тогда,
 когда устранение потенциально возможного придаточного предложения до
 конца не доходит. Потенциально возможное придаточное предложение
 сохраняет подлежащее. Преобразуется только его глагол. Ст. гаг. *Сугыш
 беткәч, ял итарбез* 'Когда война кончится, мы отдохнем' (Әпсәләмов 1955,
 111). Здесь два подлежащих — 'война' и 'мы'. Деепричастие *беткәч* отно-
 сится к своему подлежащему — *сугыш* 'война'.

Во многих тюркских языках подобные абсолютные деепричастные обо-
 роты встречаются довольно часто: каз. *Кабинет есігі ашылып, Виктордың
 тулғасы көрінді* (Дайырбаев, 69) 'Когда открылась дверь, показалась
 фигура Виктора'; башк. *Улар коро-һары утынды санага тейап, бәйләп
 беткәндә буран якшы Ук көсәгәйне инде* (Хайри, 30) 'Когда они погрузили
 на сани сухие дрова и привязали их, буран значительно усилился'; ккалп.
Мен келгенде урок башланган эди [Дмитриев 1962, 391] 'Когда я пришел,
 урок начался'; аз. *Самәд ятмагә һазырлашанда, Куляз да ичәри кирди*
 (Меһди 1954, 29) 'Когда Самед собирался лечь спать, вошел Гуляз'; кирг.
Арадан он төрт күн өткөндө Саадат, үйлөнгөн үчүн той берди (Сыдыкбеков,
 180) 'Когда прошло четырнадцать дней, Саадат устроил пир по случаю
 женитьбы'; кум. *Сен сөйлөгенде мен гьеч сөз айтмадым* (Ягьяев, 114)
 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; кирг. *Конторага житарак,
 аның кузена бер сәер күренеш чагылды* (Хасанов, 53) 'Когда он пришел
 в контору, в глаза ему бросилось (его внимание привлекло) одно стран-
 ное явление'; *Егетләр чыгып киткәч, һажәр үзәнә урын таба алмады*
 (Там же, 107) 'Когда парни ушли, Хаджар не могла себе найти места';
 башк. *Поезд Ырымбур вокзалына килеп туктагас та, каршылаусы халык
 ташкың тузанлы вагондарың ишектәренә ташланды* (Харби повестар, 30)
 'Когда поезд остановился на оренбургском вокзале, людской поток встре-
 чающих бросился к дверям запыленных вагонов'.

Как уже говорилось выше, основным признаком абсолютного деепри-

частного оборота является наличие собственного подлежащего, которое не входит в сферу главного предложения. Деепричастие в таком обороте не связано с подлежащим главного предложения, поскольку последнее не является производителем действия, выраженного деепричастием. Деепричастный оборот просто примыкает к главному предложению.

Абсолютные деепричастные обороты в тюркских языках являются главным средством устранения потенциально возможных сложноподчиненных придаточных предложений.

ЗАВИСИМЫЕ ТРАНСФОРМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем перейти к изложению раздела о зависимых трансформациях в тюркских языках, считаем необходимым ознакомить читателя с применяемыми нами терминами и порядком изложения.

Потенциально возможное придаточное предложение – это предложение, которое в языках другого строя, например русском, могло бы соответствовать придаточным предложениям.

Потенциальное подлежащее – подлежащее потенциально возможного придаточного предложения.

Потенциальное сказуемое – сказуемое потенциально возможного придаточного предложения.

Зависимая трансформация – результат преобразования потенциально возможного придаточного предложения.

Трансформант – средство преобразования потенциально возможного придаточного предложения в зависимую трансформацию.

При описании трансформации указывается трансформант и его дериваты, функции трансформанта и каждого его деривата. В конце описания дается история трансформанта.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА -ГАН

Причастие на *-ган* способно образовывать причастные конструкции, которые могут служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. башк. *Хәмзә йәшәгән ауыл Изелдән бейек ярында инә* (Хайри, 61) 'Деревня, в которой жил Хамза, была на высоком берегу Волги'; тат. *Әлбәттә, фашистлар аларны хөрмә үскән Испанияга туган шәһәргә тугел, төрмәгә алып баралар иде* (Дәули 1959, 61) 'Конечно, фашисты их отправили не в Испанию, где растут финики, не на родину, а в тюрьму'; узб. *Алишер яшаган уйда тантаналы рух ҳукм сурарды* (Ойбек, 29) 'В доме, в котором жил Алишер царил торжественное настроение (дух)'; кум. *Калага келген Сатап партиядынъ Обкомы орыласкан уьйдин экинши шарлагына коьтерилди* (Абдужалилов, 14) 'Пришедший в город Сатап поднялся на второй этаж дома, где помещался обком партии'; каз. *Кайда барамыз? – деп сұрады шофер. – Кісі өлтірген жерге. – деди Керехан* (Дайырбаев, 215) 'Куда поедет? – спросил шофер. – На то место, где убит человек, – сказал Керейхан'; Родословная туркмен: *Атасы барған јаркә барды* 'Он пошел в (то) место, куда ушел его отец' [Кононов 1958, 63].

Особо следует выделить случаи, когда сказуемое-трансформант выражен

формой *болған/булған*, которая, будучи лишена материального смыслового содержания, может рассматриваться как чисто внешняя форма связи между частями сложного целого. Ср. башк. *Балалары күп булған әсәләргә пособие бирелә* 'Матерям, у которых много детей, выдается пособие' [Дмитриев 1948, 247]; ног. *Баска адетлери болған адемлердинъ арасында туры* (Кен йоллар, 41) 'Он живет среди людей, у которых есть другие обычаи'; узб. *Шодмонака раис булған колхоз* (Шарипов, 13) 'Колхоз, в котором председатель Шодмонака'.

Трансформация может затрагивать не только предикат, но и субъект действия, который в этом случае оформляется род. падежом. Ср. алт. *Бо ло менинг келгенюлымла менинг журтыма сен бар* 'По пути, которым я ехал, поезжай мы в мое стойбище' (Алтын-бизе, 37); каз. *Улжанның жай, салқын айтқан сезі бұған ұрысқаннан да, ұрғаннан да жеңіл тиген жоқ* (Әуезов, 48) 'Простое, холодное слово, сказанное Улжаном, было ему большее (тяжелее), чем ссора и избиение'.

При сказуемом-трансформанте на *-ған* указание на субъект действия может содержать определяемое. Таким путем образуется замкнутая трехчленная конструкция, члены которой могут находиться в изафетных отношениях. Ср. каз. *Онасы Қунанбайдың айтқан сәләмі екен* (Әуезов, 27) 'Это оказался привет Кунанбая'; ккалп. *Теребайдың қаладан алған биринши тапсырмасы мынаў еди* (Қайыпбергенов, 14) 'Первое поручение, которое Теребай получил из города, было вот таким'; кирг. *Сениң мага берген жардамынды билешет* (Каимов, 51) 'Они знают о помощи, которую ты мне оказал'; Родословная туркмен: *Бізнің айтқан сөзімізні билсәләр* 'Если бы они знали слово, которое мы сказали' [Кононов 1958, 162].

Реже в подобного рода трехчленных конструкциях субъект действия остается нетрансформированным, ср. ккалп. *Бизлер келген жылы ана тилимизде окый ашылды* (Қайыпбергенов, 49) 'Год, в который мы вступили, открылся обучением на нашем родном языке'.

Указание на субъект действия, содержащееся при определяемом, делает излишним самостоятельное употребление субъекта действия в форме личных местоимений, ср. алт. *Парған дьольинъ ажык ползын* 'Пусть дорога, по которой ты идешь, будет открытой' [Баскаков 1958, 95]; Родословная туркмен: *бу олтурған тахтың улуғ атам Дуілы Кајының туруп* 'Этот трон, на котором ты сидишь, принадлежит моему деду Дуйлы-Кайы' [Кононов 1958, 134].

При сказуемом-трансформанте на *-ған* субъект действия может быть оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица, который, осуществляя формальную связь с главной частью, соответствует русским относительным местоимениям. Ср. башк. *Уның улы безең мәктәптә ұкыған қарт базарға киткән* 'Старик, сын которого учится в нашей школе, поехал на базар' [Дмитриев 1948, 252]; каз. *Қатыны өлген кісігә кім қызын бермейді дейді* (Сейфуллин, 115) 'За мужчину, у которого умерла жена (ни)кто не отдаст дочь'; ккалп. *Тиси шыкыкған балагә жайнап берген тамакъ болмайды* 'Ребенку, у которого выросли зубы, не годится пережеванная пища' [Баскаков 1951, 21]; кбалк. *Атасы ауруб жатхан кыыз базаргә кеткенди* [Дмитриев 1962, 390] 'Девушка, отец которой заболел, поехала на базар'; кум. *Анасы яшына гоерсетген китап* 'Книга, которую мать показала ребенку'; тат. *Әти салған йорт ул* (Фәттах 1966, 38) 'Это

дом, который построил отец'; уйг. *Sadir Axun bir eri olgan xotuni oddi* 'Садир Ахун взял жену, у которой умер муж' [Боровков 1935, 136]; алт. *Сен барган урак јерге* 'В края далекие, куда едешь ты' (Алтын-бизе, 37); ккап. *Ак етинье джарсады йар джиберген шаркьанат* 'К твоему белому лицу (букв.: телу) подходит шаль, которую послал (тебе) милый' [Баскаков 1951, 24]; кирг. *Айкыз да Кыдыров да журе-гүндө бүк болгон пикирдиң баарын айтышты* (Рашидов 1961, 23) 'И Айкыз и Кыдыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе'; кбалк. *Да, ол мен айткан кзулла жарлылыкда, хар кимге жалга бара айлангандыла* 'Ну, те крепостные, мною упомянутые, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь каждому в батраки' [МБД 1961, 54, 55]; кум. *Шосагыат эшик ачылган якдан абзарга ярык да урунду* (Ягъияев, 7) 'Тотчас же со стороны, где открылась дверь, проник свет'; уйг. *Мирзалимбай, бизму шу сиз ейткан маъсилелар устида баш қатуриватимиз* (Босақов, 39) 'Мирзалимбай, мы ведь над вопросами, о которых вы говорите, голову ломаем'.

Встречаются отдельные случаи, когда трансформированный предикат на *-ган*, составляя с субъектом действия изафетное сочетание, сам принимает показатель действующего лица, ср. каз. *Байтастың мінгені Қунанбайдың қаражал бұрыл аты, дәмелі бәйге аттың бірі еді* (Әуэзов, 4) 'Темногривый чалый конь самого Кунанбая, на котором сидел Байтас, был одним из призовых скакунов'.

Сказуемое потенциально возможного придаточного предложения может быть устранено путем образования от причастия на *-ган* от причастно-го имени.

Отрицательное имя в вин. падеже обычно служит средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Ул ярасын учы белән бастырды һәм бармаклары арасыннан жылы кан акканын тойды* (Әпсәләмов 1953, 92) 'Он зажал рану ладонью и почувствовал, как из-под пальцев течет теплая кровь'; каз. *Сайлыққа алыпты, ал кашан, кім бергенін айта алмайды* (Дайырбаев, 75) 'Получила в подарок, но когда, кто давал, сказать не может'; тув. *Чай эрткенин билбейн калдым* 'Я не заметил, как прошло лето' [ТРСЛ, 1955, 720]; хакал. *Алтын ахчалыг абдыраны пу атычылар алганын чох-чоос харындас сизин салды* (ХЧН, 54) 'Брат бедняка сразу догадался, что шкатулку с золотыми деньгами взяли эти стрелки'; шор. *Ай эрткенин тилбес полды, чыл эрткенин тилбес полды* 'Не замечал, что проходили месяцы, не замечал, что проходили годы' [Дыренкова 1941, 124]; кум. *Бу сёзлени Изав кюлемсиреп айтганны Хиэри эс этмеди* 'Хиэри не заметил, что Изав сказал эти слова, слегка улыбнувшись' [Джанмавов 1967, 226]; ног. *Сол куьнини кешинде Рамазан Йогары якта кайда болганын, кимди коьргенин, не затлар эткенин, кайдай хабарлар эситкенин Ханйге айтты* (Абдулжалилов, 41) 'Вечером этого дня Рамазан сообщил Ханье, где он был на Верхней стороне, кого видел, что делал, какие новости услышал'; Родословная туркмен: *Мән билгәнни сизләр бilmәссизләр* 'Вы не знаете того, что знаю я' [Кононов 1958, 164].

В объектных конструкциях этого типа субъект действия тоже часто затрагивает трансформация. Ср. алт. *Ондо тегерик дьүстү уулчактынг отурганын көрүп алды* '(Он) увидел, что там сидел круглолицый маль-

чик' [ОРСл. 1947, 303]: банк. *Батыр кызың сыққанын көтө башлай* 'Батыр начинает поджигать, когда девушка выйдет' [Дмитриев 1948, 262]; каз. *Жумабайдың қалаға бұ жолы не жұмыспен барғанын Абай дәлді білмейді* (Дүзөв, 6) 'Абай точно не знает, по какому делу Джумабай поехал в город в этот раз'; ккалп. *Ол тоқмарынын тийгесн тиймесинн билмейсин* (Сейтназаров, 20) 'Он не пошмал, достает или не достает (касается) его палка'; кирг. *Оң колум батпайып ишиит кеткенин сезип турам* 'Чувствую, что моя правая рука сильно распухла' [КРСл. 1965, 105]; ног. *Разият ... ыр сакувшьлардынъ пешинде Айседдин турганын коьрди* (Кель йонлар, 17) 'Разият ... увидела, что перед доярками стоит Айседдин'; тат. *Хуждлар минем уялганын курделэр дэ, шундук өсгэл янына чай эаргэ чакырдылар* (Фәттах 1967, 37) 'Хозяева увидели, что я проснулся, и позвали меня к столу пить чай'; хак. *Ол мининъ пабамнынъ Абаканзар килгесин пиди* 'Он узнал, что мой отец приехал в Абакан' [ХРСл. 1953, 476].

В некоторых языках – татарском, башкирском, казахском, узбекском и уйгурском – встречаются случаи употребления отрицательного имени на -ган, осложненного афф. -лык. Ср. тат. *Старшина узенеч алдинганлыгын сезеп, комач кебек кызарды* (Әисәләмов 1953, 33) 'Старшина, чувствуя, что ошибся, покраснел, как кумач'; башк. *Тузә нулеметгарын кайны амбразураларға куйганлыгын белергә кәрәк ине* (Харби повестар, 21) 'Сначала нужно было выяснить, в какие амбразуры были поставлены пулеметы'.

Отрицательное имя в дат.-напр. падеже в ряде тюркских языков передает исходный момент действия. Ср. кирг. *Айымкан Токобайдың эшигине келгенине беш жыл болот, ал он тогузга чыкты* (Каимов, 28) 'Скоро пять лет, как Айымкан перестушила порог Токтыбая, ей уже 19 лет'; ккалп. *Оң қабғымның тартқанына бир ай болып еди* (Қайыпбергенов, 9) 'Уже месяц прошел, как мое правое веко дергается'; узб. *Қишлоғимда бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я не ездил в мой кишлак, прошло как раз полгода'.

Могут быть случаи, когда отрицательное имя в дат.-напр. падеже передает причину совершения действия. Ср. уйг. *Куп сиздиниз issiq boldi* 'Стало тепло, потому что взойшло солнце' [Насилов 1940, 135]; тат. *Яңыр яуганга килэ алмадым* [Жәләй 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'; тат. *Был зур бураннар булмаганга кар тирэн түгел иде* (Әисәләмов 1955, 157) 'Вследствие того что в этом году не было больших вьюг, снег был неглубок'.

Отрицательное имя в местн. падеже очень часто передает действие, предшествующее другому. Ср. алт. *Постою ортаа тыткенде постъ ардыл наргыр* 'Когда достигли середины моста, мост рухнул и провалился'; каз. *Байтас пен Жумбай тақай бергенде Абай да қасина кеп қалып еді* (Дүзөв, 10) 'Когда Байтас и Джумабай поровнялись, Абай их настиг'; кум. *Бригада гертме терекни тубюне жыйылганда эюн тивиден авгъан эди* (Ягьяиев, 177) 'Когда бригада собралась у подножия грушевого дерева, денъ уже клонился к полудню'; тат. *Без блиндажға барып кергэндэ, капитан Х. Муратов шундый листовкаларнын берсен укый иде* (Кутуй, 190) 'Когда мы вошли в блиндаж, капитан Х. Муратов читал одну из этих листовок'.

Отричастное имя в местн. падеже может выражать действие, протекавшее (в прошлом) параллельно с другим действием. Ср. кум. *Биз юртда яшайганда, хоншуларыбыз бизге селе бола эди* 'Когда мы жили в селении, соседи, бывало, заходили к нам' [Джанмавов 1967, 218]; ктат. *Lakin, o bulunqanda, nedendir, bytyn cinovnikler mu'ajim tura ediler* (EX, 28) 'Когда он присутствовал, то почему-то все чиновники смиренно стояли'; кум. *Сен сөзлегенде мен гьеч сөз айтмадым* (Ягьяев, 114) 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; алт. *Дьылу салкын тушкенде, кар кайыла берет* 'Когда дует теплый ветер, снег тает' [Дыренкова 1940, 276]; тат. *Укытучы сөйлөгәнда ыгытбар белән тыңларга кирәк* 'Когда говорит учитель, нужно слушать внимательно'; уйг. (наречия Синьцзяна) *Чирак бакін калаганда, Камбей тунчиси сөзлән бирето* 'Когда гадают, смотря на светильник, то держит речь переводчик Камбей' [Малов 1961, 13]; шор. *Kiži aqybyşqanda qatnatçılar* 'Когда более человек, заставляют шамана камлать' [Дыренкова 1941, 330–331].

Действие может быть многократным; туркм. *Хер дем алганда, йуз ах урарсен* 'Всякий раз, как ты будешь делать вздох, ты станешь сто раз дышать' [Поцелуевский 1943, 71].

На почве значения наст.-буд. времени, передающего обычно повторяющееся многократное действие, у конструкции с отричастным именем в местн. падеже развивается значение условия; ккалп. *Жылама, Жумагул, көз жасқа өли тирилгенде дуньяға адам сыймас еди* (Қайыпбергенев, 13) 'Не плачь, Джумагуль. Если бы от слез мертвые оживали, то мир не вместил бы людей'; ктат. *Allanñ, iradesi kelgende hepimiz ölermiş* (EX, 60) 'Если бы была божья воля, все бы мы умерли'; тат. *Яңа яхшы йорт булганда, Халима карышын та тормас иде, дип уйлады ул* (Фәттах 1966, 40) 'Если бы был новый хороший дом, Халима не стала бы упорствовать, — подумал он'; тув. *Думчукка тулганда бызаа сугжу* 'Вода до носа дойдет, и теленок пошлывает' (Тыва домак., 16, 47).

В кумыкском языке встречается отричастное имя на *-ган* с афф. *-окъ*. Обычно передает временное соотношение двух действий, например: *Атасы ишден кьайтгандокъ Патимат оғьар аш берлиге айланмишды* 'Как только отец (ее) вернулся с работы, Патимат стала подавать ему еду' [Джанмавов 1967, 18]. По всей видимости, здесь произошло соединение окончания местн. падежа *-да* с усилительной частицей *оқ*. Формы местн. падежа отричастного имени на *-ган/-кан* фактически превратились в деепричастия. При наличии собственного подлежащего они образуют абсолютные обороты. Ср. каз. *Ескен Алтаевты алып келгенде Керейхан Федотовтын кабинетінде отыр еди* (Дайырбаев, 225) 'Когда привели Аскена Алтаева, Керейхан сидел в комнате Федотова'; тат. *Кирилл уянганда яңгыр туктаган, давыл тынган иде* (Әпсәләмов 1953, 151) 'Когда Кирилл проснулся, дождь перестал, буря стихла'; башк. *Улар коронары утынды санаға тейеп, байлэн бөткәндэ буран якшы ук көсәкәйне инде* (Хайри, 30) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран уже значительно утихнул'.

Отричастное имя в и с х. падеже обычно передает действие, происходящее раньше действия, выражаемого в главной части сложного целого. Ср. тат. *Без яңа өйгә күчкәннән икенче көнөндө Фазыл кайтып төште* 'На другой день после того, как мы переехали в новый дом, приехал Фа-

зыл' [Закриев 1963, 290]; хак. *Ол парганнан тура чабиш чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'.

Если указание на субъект действия содержится в отричаственном имени, то самостоятельно личным местоимением он может быть не выражен. Ср. узб. *Узимга келганимдин хурсанд булган ёш хирург ўзига хос табасум билан сўради* (Чашмалар, 53) 'После того как я пришел в себя, обрадовавшийся молодой хирург, как-то особо улыбаясь, спросил'.

Отричаственное имя в исх. падеже может передавать причину действия: кум. *Шу ердеги гъаваны арш.люгонден адам тыныш алып той билмей* 'Оттого что в этих местах хороший воздух, человек не может надыхаться' [Джанмавов 1967, 222].

Отричаственное имя на *-ган* в исх. падеже может выражать сопоставление действий (сравнение). Ср. ккалн. *Сёйлэин дегенмен сёйлемеген джакъсыракъ* 'Лучше молчать, когда хочешь говорить' [Баскаков 1952, 88].

Субъект действия может трансформироваться. В этом случае он выражается аффиксом принадлежности, ср. алт. *Дьаманьың кольына бергенинен дьакшынынь дьольына салганы артык* 'Чем отдать в руки художу (человеку), лучше положить на дорогу хорошего' (погов.) [Дыренкова 1941, 278].

Отричаственное имя на *-ган* соединилось также с окончаниями падежей, которые в настоящее время вышли из употребления. Показательным в этом отношении может служить соединение отричаственного имени на *-ган* с окончанием древнего терминатива *-ча*. Обычно эти формы обозначают предел, до которого совершается действие, ср. тат. *Таң атканчы мөмкин кәдар китаргә кирәк иде* [Газизов 1960, 201] 'Пока не займется заря, нужно по возможности подалее уйти отсюда'; каз. *Біз Иркутскіден Алматыға барғаныш ондағылар бірер анықтама әзірлеп қойсын* (Дайырбаев, 247) 'Пока мы будем перелетать из Иркутска в Алма-Ату, пусть там наведут кое-какие справки'; башк. *Атайымдарҙы озатҡас, мин ышарҙар күҙән югалғансы, улар китән яҡка ҡарап торҙом* (Вали 1953, 187) 'Проводив отца, я смотрел в сторону подвод, пока они не исчезли'; алт. *Слер бистиң айылга бүгүн келбегенче, бис кычырбасыбыс* 'Пока вы к нам сегодня не придете, мы не начнем читать' [Дыренкова 1940₁, 27]; ккалн. *Таз таранаман дегенше той таркәйдә* 'До тех пор, пока плешивый успеет причесаться (как ему хочется), пир закончится' [Баскаков 1952, 472]; кирг. *Бурма кайнаган самоорду алып келип, дасторконду жайганча, Салык бутун суудан тарткан жок* (Каимов 1957, 8) 'Пока Бурма не принесла закипевший самовар и не растелила скатерть, Салык не вынул ноги из воды'; кум. *Ревизия гелгенче, барыда затланы тартинге салмагга герек болды* 'Пока ревизия не приехала, нужно привести все в порядок' [Дмитриев 1940, 194]; ног. *Мен оға барғаныш ол магъа келсин* 'Прежде чем я пойду к нему, пусть он ко мне придет' [Баскаков 1940, 126]; хак. *Таң атханча, узудым* 'Я спал до того, как занялась заря' [ХРСл. 1953, 434]; шор. *Эртен күн шыкканче, мен анда узугам* 'Я спал до утра, до той поры, пока не взошло солнце' [Дыренкова 1940₂, 287].

Древний терминатив отричаственного имени на *-ган* может передавать также сравнительные отношения, ср. башк. *Кол булып йнрөгәнсә улғансә яҡшы* 'Лучше умереть, чем быть рабом' [Дмитриев 1948, 257]; ног. *Атын калғаныш, атын кал* (посл.) 'Лучше выстрелить, чем лежать' [НРСл. 1963, 473].

Аффикс терминатива *-чи* мог также присоединяться к отрицательному имени на *-ган*. Окончание *-ган* представляет аблаутный вариант окончания *-ган*. Круг передаваемых этой формой значений аналогичен кругу значений конструкций с *-ганча*. Ср. узб. *Отам келгунча, мен дарс таёрладым* (разг.) 'Я приготовил уроки до того, как пришла моя сестра'.

Отрицательное имя на *-ган* могло сочетаться с афф. *-лы*. По-видимому, это окончание древнего совместн. падежа, или комитатива, который некогда имел форму *-лыг*. Окончание *-лы* — поздний вариант этого окончания. Ср. кбалк. *Бу китан чыкганлы, мен аны көрмэганме* [КБК 1966, 223] 'С тех пор как появилась книга, я ее не видел'; кум. *Сагъа гъашыкъ болгъанлы, къалмады къаным къашыкъ* 'С тех пор, как я влюбился в тебя, не осталось во мне и ложки крови' [Дмитриев 1940, 145].

Тюркским языкам кыпчакского типа известен фонетический вариант этого аффикса — *галы/кели/галли/геле* без срединного *н*.

Аффикс отрицательного имени *-ган* может при сочетании с афф. *-лы* иметь усеченную форму *-га*. Эта форма широко распространена: алт. *Мен бу дьерге дьеткели үч дьыл болды* 'С тех пор, как я приехал сюда, прошло три года' [ОРСл. 1947, 302]; каз. *Сен кеткелі көп уақыт болды* (КЕ, 417) 'Много времени прошло с тех пор, как ты ушел'; лоби. *Айт болеоду беш кун болунто* 'Со времени праздника прошло пять дней' [Малов 1956, 99]; сал. *Kičifuxkēmitgili o'tmys* 'Пока не пришла младшая жена, (беркут) сидел' [Тенишев 1963, 26]; тув. *Бичинкыс өөренип чоруткала, уш чыл четкен* 'Прошло три года с тех пор, как Бичин-кыс уехала учиться' [ТРСл. 1955, 682]; туркм. (човдурах. диал.) *Мен чекерми алгалы ики ай етти* 'С тех пор как он взял мое ведро, прошло два месяца' [Машков 1949, 87]; уйг. *Мән кәлгилі бәш йил болди* 'Уже пять лет, как я приехал' [Боровков, 1935]; хак. *Пеер килгели ікі чыл полтарды* 'С тех пор как я приехал сюда, прошло два года' [ХРСл. 1953, 434]; Среднеазиатский тефсир XII—XIII вв.: *дақјанус мәлік кечкәлі ікі үчјүз артуқ болмуш турур* 'Со времени смерти царя Дакьянуса прошло свыше двух-трех сотен лет' [Боровков 1963, 60]; кбалк. *Лейля республиканы музыка училищесинде окъугъанлы бир жыл чакълы ётдю* (Гуртуев, 11) 'С тех пор как Лейла начала учиться в музыкальном училище, прошел один год'; кум. *Къыш гиргенли, бир де кар ямагъан* 'С тех пор как наступила зима, ни разу не выпал снег' [Джанматов 1967, 15].

В тюркских языках кыпчакского типа широко распространены аналитические конструкции, представляющие соединение отрицательного имени на *-ган* с п о с л е л о г а м и. Круг этих послелогов по отдельным тюркским языкам довольно многообразен. Для уяснения их роли в языке можно привести только наиболее распространенные конструкции.

Отрицательное имя на *-ган* в исх. падеже + послелог *бире* 'с тех пор как' передает временную последовательность двух действий, исходный момент совершения действия. Ср. алт. *Мен келгеннен бери эки дьыл болгон кийининде меге энем келди* 'После того как прошло два года, с тех пор как я приехал, ко мне приехала моя мать' [Дыренкова 1940, 280]; кирг. *Көсөл чоңойгондон бери Мамбеткул үй таричиликтеринен бошоп деп калди* (Канмов, 7) 'С тех пор как Көсөл подрос, Мамбеткул стал освобождаться от домашних забот'; узб. *Чевирасинин сурати келгандан бери кампир*

сремани йўқотди (Ахмад, 44) 'С тех пор как появилось фото ее правнука, старуха потеряла покой'.

Указание на субъект действия может содержать в себе отричающее имя на *-ган*. В этих случаях самостоятельное грамматическое выражение субъекта действия во фразе отсутствует, например: уйг. *Qazqārğa kalginiñdin beri on kün ötti* 'С тех пор как я приехал в Казигар, прошло десять дней' [Насилов 1963, 137]; шор. *Келгениненг неери йилгичи чыл нашталды* 'С тех пор как он сюда приехал (со времени прибытия), наступил (начался) второй год' [Дыренкова 1941, 124].

В башкирском, кумыкском, крымскотатарском и татарском языках конструкция с отричающим именем на *-ган* встречается в сочетании с послелогом *бирле* 'с, со', который, очевидно, этимологически родствен послелогу *бире* < *бире-ле*. Ср. кум. *Мен шагьардан кьайтгандан берли ону эки керен гьерегмен* 'С тех пор как я вернулся из города, (я) видел его два раза' [Джанмавов 1967, 177]; ктат. *bu gürültü dünja başlanğından berli ... tekrarlap tura* (ЕХ, 31) 'Этот спор повторяется с тех пор ... как мир стоит'.

Отричающее имя на *-ган* + послелог *менән* 'с', имеющий разные варианты в различных языках: *берлән/бирлэ/билән/менен/мулан/булан/мен/ман*. Комитативное, инструментальное значение послелога *менен* явилось удобным для образования в сочетании с отричающим именем на *-ган* условно-уступительных конструкций: каз. *Күн ыстық болганмен су салқындау еді* (Саргаскаев, 40) 'Хотя день был жаркий, вода была прохладной'; ккалл. *Аты Атажан байдикі менен келип елдикі* (Кайышбергенов, 16) 'Хотя Аты Атаджан был из басв, невестка была из народа'; кирг. *Ал убакта анчалык бай болбогону менен колунан бирин-серин мал үзүлгөн эмес* (Каймов, 3) 'Хотя в то время он и не был настолько богат, кое-какой скот у него не переводился'; узб. *Ичакларимнинг еулдирагани билан ҳеч иши йўқ* 'Хотя у меня и бурлит в животe (от голода), ему нет (до этого) никакого дела' [Кононов 1960, 385]; уйг. *Қанча килган билән, Дамолланни эрхисидә* (Босақов, 5) 'Сколько бы ни делали, все зависит от Димоллам'.

Отричающее имя на *-ган* + послелог *сайын* 'по мере того как': алт. *Олар түнниң суудан чыгарган зайын көп балык алып турды* 'Каждый раз, как он вытаскивал сеть, он оттуда доставал много рыбы' [Дыренкова 1940₁, 280]; ккалл. *Олар алға адым аткан сайын, қарсы соққан самалдың екпине кушейе берди* 'По мере того как они шли вперед, поток встречного ветра все усиливался' [Бердымуратов 1957, 104] 6 кбалк. *Бир джаны ерге чыгга барганы сайын, элинчи джаны энишегге твише келе эди* 'По мере того как поднималась одна сторона, другая сторона опускалась' (разг.); кирг. *Аба ырайы күн өткөн сайын ысый берди* (Рашидов 1961, 7) 'По мере того как шли дни, погода становилась жаркой'; кум. *Гьар гьорген сайын икрам этемен* 'Вский раз как я (его) вижу, я (ему) кланяюсь' [Дмитриев 1940, 155]; узб. *Офтоб ботишга яқинлашиб, девор тоғасидаги шуъла учган сайин, Бозорнинг андиша ва хёлоти кўная борарди* 'По мере того как солнце приближалось к закату и лучи (его), скользжащие по верху дувала, гасли, беспокойство и плохое настроение Базара возрастали' [Кононов 1960, 380]; тат. *Жәмгыять үсешенч югарырак баскычына күтәрелә барган сәен киләчәк турында уйлану белән бергә, кеше ата-бабаларының утканә белән бергә, кеше ата-бабаларының, утканә*

белән да тирәрек кызыксына башый (Казан утлары) 'По мере того как общество поднимается на новую ступень, наряду с думами о будущем возникает глубокий интерес к прошлому'; башк. *Яңы китап укыған һайын тормоштон һиндәй за буһна бер хикмәтен беләһең, беләһең генә тугел, уны тояһын* (Вали 1953, 23) 'По мере того как читаешь книги, узнаешь какую-нибудь премудрость, и не только узнаешь, но и чувствуешь'.

Отричастное имя на *-ған* + послелог *соң* 'после' передает временную последовательность двух действий. Довольно распространена в отдельных языках кыпчакского типа: каз. *Керейхан орнынан тұрған соң басқалар да тұрды* (Дайырбаев, 255) 'После того как Керейхан встал, другие также встали'; ккалп. *Ол кеткен соң Жумагул ауыр ойға шумди* (Қайыпбергенов, 114) 'После того как он ушел, Джумагуль погрузился в тяжелые думы'; ног. *Мунынъ атасы ман анасы ыӊгеннен соӊъ, Камболат деген бир авыл байы оны ыӊзине бес ясындағы бӊло болып асыравға алған эди* (Абдулжалилов, 13) 'После того как у него умерли отец и мать, один деревенский бай по имени Камболат взял его на воспитание, сделав его, пятилетнего, своим ребенком'; башк. *Без һабантуйза острашкандан һуң куп вақыт утте* (Вали 1953, 214) 'С тех пор как мы встретились на сабантуйе, много прошло времени'; тат. *Кич белән эшләрен бетергәннән соң ... Тәзкирә ... тынычлана алмады* (Хәснәи, 27) 'Вечером, после окончания работы ... Тазкира ... не могла успокоиться'; кум. "Русча-кӱмукъча сӕзлюк" чыкӕгъандан соӊг "Кӱмукъча русча сӕзлюкнӱ" устыӊде ишь башланды 'После того как вышел русско-кумыкский словарь, началась работа над кумыкско-русским словарем' [КРСл. 1969, 8]; узб. *У кетгандан сӱнг болалар, — Очил, дастурхон — деб бакирган эдилар* (ЎЭ, 87) 'После того как он ушел, дети закричали: Раскройся, скатерть!'; кирг. *Тигил киши бастыра берген соң батына албай мен да ээрчий бербедимби* (Сыдыкбеков, 355) 'После того как тот человек тронулся, робая, я тоже тронулся за ним'; тув. *Хурал дозулган соонда, концерт болган* 'После того как закончилось собрание, состоялся концерт' [ТРСл. 1955, 720]; Родословная туркмен: *Баһар болғандын соң пѣјада кӱллӱтурурмыз* 'После того как настала весна, мы пошли пешком' [Кононов 1958, 155]; шор. *Мен ӱлгемненъ соонда адымны ӱлдӱр* 'После моей смерти моего коня убей' [Дыренкова 1940₂, 124].

В некоторых тюркских языках отричастное имя на *-ған* + послелог *соң* может выражать также условно-уступительные и причинно-следственные отношения.

Отричастное имя на *-ған* + послелог *кейин* 'после' (значение синонимично конструкции с отричастным именем на *-ған* + *соң*.): каз. *Керейхан бандиттік әрекеттермен күрес аппараты таратылғаннан кейін қылместы ашу бөліміне аусты* (Дайырбаев, 216) 'Керейхан после упразднения аппарата по борьбе с бандитизмом перешел в уголовный розыск'; ккалп. *Өзлериниз белисиз, Женейтхан Жеңілгеннен кейин бираз тынышландық* (Қайыпбергенов, 22) 'Вы сами знаете, после того как Джонейтхан был побежден, мы немного успокоились'; кирг. *Сыланов райондуң бөрборуна жол ортосунан кайрылып келгенден кейин колхоздун председателин телефонго чакырды* (Каимов, 103) 'После того как Сыланов вернулся с полдороги в районный центр, председателя колхоза вызывали к телефону'; узб. *Мехмон кетгандан кейин Мажиддин халтани ағдарди* (Ойбек, 47)

После того как гость ушел, Мажиддин вывернул мешок': уйг. *Омичилар униңга йенип-йенип карап, өз жайлирига маңанидан кейин, Абдулла алқанлирига бир тукуруп қойдида, ақливаштин шыка киришти* (Босақов, 30) После того как жнецы, оглядываясь на него, отправились на свое место, Абдулла поплевал на ладони и снова принялся за работу'.

Отричастное имя на *-ган* + послелог *учун* 'для' (варианты: *ушын/юцюн/ичин*) передает причинно-следственные отношения: кум. *Уланым авруган учун гельмедим* 'Я не пришел, так как у меня заболел сын' [Дмитриев 1940, 155]; ккалп. *Мен оның не сойлегенин еситбегеним ушын индамедим* 'Я молчал, так как не слышал, что он говорил' [Насыров 1953, 201]; алт. *Таманы оруп турган учун ол кожонъдободы* 'Он не пел, потому что у него болело горло' [Дыренкова 1940, 143]; узб. *Дам олиш кунни бўлгани учун бу ерга бутун шахар кўчб чиққанга ухшайди* (Чашмалар, 116) 'Так как был выходной день, то было похоже, что весь город сюда переселился'; уйг. *Пикириқизни йошурмай ёйтқиниқиз учун раҳмэт* (Босақов, 52) 'Спасибо, что вы, не скрывая, изложили свою мысль'.

Отричастное имя на *-ган* + аффикс принадлежности + *учун* может использоваться для передачи условно-уступительных отношений: ккалп. *Даўысы аз болса да қарақалпақ болганы ушын Хожанияз сайланатуғын қусайды* (Қайыпбергенов, 10) 'Хотя голосов и мало, но похоже, что Ходжанияз мог быть выбран, поскольку он был каракалпак'; кум. (кайтаск. диал.) *Биз уйкәйтган учунна йашлар шоссаят исси болмади* 'Хотя мы вернулись домой, дети не сразу согрелись' [Жеримов 1953, 298].

В тувинском языке синтаксическая конструкция "отричастное имя на *-ган* + *ужурунда*" соответствует рассмотренной конструкции *-ган* + *учун*, выражающей причинно-следственные отношения: тув. *Соок болган ужурунда, кидис идик кедип алдым* 'Я надел валенки, потому что было холодно' [Исхаков, Пальмбах 1961, 454].

Отричастное имя на *-ган* может принимать окончание вторичного экватива — *-лай/-дай*. Настоящая конструкция передает характер, образ, манеру протекания действия, сравнительные отношения как по количеству, так и по качеству: алт. *Ал аңдагандый сен аңда* 'Охоты так же, как он охотится' [Дыренкова 1940, 279]; башк. *Ә катын заты, бер ни булмагандай, бер нәктәге карап ултырыуында дауам итте* (Гитәжев, 8) 'А женщина, как будто ничего не случилось, продолжала сидеть, оставившись в одну точку'; каз. *Кунанбайдың айтқанындай он шақты ауыл боп көшіп келіп еді* (Әуэзов, 177) 'Как сказал Кунанбай, прикочевало около десяти аулов'; кирг. *Ал ишти сиздиң тушундургенуңуздөй аткарды* 'Он выполнил работу так, как вы ему объяснили' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Терезебизни алдындагы терек бирев иш этип чыккыгандай, тербене эди* 'Дерево, находящееся перед нашим окном, качалось так, как будто его кто-то специально тряс' [Джанмавов 1967, 269]; ног. *Андрейди коьрмесе, ногоай айткандай Айшатка ишкени ас болмайтаган эди* (Кенъ йоллар, 43) 'Если бы она не увидела (встретила) Андрея, то, как говорят ногоайцы, у Айшет не было бы пропитания'; тат. *Бу суз аңа пычак белән кадагандай тәҗсир итте* (Фәттах, 48) 'Это слово произвело на него такое впечатление, будто ткнули ножом'.

Происхождение эфф. *-дай* трудно поддается объяснению. Н.П. Дыренкова называет подобный ему афф. *-тыг/-дыг* в шорском языке послелогом. Возможно, что первоначально это был действительно послелог, имеющий

значение 'подобно, как'. В современных языках афф. *-дай* < *-даг* может выражать сравнение: кум. *айдай* 'как луна', алт. *кардай* 'как снег' и т.д.

В карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках встречается отрицательное имя на *-ган* с афф. *-лай*. Оно передает временное соотношение двух действий: кбалк. *Танг атханлай, Кёзбау эшикни ачыб* [МБД 1962, 124] 'Как только рассвело, Кёзбау открыла дверь'; кум. *Къизиллар гългълэй, дау битти* 'Как только пришли красные, кончилась война' [Керимов 1967, 294]; ног. *Оны коьргенлей юреги табетаган эди* (Кень йоллар, 43) 'Когда она его увидела, сердце ее сильно забилося'.

Афф. *-лай*, возможно, связан с аффиксом древнего комитатива *-лыг/-лы*. Может быть, он когда-то был отдельным послелогом.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЯ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ПРИЧАСТИЯ НА *-ГАН*

В различных тюркских языках встречается немало форм причастий, производных от причастия на *-ган*.

Причастие на *a + турган* используется преимущественно для передачи атрибутивных отношений. Родословная туркмен: *Барчаның баратурган журтыға кәтдi* 'Он отправился в страну, в которую пойдут все' [Кононов 1958, 162]; кирг. *Мархамат . . . жаш табиятчылар ийриминин жазда кыла турган иштери жөнүндө айтты* (Назир 1960, 17) 'Мархамат . . . рассказала о работе кружка юных натуралистов, которую он выполняет летом'; ккалп. *Бир куну экскурсиядан кайтсам азық-ауқатлар сататуғын магазиннен шығып киятырган кемпирди кордим* (Аймурзаев, 52) 'Однажды, когда я возвращался с экскурсии, я увидел старика, выходящего из продовольственного магазина'.

Причастие на *-атурган* может также образовывать отрицательное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, служит для преобразования дополнительных придаточных предложений, ср. ккалп. *Тамның муйешинен жанга оте бергенимде, бес фашист солдаты менен бир офицердинг кетип баратырганын корип қалдым* (Аймурзаев, 41) 'Когда я зашел за угол дома, я увидел, как один офицер шел в сопровождении пяти фашистских солдат'; тат. *Әнә, Минжан да аның сокланып карап торганын курде ахрысы, авызын ерып Инсафка кычкырды* (Хәсәнов, 177) 'Вот Минжан увидел, как тот с восхищением на него смотрит, не выдержал и закричал на Инсафа'.

В современных тюркских языках причастие на *-атурган* употребляется сравнительно редко.

Причастие на *-атуған* передает объектные отношения: ккалп. *Енди . . . кимнинг ақсақал болатуғынын көрдингиз-бе?* (Бекимбетов, 21) 'Ну . . . теперь ты видел, кто аксакал'.

Причастие на *-атаган* передает и атрибутивные, и объектные отношения: ног. *Сен айтагаган затлардың бари де чепуха, орыслар айткандай . . .* (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь. – чепуха, как говорят русские'; *Сен, Азрет, не соьлейтаганыңды билип соьле* (Там же, 13) 'Ты, Азрет, говори, зная, о чем говоришь'.

Причастие на *-атан* передает атрибутивные и объектные отношения: алт. сев. диал. *Тошко бара ла суу алатан ойдыкка куйругаарды сугун ла алзагар . . .* Идите на лед, опустите в прорубь, где воду берут, хвосты . . . [Бас-

каков 1966. 68]; *каз. Кешікпей мен де баланын аты Гарик екин, шеші Люба екеві Шымкентте туратынын білдім* (Дайырбаев, 77) 'Вскоре я узнал, что мальчика зовут Гариком и что со своей мамой Любой они живут в Чимкенте'.

Причастие на *-диган* может передавать атрибутивные отношения. Ср. узб. *Зилзила катжасида рўй берадиган цунамиларнинг 85 проценти Тинч океан устидига ўғери келади* (Мўминов, 39) 'Из (всех) цунами, возникающих в результате землетрясений, 85 процентов приходится на бассейн Тихого океана'; узб. *Анорбибига ўхшаш тул хотинларниқ киладиган ишлари хар кимга ҳам маълум* (Қодирий 1959, 64) 'Всем известны дела, которые совершают вдовы, подобные Анор-биби'; хамийск. нареч. *Бу жага адамы-зат кайыдыман йар*. Это земля, куда люди не ходят' [Малов 1954, 80].

Субстантивированное образование на *-диганлик* используется для передачи объектных отношений: *диганлик* + аффиксе принадлежности + аффикс вин. падежа.

Причастие на *-атын* распространено в казахском языке. Может служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений: *Каладан шығатын негізгі жолдар хабарланды* (Дайырбаев, 277) 'Были перекрыты основные пути, ведущие из города'; *Ага инспектор Ертай Керімбеков аудан орталығынан он бес-он сегіз шақырымдай туратын "Жаңалық" совхозына келгенде кун ұлм свекке таяған* (Әлсәров, 88) 'Когда старший инспектор Ертай Керімбеков приехал в совхоз "Жаналық", отстоящий от районного центра примерно на пятнадцать-восемнадцать верст, время уж приближалось к полудню'.

Причастие на *-атын* может образовывать отрицательное имя, которое в форме вин. падежа способно преобразовывать дополнительные потенциально возможные придаточные предложения: *каз. Жарайды, қоя тур, сенің не айтатыныңды мен білем* (Дайырбаев, 238) 'Ладно, молчи. Я знаю, что ты скажешь'; узб. *Анварнинг бош мунашиликка ярамайдиё-анлигини, илмсиз, фазлсизлигини нега бунча ишот қилишга тиришди?* (Қодирий 1959, 64) 'Зачем он так старался доказать неблагородство, необразованность и непригодность Анвара к должности главного писца?'.

Причастие на *-аётган* распространено в узбекском языке. В роли определения может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Студентлар нахта тараётган найкалга кирди* (Шукуров, 34) 'Студенты пошли на участок поля, где убирается хлопок'; *1943 йилда ҳарбий учувчи Б. Фэрел Лох-Нес кўли устидан 250 ярд баландликда учиб кетаётган вақтида афсонавий маҳлукни кўрганилигини ўз бошиқларига айтади* (Мўминов, 28) 'В 1943 г. военный летчик Б. Фэрел сообщил своему начальству, что, когда он пролетал над озером Лох-Нес на высоте 250 ярдов, он видел сказочное животное'.

Причастие на *-аётган* может образовать отрицательное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, способно преобразовать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Халокатнинг яккаю-чегона гувоҳи шу аснода Филадельфия осмонда учиб кетаётган ДС-8 самолётнинг учувчиси эди. Учувчи кейинчалик Боинг-70 га яшин текканини, шундан кейин самолет ёниб ерга тушаётганини ўз кўзи билан кўрганини айтиб берди* (Мўминов, 84) 'Единственным свидетелем катастрофы был летевший в это время в небе Филадельфии пилот самолета ДС-8. Летчик позд-

нее сообщил, что он видел собственными глазами, как в самолет Боинг-70 попала молния, и тот, накренившись, падал на землю'.

При выражении объектных отношений причастие на *-а-ётган* может присоединять афф. *-лик*, ср. *Улар, чунончи зилзила, тошкин, денгиз нўртаналари каби, табий офат ар яқинлашиб келаётганлигини бехато сезишалади* (Мўминов, 35) 'Они безошибочно чувствуют приближение таких природных бедствий, как землетрясение, наводнение, шторм'.

Отпричастное имя на *-а-ётган* может выступать и в других падежах, например в дат., ср. *Балиқлар гўдаси йирик объектдан қочиб кетаётганга ушарди* (Мўминов, 30) 'Было похоже, что стая рыб убегает от крупного предмета'.

Причастие на *аган*, употребляясь в роли определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. кум. *Сув агагъан ерлерде адамлар яшай, бавлар чечеклене мамукъ оьсе* (Алексеев, Карцов 1968, 4) 'Там, где течет вода, живут люди, цветут сады, растет хлопок'; ног. *Сен айтатаган затлардың бари де чепуха* (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь – чепуха'; чув. *Ку поезд пёр утрав сиччен кусса килекен моряксен эшелонё пулнй иккен* (Алендей, 28) 'Оказалось, что этот эшелон принадлежит морякам, которые переселялись с острова'; *Этир пурънакан ил* [МГЧЯ 1957, 217] 'Деревня, в которой мы живем'.

Н.К. Дмитриев указывал, что причастие на *-аган* соотносится с планом наст. времени. Однако есть факты, свидетельствующие о его временной недифференцированности; ср. алт. *Эрликке переген "эки кара ат (т)ы екелип пер"*, – *диит* [Баскаков 1965, 58] 'Приведи и отдай те две вороные лошади, которые были даны Эрлику'.

Причастие на *-аган* может сочетаться с аффиксом древнего латива *-лы*. Отпричастное имя этого типа чаще передает действие, соотношенное с плоскостью наст. времени.

Относительно происхождения причастий на *-ган* высказывались различные мнения. Так, например, В. Котвич сближал их с маньчжурскими причастиями прош. времени на *-қа ~ -қо ~ -ке/-ха ~ -хо ~ -хе*, а также с монгольскими аффиксами отглагольных имен на *-γан, -с, -лγан ~ -лγа* [1962, 289]. Более вероятное предположение высказал, по нашему мнению, Г. Рамstedт. Причастия прош. времени с афф. *-н* (после гласного *-н*, после согласного – соединительный гласный *+и*) он относит к древнейшим образованиям, которые представляют собой отглагольные прилагательные с более или менее сильно выраженным перфективным значением.

Прилагательное на *-н* как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, перестало встречаться уже в древнетюркском языке; это, может быть, объясняется тем, что те же функции стало выполнять образование на *-γан*, иначе говоря, имя на *-н* от вторичной глагольной основы на *-а* [Рамstedт 1957, 91–92]. Основная заслуга Р. Рамstedта состоит в том, что он определил афф. *-ган/-қан* как сложный по своему составу.

В ранних тюркских памятниках рунического письма зависимые трансформы с формирующим членом на *-ган* не встречаются. Они зафиксированы в памятниках уйгурского и арабского письма (ср. уйгурский памятник

“Золотой блеск”, памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности “Огуз-наме”, “Мухаббат-наме”). Что касается причастного окончания *-ган-қан*, то оно уже существовало в эпоху тюркского праязыка. Об этом свидетельствуют огузские языки, ср. тур. *çalışkan* ‘работящий’ (<*çalış* ‘работать’), *kurgan* ‘крепость’ (<*kur-* ‘строить’). В кыпчакской языковой общности это причастие особенно активизировалось. В огузской языковой общности оно стало непродуктивным и почти вытеснено причастием на *-мыш*.

В основе причастного окончания *-ган* лежит причастное окончание *-ан*. Окончание *-ган* есть результат контаминаций двух причастных окончаний *-к* (<*-к*) и *-ан*.

В тюркском праязыке существовали причастия на *-ык*, оставившие следы в современных тюркских языках, ср. тур. *kırık* ‘разбитый’ (<*kir-* ‘ломать’), узб. *бузуқ* ‘разрушенный’ (<*буз-* ‘разрушать’), *кесик* ‘обрезанный’ (<*кес-* ‘резать’), тат. *сөнүк* ‘потухший’ (<*сөн-* ‘потухнуть’), аз. *солух* ‘увядший’ (<*сол-* ‘увядать’) и т.д.

Контаминация *-к* и *-ан* была вызвана, по-видимому, чисто лингвотехническими причинами. Причастие на *-ан* в тюркских языках было в известной мере полисеманлично и недостаточно выразительно в лингвотехническом отношении. Контаминированный аффикс оказался более выразительным и в большей степени дифференцированным.

Причастие на *-ган* еще до образования трансформшироко употреблялось в рамках простого предложения. Ср. узб. *Аста-аста қадам босиб, бўш турган скамейкалардан бирига ўлтирдим* (Чашмалар, 54) ‘Погуляв медленным шагом, я сел на одну из свободных скамеек’; *Болтабой уйга етганини ҳам билмай қолди* (Шарипов, 5) ‘Болтабой не заметил, как дошел до дому’; тат. *Ашаганда алар бөтенләй диарлек сөйләшмәделәр* (Фәттах, 29) ‘Когда ели, они почти совершенно не разговаривали’; *Авыл уртасына барып житкәнчә бер генә жан иясе дә очратмадым* (Там же) ‘До того (момента), как я дошел до середины деревни, я не встретил ни одной души’.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА *-АН*

В огузских языках существует причастие на *-ан*. Оно образует причастные конструкции, которые могут быть использованы как средство трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений.

В турецком и азербайджанском языках причастие на *-ан* может соотноситься с планом как наст., так и прош. времени. Ср. аз. *Пәришан икиәлли Мажанын инкә белини гужаглайыб, о кәстәрән тәрәфә бахды* (Ибрахимов 1966, 56) ‘Перишан обеими руками обняла тонкую талию Майи и посмотрела в сторону, которую она указывала’; *Сән истәйән шей дуканда йохдур* (МН, 11) ‘Того, что ты хочешь, нет в магазине’; *Исмәт бәй она кәстәрилән јердә отуруб көзләмәјә башлады* (Абдуллазаде, 11) ‘Исметбей, сев на указанное ему место, начал ждать’; *Ашагы тәрәфдә отуран Владимир көрдүкдә таажуб етди* (Там же, 65) ‘Увидев Владимира, слявшего в нижнем ряду, он удивился’; тур. *Başında renkli bir fener yanan sandal suların üstünde süzülüyor* ‘Лодка, на носу которой горит цветной фонарик, скользит по воде’ [Кононов 1956, 526]; *Manzara benim için değil, gelen ziy-*

retçiler için (Nesin 1962, 51) 'Этот пейзаж не для меня, а для приезжающих'; *Otopsi yapan doktor, bir mezhaba kasabı maharetile karnım yardı* (Там же, 59) 'Производящий вскрытие доктор с ловкостью мясника на бойне распорол мне живот'.

Причастие на *-an* в туркменском языке, в отличие от азербайджанского и турецкого, обычно соотносится с планом прошедшего времени: *Zahmetde bişişen adam* (Байрамов 1981, 60) 'Закалившийся в труде человек'; *Şol waçky awusy ydyňa duşen Nurjan birdenkä çigşine alini etirdi* (Кербабаяев, 11) 'Муржан, которому вспомнилась тогдашняя боль, вдруг провел по плечу'; *Obadan kömekçi edip iiberilen iki igidin zned işi Gara-tay agany kanagatlandyрмады* (Худайназаров, 17) 'Работа, выполненная двумя парнями, присланными из деревни в качестве помощников, не удовлетворяла Каратай-агу'.

В туркменском языке образовалось особое окончание причастия наст. времени *-ian*. Ср. *Oba tarapdan çyýjuçlik bilen çalyňan saz guлагына галды* (Байрамов 1981, 201) 'Со стороны деревни до слуха донеслась сладко играющая музыка'; *Ruşa çepän bilmeýän adam комсомол болмалы дәмидәмэ?* (разг.) 'Должен ли быть комсомольцем человек, не знающий по-русски?'

Отпричастное имя, образованное от причастия на *-an* (в туркм. также *-ian*), может служить средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. туркм. *Ogulбай бу сорага да жогап тайарламады. Ол партия гурултайларының хачан боланыны революцияның еңиш этапларыны өвренинди* (Байрамов 1981, 284) 'Огулбай ответа на этот вопрос не готовила. Она знала (букв.: выучила), когда были партийные съезды, победные этапы революции'; *Товшан... онун йигитлик дуйгуларының оянаыны ағшам дуюнды* (Там же, 98) 'Вечером Товшан... почувствовала пробуждение его юношеских чувств'; *Акжагул нахили янышлык гойберенини шу вагт билип галды* (Там же, 165) 'Акджагул в это время поняла (узнала), какую ошибку она совершила'; *Эдим шу вагт душман тарпдан бир гызжагазын bize тарап окдурьлып галиәини гөрүп галдык* (Байрамов 1963, 51) 'Как раз в это время мы увидели, как одна девочка с вражеской стороны устремилась в нашу сторону'.

Объектные конструкции с *-an* распространены в языках огузского типа значительно меньше, чем атрибутивные, а по сравнению с объектными конструкциями с *-gan* в кыпчакских языках частотность аналогичного употребления отпричастного имени на *-an* невелика. Чаще всего подобные конструкции встречаются в туркменском языке, который, как известно, по ряду своих особенностей представляет промежуточную ступень между огузскими и кыпчакскими языками. В объектных конструкциях трансформант может быть выражен и дат. падежом, что зависит от основного управляющего глагола. Ср. туркм. *Өзлеринин, көне юртада, гара өйде отуранларына кемсинийәрди* (Сарыханов 1951, 83) 'Они были недовольны тем, что сами живут в старых юртах, мрачных домах'; *Мария Антоновна Товшаның уздан суратына серетди* (Байрамов 1981, 28) 'Мария Антоновна посмотрела на фотокарточку, которую ей протянула Товшан'; *Товшан Байрамың, ятан отагына гөз гездерди* (Там же, 94) 'Товшан посмотрела в комнату, где лежал Байрам'; *Бөйле батыргай сөзлери тапанына Товшанын өзи хем хайран галды* (Там же, 53) 'Товшан сама удивилась, что нашла такие смелые слова'.

Отричающее имя на *-ан* может быть оформлено местн. падежом. Ср. туркм. *Абадан эже бу сөзлери айданда, өз-өзүндөн хошал болуп, ачылан багуле денди* (Байрамов 1981, 47) 'Абадан, сказав эти слова, довольная сама собой, вернулась к распутившейся розе'; *Сонки сөзлери айданында... сесиниң сандырандыгыны бизин хэммемиз дуйдук* (Худайназаров, 106) 'Когда он произносит последние слова, все мы почувствовали дрожь в его голосе'; аз. *Мән вәсийәт эләрем ки, мән вәландә мәни нә Кәрбәләя апарылар, нәдә мәнә әһсан версинләр* (МН, 11) 'Я завещаю, что когда я умру, то меня пусть в Кербелу не везут и поминки по мне не устраивают'; *Исмәт бәй Ибраһим бәйин свиндән чыханда артыг кечә иди* (Абдуллазада, 131). 'Когда Исмет-бей выходил из дома Ибрагим-бей, был уже вечер'. В турецком языке форма на *-анда* встречается в диалектах.

Отричающее имя на *-ан* может быть оформлено в и с х. падеже. Ср. туркм. *Йүз теңге тулуң боландан йүз достун* 'Чем иметь сто монет денег, пусть будет сто друзей' [Аннануров 1960, 7].

Отричающее имя на *-ан* может принимать окончание ныне исчезнувшего на п р. падежа на *-ча*. Такая конструкция обычно передает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. туркм. *Бу гижә даң, атыңча шол ерде болдылар* 'В эту ночь они пробыли в том месте до тех пор, пока занялся рассвет' [Поцелуевский 1943, 76].

В тюркских языках юго-западной группы встречается форма напр. падежа отричающего имени на *-ан* — *-ынча, чинча*. Очевидно, отричающее имя на *-ан* имело какой-то аблаутированный вариант на *-ын*. Эта конструкция передает или действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит действие, выраженное сказуемым главной части. Ср. аз. *Мән тоғдуку кәсіб соғунча сән дә омағы гала* (Ибраһимов 1966, 83) 'Пока я буду резать бараншка, ты разожги костер'.

В диалектах азербайджанского языка встречается форма на *-ынча* в сопинении с аффиксами принадлежности, а также форма на *-ынчах*. Ср. *Сән кәлинчән биз ишимизи гутардух* (Ибраһимов, 1966, 246) 'К тому времени как ты пришел, мы закончили свою работу'; *Нәвбә чатынчах кәздәдим* 'Я ждал до тех пор, пока моя очередь не подошла' [Исламов 1961, 21]. Эта же форма встречается в диалектах гагаузского, турецкого и туркменского языков: гаг. *Иринка лафыны битиринжә измайлар долду аула* 'Как только Иринка кончила говорить, змеи наполнили двор' [Покровская 1961, 21]; тур. *Akşam olunca, avizesini alıp gidiyordun* (Nesin 1962, 4) 'Как только наступал вечер, он брал свою люстру и уходил'. В туркменском языке форма на *-ынча* встречается чаще с аффиксами принадлежности. Ср. *Сән институтдан гелйәнчән, мән гарашып отуржакдырын* [Аннануров 1960, 147] 'Я буду сидеть и ждать до тех пор, пока не придешь из института'.

Употребление отричающего имени на *-ынча* имеет широкий ареал распространения. Ср. алт. *Соокко тоньбоынча (тоньбогончо), дыы билбеслуды* 'Пока не померзнешь на морозе, не почувствуешь тепла' [Дыренкова 1940, 1, 147]; кирг. *Сиздей селки табылмайынча эч кимди сүйбөйм жана үйлөнбөйм* (Каимов, 148) 'Пока не найдется такая возлюбленная, как вы, я никого не полюблю и не женюсь'; тур. *Ben haziran gelmeyince bahçe çakınam* (Nesin 1958, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

Сочетание формы отрицательного имени на *-ыма* с послелогом *гәдәр* также выражает действие, служащее пределом для другого действия: аз. *Адамын көзүнә юху жединчәйә гәдәр белә олур* (Меңди 1954, 363) 'Так бывает, пока человек не заснет'.

Отрицательное имя на *-ан* + форматив *-лы* > *-алы* выражает исходный момент действия. Ср. аз. *Чамалын көзүмдән ниһан олалы, истарәм бахмайым дүняйә, Пари!* (Вагиф, 32) 'С тех пор как твоя красота скрыта от моего взора, мне не хочется смотреть на мир, Пари!'; тур. *Biz bu eve taşınalı üç ay bile olmadı* (Nesin 1958, 29) 'Не прошло еще даже трех месяцев, как мы переехали в этот дом'.

В туркменском языке к форманту *-алы* могут присоединяться аффиксы принадлежности: *Бу йыл гиделиң еди йылдыр* (разг.) 'В этом году семь лет со времени твоего ухода'.

Встречающийся в тувинском и хакасском языках трансформант с афф. *-ала*, очевидно, находится в этимологическом родстве с афф. *-алы*: тув. *Ачам заводка ажылдаала, чээрби чыл ашкан* 'Уже прошло более двадцати лет, как мой отец работает на заводе'. [Исхаков, Пальмбах 1961, 63]; хака. *Алтай шынгә шагшала айгыт паьрдыь алын кыгжыь* (из сказаний) [Доможаков 1948, 116] 'Лишь только взобрался на вершину Алтай-хребта, клич дал богатырь-человек'; ср. туркм. *Өе геленлериден соң, Ленанын ягдайы хас-да эрбетлешиди* (Мәммадов, 67) 'После того как они вернулись домой, состояние Лены еще больше ухудшилось'; *Шейле болансоң, Анатолий узаклы гиже чирим этмән, она гөзегчилик этмели болунды* (Там же, 1960, 68) 'После того как это произошло, Анатолий должен был наблюдать за ней всю ночь напролет (не сомкнув глаз)'.

Употребляются также сочетания отрицательного имени на *-ан* с послелогом *ами*, обозначающими место и время: туркм. *Аксүлүкден алматыны аландан соң Халлывада гелемесини гойды* (Худайназаров, 73) 'Получив взятку от Аксюлюка, Халлыва прекратил разговор'; аз. *Инди һадисә олуб гуртарандан сонра һәр шејона ајдын жөрүнүрдү* (Ибраһимов 1958, 44) 'Теперь, после того как инцидент был закончен, все ему показалось ясным'.

Сочетание отрицательного имени на *-ан* в дат.-напр. надеже с послелогом *киби* 'подобно' обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит другое действие, выраженное сказуемым главной части: аз. *Трактор сүрүнүб каләнә кими кун кечар ки* (Ибраһимов 1958, 6) 'Пока притащут трактор, день весь пройдет'; *Рустам киши чубуә түтүн долдурмаға башилајан кими Јәрмәмәд кибрити чәкиб көзләјирди* (там же, 121) 'Пока Рустам-киши наполнял табаком трубку, Ярмаммед зажег спичку и ждал'; *О калән кими, кәлинләр сукутә далдылар* (Меңди 1953, 18) 'Как только он вошел, молодые женщины замолчали'. Вместе с тем наблюдаются случаи, когда эта конструкция передает сравнительные отношения. Ср. аз. *Мән дейән кими эләйн* (Там же, 50) 'Поступай (делай), как я говорю'.

Отрицательное имя на *-ан* может сочетаться с послелогом *учин* 'для'. Обычно это сочетание передает причинно-следственные отношения. Ср. туркм. *Чәгеде аяк сесси зишдилямәни, ылайта-да ык тарандан пейда боланы учин, оператор онуң геленини дуймады* (Кербабәев, 11) 'Так как на песке не были слышны шаги и так как он прибыл с подветренной стороны, оператор не почувствовал его появления'.

Отрицательное имя на *-ан* + послелог *гадар/кадар* обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. аз. *О калиб чыхана гадар телефонла внавалты райкома хабар вермиш* (Ибрагимов 1966, 30) 'До того как он приехал, о происшествии сообщили по телефону в райком'; тур. *Telefondan ses gelene kadar adam öbür gider* (Nesin 1962, 10) 'Пока позвонит телефон, человек умрет'.

Отрицательные имена на *-ан* могут сочетаться со служебными словами, обозначающими место, время, причину и т.д.: туркм. *Сиз аркамда дуран вагтыңызда мен адам өнүнде баш эгеримми?* (Сарыханов 1961, 19) 'Когда вы стоите за моей спиной, разве я склоню голову перед кем-либо?'. Отрицательное имя на *-ан* в сочетании со словом *жер* 'место, земля' передает значение места совершения действия: аз. *Ат олмаян ердә эшәк дә атдыр* (Аталар сезү, 36) 'Там, где нет лошади, и осел лошадь (за лошадь сойдет)'; туркм. *Гезим дүдиди арым дуран ерлере* 'Я окинула взором места, где бывала моя подруга'. Синонимом *жер* в азербайджанском языке может быть и слово *гараф* 'сторона' в служебном значении: *еј ваным түшүндан жүн чыхан гарафа бахдыгда иса һеј ран олду* (Ибрагимов 1966, 56) 'Когда же она с крыльца посмотрела туда (в сторону), где восходит солнце, она удивилась'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА *-НА*

Причастия с показателем *-на* встречаются только в чувашском языке. Они могут трансформировать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Вал рельса сүтнӗ участка ситсе, сул синчен сиксе тухассине аступӗ* (Талвир 1952, 45) 'Достигнув участка, где были разбросаны рельсы, он заметил, что паровоз сошел с рельс'; *Шӗнертүсенчи пухӗва кӗрсен, Павлуш чи малтан ӗлкӗ ӗркен ӗрленӗ Федоров учителе асархарӗ* (Осипов, 106) 'Когда Павлуша пришел на собрание в Шенертүсе, он прежде всего заметил работающего в этой школе учителя Федорова'; *Вал чӗрӗнӗ килте икӗ хӗрӗрӗм пӗр ла пуранассе* (Лазарева 1960, 38) 'В доме, в котором она остановилась, живут две женщины'.

Отрицательное имя на *-на* в в.и.н. падеже может сокращать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Саканта эпӗ пӗрремӗш хут "катюша" пенине куртӗм* (Алендей, 40) 'Здесь я в первый раз увидел, как стреляет "катюша"'; *Вал хӗссене мӗншӗн мухтанине хӗрсем нитӗ лайӗх ӗнленчӗр* (Лазарева 1960, 63) 'Девушки очень хорошо поняли, за что он себя хвалит'; *Хай чулун сул синче ӗрленине пӗлтерчӗ вал* (Талвир 1954, 90) 'Она знала, что он работает на железной дороге'; *Саша вӗсем мӗн синчен каласнине нимӗн те ӗнленмарӗ* (Лазарева 1960, 53) 'Саша ничего не понял из того, что они говорили'.

Отрицательные имена в и.с.х. падеже трансформируют придаточные предложения причины: *Пан Павлуш хваттерте пӗчченех. Зинаида Степановна алари ачине чиркӗве ирхи кӗлле тухса кайрӗ. Те пӗччен юнӗран, те ахалех вал шухӗша кайрӗ* (Осипов, 90) 'Сегодня Павлуша в квартире один. Зинаида Степановна ушла с грудным ребенком в церковь к заутрене. Мысль о том, что он остался один (так как он остался один), неоднократно к ней возвращалась'.

Отрицательное имя на *-на* может принимать сложное падежное окончание *-ранта* (соединение окончания и.сх. падежа с окончанием твор. паде-

жа). Такая конструкция обычно передает исходный момент совершения действия: *Салмин хайне парторганизаци секретарьне суьланьранна парткабинета саван чухлэ халэх пуханнине ас тумасть* (Ухли 1956, 38) 'Салмин не помнит, чтобы в парткабинете собиралось столько народу со времени его избрания секретарем'; *Ентэ вэрсэ пусланьранна пёр уйэх та иртсе пыйа* (Талвир 1952, 79) 'С тех пор как началась война, прошел месяц'.

Отпричастное имя на *-нă* в форме местн. падежа как средство сокращения потенциально возможных придаточных предложений в чувашском языке не употребительно, так как его в этой роли может заменять дееспричастие на *-сан*.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, довольно употребительны сочетания отпричастного имени с послелогом. Сочетание причастий на *-нă* со словами, обозначающими время, трансформирует потенциально возможные придаточные предложения времени: *Иртне суьсенче Атăл нăрĕ тапранă вăхăтра сĕл-тăвăлла сиве сумаь саваканчĕ* (Осипов, 248) 'В прошлые годы, когда на Волге трогался лед, лил холодный дождик'; *Шурăмпуç сăлтăрĕ тухнă вăхăтра пирĕн тура Иисус Христос суралать иккен* (Там же, 17) 'Когда вышла (появилась) утренняя звезда, родился наш бог Иисус Христос'; *Тепĕр күнĕнче нурт умĕнчи решеткене юсаса танă чух. Артур сурчĕ телĕнче сынсем пуханнине асархарĕ вăл* (Там же, 111) 'На другой день, поправляя решетчатую ограду перед домом, Артур заметил, что люди собрались около его дома'; *Тенюкова вăл юратнă. Уни вăл Хусанти госпитальре ёсленĕ чухнех паллашнă* (Там же, 262) 'Он любил Тенюкову. С ней он познакомился, когда работал в казанском госпитале'.

Отпричастное имя на *-нă* + послелог *семен* 'по мере того' по модели своего образования и передаваемому значению соответствует общетюркской модели *-ган* + *сайын*: *Вахăт иртнĕсемен сав шухăш асапăрах та асапăрăх пулса пырат* (Алендей, 25) 'По мере того как проходило время, эта мысль становилась все мучительнее'; *Малалла утнăсемен траншея тарăнланать* [МГЧЯ 1957, 264] 'Чем дальше они идут, тем траншея становится глубже'.

Отпричастное имя на *-нă* + послелог *пирки* 'из-за' передает причинно-следственные отношения: *Вăрçă вăхăтĕнче ёсsem нумай пулнă пирки вăл пĕр вăхăтлăха изобретени енепе ёрлеймерĕ* (Талвир 1952, 119) 'Так как во время войны было много работы, он одно время не работал над изобретением'.

Отпричастное имя на *-нă* + форматив *-аччен/иччен* по семантике и модели образования соответствует общетюркской модели с *-анча*, *-ынча*. Ср. *Ёсе хăнăхиччен йывăрчĕ мана* (Талвир 1952, 149) 'Пока я не привык к работе, мне было трудно'; *Убасников заводри ёсе тытăнниччен ялти тăвансем кайса килешĕнчĕ* (Там же, 129) 'Убасников, прежде чем получить работу на заводе, советовался со своими родственниками в деревне'.

Отпричастное имя на *-нă* + послелог *хыçсан* 'после' передает временное соотношение действий: *Ватă машиниста патăрнă хыçсан Сергей чуғун сул управленине ситнĕ* (Талвир 1952, 87) 'После того как похоронили старшего машиниста, Сергей пришел в управление железной дороги'.

Отпричастное имя на *-нă* + послелог *пек* (*ех*) 'подобно' передает образ действия, сравнение двух действий: *Театртан тухнă хăнасем. чăнах та,*

Дегунов каһанә некех машина кәтес гәраҗсе (Талвир 1952, 114) 'Гости, вышедшие из театра, действительно, как говорил Дегунов, ожидали машины': Хёр нимдн те пулмаһ нек ёнси синеһле аһһ сарә сүҗ пайһркисене сәһһһле ыһатһ май гүрлеткелесе илчә (Там же, 23) 'Девушка, как будто ничего не случилось, поправила локоны рыжих волос, сбившихся на завязке'.

Происхождение причастного афф. *-ан* представляет одну из трудных проблем исторической морфологии тюркских языков. Выше уже говорилось, что некоторые тюркологи считают афф. *-ан* результатом упрощения афф. *-ған/-қан*, в котором исчезло начальное *ғ/қ*. На первый взгляд эта гипотеза может показаться заманчивой, поскольку все образования на *-ған* и *-ан* обнаруживают поразительную симметричность, в чем можно наглядно убедиться при следующем сопоставлении:

<i>-ған</i>	<i>-ан</i>
<i>-ғань</i>	<i>-аны</i>
<i>-ғанда</i>	<i>-анда</i>
<i>-ғандан</i>	<i>-андан</i>
<i>-ған</i> + служебные элементы (<i>бери, вақыт, заман, йер, себеп, учун</i> и др.)	<i>-ан</i> + служебные элементы (<i>бери, вақыт, заман, йер, сон (ра), киби, себеп, учун</i> и др.)
<i>-ғанча</i>	<i>-анча</i>
<i>-ғынча</i>	<i>-ынча/-ынча</i>
<i>-ғанлы/-ғалы</i>	<i>-анлы/-алы</i>
<i>-ғанлығ/-ғандығ</i>	<i>-анлығ/-андығ</i>

Однако существенный недостаток этой гипотезы состоит в том, что исчезновение *ғ/қ* не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков. При наличии причастного афф. *-ан* в языках огузской группы существуют одновременно образования с афф. *-ған/-қан* или *-ғын/-қын*: тур. *kirgan* 'крепость' (<*kir-* 'строить'), *alirgan* 'привычный', аз. *dəjüskän* 'драчун, забияка' (<*dəjüsh-* 'драться'), *gudurgan* 'бешеный' (<*gudur-* 'взбеситься'), тур. *batkın* 'погрузившийся, погруженный' и т.д. Все это свидетельствует о том, что в огузских языках не было фонетического закона исчезновения *қ* или *ғ* после группы согласных, в силу которого первоначальные причастные формы типа *алған* 'взявший' и *келген* 'пришедший' могли бы трансформироваться в *алан* и *келен*.

Хронологически причастие на *-ан* представляет более древнее образование по сравнению с причастием на *-қан*. Вероятнее всего, причастие на *-ан* в огузских языках прямо продолжает причастие на *-ан*, существовавшее еще в общетюркскую эпоху. В огузских языках в рамках простого предложения широко применялись причастные и деепричастные обороты с формой на *-ан* и ее производными, что также наглядно доказывается конкретными примерами.

Причастные обороты с формирующим членом — причастием на *-ан* — имеют атрибутивное значение: аз. *Nəhijət, uzun bir otağdan ibarət olan kabinetə kəldilər* (Ибраһимов 1966, 37) 'Наконец они пришли в кабинет, состоящий из одной длинной комнаты'. Уже в рамках простого предложе-

ния форма на *-ан* обнаруживает недифференцированность во временном отношении.

В простом предложении форма на *-ан* встречается в сочетании с послелогам и служебными словами, ср. туркм. *Бу китабы гөрениңден сон, сен менден айрылышып билмерсин* (Сарыханов 1961, 11) 'После того как ты увидел эту книгу, ты не сможешь с ней расстаться'.

В алтайском языке *-ан* встречается как показатель деепричастной формы: *Саргайый болза, кун тыгарда, комналын болза, олонь чайкаларда, Кань-Айак санан барган* [Баскаков 1958, 105] 'Когда, бросая желтые лучи, взошло солнце, травы, как волны, качались, Кан-Айак, задумавшись, ехал'. Эти причастные и деепричастные обороты и послужили в дальнейшем строительным материалом для образования зависимых трансформ с формирующим членом *-ан*. Общность исходных материалов привела к общности типов зависимых трансформ, характерных для языков огузской группы.

По сравнению с развитием зависимых трансформ с формирующим членом на *-ан/-қан*, характерных для кыпчакских языков, развитие зависимых трансформ с формирующим членом *-ан* в огузских языках имеет некоторые особенности.

В кыпчакских языках у причастия на *-қан/-ған* не оказалось конкурентов, которые могли бы сократить сферу его распространения. В огузских языках у причастия на *-ан* были довольно сильные конкуренты. Его значительно потеснило причастие на *-дык*, особенно в турецком языке, которое впоследствии само было несколько оттеснено новым причастным образованием на *-мыш*.

Отглагольные имена на *-ан, -қан* в глубокой древности, вероятно, существовали и в чувашском языке. Ср. такие слова, как *сёлен* 'змея' и *хыткан* 'выносливый'. Отглагольное имя на *-қан/-ған* в его разновидности *-ған/-қан* закрепилось в чувашском языке в причастии наст. времени: *тыракан* 'идуший', *ёрлекен* 'работающий'. Древнетюркское причастие на *-н* отразилось в чувашском языке в форме на *-нă*, которая широко употребляется как отпричастное имя и как трансформант.

Причастие на *-ан* существовало и в якутском языке. Его реликтом, по всей видимости, является современное деепричастие на *-ан*. Ср. *көрөн олоробун* 'смотря сию (сiju и смотрю)', *эремен сылдыабын* 'пребываю в надежде (надеясь хожу)' [Харитонов 1947, 236]. Якутское деепричастие на *-ан* входит в состав трансформ. Однако в якутском языке, как и в языках огузской группы, получило распространение причастие на *-мыш* в его варианте *-быт* (<*-быс*). Ср. современные причастия *буспут бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево' [Там же, 255].

В семье тюркских языков существуют языки со смешанными чертами. Так, например, в туркменском языке есть трансформы с формирующими членами на *-ан, -ан* и *-дык*. В саларском языке есть образования на *-ған* и *-мыш*. В чувашском языке существуют образования на *-ған*, встречающиеся в кумыкском и некоторых языках кыпчакской группы, но причастия на *-ған* и *-мыш* не оказались продуктивными.

Причастие на -дык, выступая в функции определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тур. *O strada doktorun çağıracağı kapıcı da gelmişti* (Nesin 1958, 42) 'Тем временем пришел швейцар, которого позвал доктор'; *Eve girilgin zaman, evin içinde bir matem habi vardı* [Кононов 1956, 105] 'Когда я вошел в дом, в доме был траур'; *Ve genç yair tam iki sene hiçbir insanın girmemiş olduğu hudutsuz kum çöllerinde dolaştı* (Sabahattin 1956, 73) 'И молодой поэт целых два года бродил по безграничным песчаным пустыням, где не ступала нога ни одного человека'; *Mehmet dükkânın açtığı gün Settar efendi komşusuna güzelce bir ziyafet verdi* (ТН, 39) 'В день, когда Мехмет открыл свой магазин, Саттар-эфенди устраивал (давал) своим знакомым хороший прием'; аз. *Кэндди яхши анлайыр ки, молланын ядыгы дуа хэстэиэ көмэк элэмир* (Мехди 1954, 132) 'Крестьянин хорошо понимает, что молитва, написанная муллой, не помогает больному'; *Бу сөзләри Тарлан чох диггәтлн динләди өз гога арвадын кәтирдийи хөрәйи эмәјиэ башлады* (Там же, 134) 'Тарлан очень внимательно выслушал эти слова и начал есть обед, который принесла его старая жена'; *О, кәнддә чалышдыгы алты ил эрзиндә доюнга ятмамыш, доюнга истирахәт элэмәмишди* (Там же, 141, 142) 'В течение шести лет, когда он работал в деревне, он вдоволь не спал и вдоволь не отдыхал'; *Сәлигә илә керийиэ дарадыгы гара сачларына дән думуш, сифәти әзнә гырышмышды* (там же, 153) 'В зачесанных назад волосах Салиги появилась проседа, лицо ее сморщилось'.

Отпричастное имя на -дык в в и н. п а д е ж е может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. аз. *Йәгин о мәним Петербурдан гайытдыгымы билмир* (Мехди, 1953, 32) 'Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга'; *Бай Рябовун һарда отурдугуну сорушуб бербаш онун янына јолланды* (Абдуллазаде, 32) 'Он спросил, где сидит господин Рябов, и тотчас же направился в его сторону'; *Берлиндәки пансионат сәһибәсинин көндәрдији һавабыда фрау Ван Тиедеманн даһа онун јанында јашамадығыны, буна көрә дә истәдијим мәлүматы верә билмәјәчәјини билдирди* (Сәбһһәддин, 193) 'В ответе, посланном хозяином пансионата в Берлине, сообщалось, что фрау Ван Тиедеманн у него не проживает и поэтому он не сможет дать требуемых сведений: гаг. *Анам бешим сәледиими аннамады* [Баботлу 1962, 61] 'Мать не поняла того, что я сказал'; тур. *Akdenizin parl parl çıldadığını görüyorlardı* (Halikarnas, 295) 'Они видели, что Средиземное море ослепительно сверкало'; *Ne demek istediğini pekâlâ antadın* [Кононов 1956, 11] 'Я прекрасно понял, что он хотел мне сказать'.

Отпричастное имя на -дык в форме д а т. п а д е ж а передает временные отношения действий, а также объектные и причинно-следственные отношения. Ср. аз. *Сәнин намуслу өз сәдагәтлн адам олдуғуна шүбһә јохдур* (Ибраһимов 1966, 562) 'Нет сомнения в том, что ты порядочный и верный человек'; тур. *Bir çocuğu olmadığına inanardı* (Halikarnas, 41) 'Он переживал, что у него не было ребенка'; Кюль-Тегин: *Mân özüm қаған алуртуқыма (jir saju) бармыш будун олу јіту јадазын јалақын јаһа кәлті* 'Когда я сел на царство, бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг пришел (к нам) обратно' [Малов 1951, 40].

Отпричастное имя на *-дык* в местн. падеже фактически является деепричастием. Ср. аз. *Автобус Мерсинэ чатдыгда шәһәрә ахшам душурду* (Абдуллазаде, 24) 'Когда автобус прибыл в Мерсин, на город спустился вечер'; *Отаеына кирдикда ае сачлы, элли-алтмыш јашларында бир кишинин чарнајыда узаныб газет охудуеуну керду* (Абдуллазаде, 39) 'Когда она вошла в комнату, то увидела, что седовласый человек пятидесяти или шестидесяти лет, развалившись на кровати, читал газету'; *Мугәнни гадын сәһнәја чыхдыгда уеулту јенидән башлады* (Абдуллазаде, 205) 'Когда певица выходила на сцену, снова поднялся гул'; тур. *Tren geldikte biz onu gördük* (разг.) 'Когда подошел поезд, мы его увидели'.

Форма местн. падежа отпричастного имени на *-дык* в настоящее время характерна для тюркских языков огузского типа. В прошлом она имела больший ареал распространения. Так, например, она встречается в исторических памятниках татарского языка: *Эмир Тимур Болгарны харап кылдыкта, Болгарда Бикчура хан иде* 'В то время, когда эмир Тимур разгромил Булгары, там ханом был Бикчура' [Закиев 1963, 287]. В некоторых говорах татарского языка, например нократском, вместо конструкции *без барганда* 'когда мы шли' встречается конструкция *без бардыкта* [Жәләй 1952, 36]. Эту конструкцию можно встретить в древнеуйгурском языке: *Қалты йаруқ тәңри Мани Бурхан кәлтуктә динтар болты* 'Как только пришел светлый божественный Мани Бурхан, он стал священнослужителем' [Насилов 1963, 107]. Она зарегистрирована и в ранних тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Каңым казан учдукда инім Күл тигин ји тј јаида калты* 'По смерти моего отца — кагана — мой младший брат Кюль-Тегин остался семи (?) (лет от роду)' [Малов 1951, 31, 40]; Золотой блеск: *М(ä)n ol bäg niң öziñä tägdüktä, qojunyntyn bir kәgdä bitig ündürüp, таңа оquду* 'Когда я приблизился к начальнику, то он, вынужден из-за пазухи некую грамоту, прочитал (е) мне' [Там же, 154, 158].

Как свидетельствуют некоторые косвенные данные, отглагольное имя на *-дык* уже существовало в общетюркскую эпоху. Реликты его имеются почти во всех тюркских языках: тат. *калдык* 'остаток', *ястык* 'подушка', тур. *bildik* 'знакомый' (<*bil-* 'знать'). Эти реликты встречаются и в ранних тюркских памятниках, например: *umduq* 'надежда' (<*um-* 'надеяться'), *adirtik* 'различие' (<*adir-* 'отделять'), *barduq* 'хождение' (<*bar-* 'ходить') [Севортян 1966, 23].

Афф. *-дык*, по всей видимости, сложный. Подобное мнение уже высказывалось в специальной литературе. В. Котвич устанавливал два ряда аффиксов: *-m, -ma, -maq* и *-t, -di, -diq* [1962, 23]. Эта гипотеза довольно близка к истине, так как в общетюркскую эпоху действительно существовало отглагольное имя с афф. *-ды*, например: тур. *dövdü* 'обух' (топора) (<*döv-* 'бить'), *burdu* 'бурав, сверло' (<*bur-* 'сверлить'). Подобные образования встречаются и в ранних тюркских памятниках, ср. *oğdi* 'хвала, похвала' (<*oğ-* 'хвалить'), *tonđi* 'вращение, обращение' (<*tonđu* 'отворачиваться'), *ödlördü* 'избранное' и т.д. [Севортян 1966, 238]. Более часто афф. *-ды* встречается в составе сложного афф. *-ынты/-ынды*, например: аз. *ахынты* 'течение', туркм. *кесинди* 'отрезок', тат. *казынды* 'раскопки', узб. *ташланди* 'отбросы', каз. *асыранды* 'приемыш', кирг. *чачынды* 'разбросанный' и т.д. [Там же, 289–292]. Причина слияния афф. *-ды* с афф. *-к* неясна.

Отглагольное имя на *-дык* в общетюркскую эпоху было индифферентно во временном и залоговом отношении. В дальнейшем в кыпчакских языках оно становится совершенно непродуктивным и отступает на задний план. В настоящее время от него сохранились лишь реликтовые образования типа тат. *кадык* 'остаток' и т.д.

В огузских языках, наоборот, это отглагольное имя стало в определенный период очень продуктивным. Оно употреблялось не только как отглагольное имя, но и как причастие, правда еще не дифференцированное во временном и, по-видимому, в залоговом отношении. Приводимые ниже примеры из огузских языков свидетельствуют о том, что оно широко употреблялось в рамках простого предложения: тур. *Artık üç köyde satılmadık arazi kalmadı* (ТН, 48) 'Больше уж в трех деревнях не осталось непроданных земель'; туркм. *Битмедик ёвшаның дүйбинде догдадык тошпан ятыр* 'Под невыросшей польнью лежит неродившийся заяц' [ФСл. 1963, 58]; Қуталғу билик (наманг.): *Kişi kirmädük älkä kirsä qaly . . .* 'Если человек явится в неизвестную ему страну . . . (в страну, в которой он еще не был)' [Малов 1951, 250, 275].

В рамках простого предложения *-дык* формирует объектные конструкции, принимая соответствующие падежные аффиксы: тур. *Onu nasıl sevdiğini anlattım* (Sabahattin 1966, 63) 'Я рассказал, как я люблю ее'. Оформляясь аффиксами пространственных падежей, *-дык* образует обстоятельственные конструкции со значением времени, причинно-следственных отношений и т.д.: аз. *Әләскэрин ше рләрини охумагла мәшеул олдуғундан, артыг атасына бахмарды* (Ибраһимов 1966, 7) 'Поскольку она читала стихи Алескера, она уже не смотрела на отца'; *-дык* формирует обстоятельственные конструкции в сочетании с послелогами, служебными словами, но круг использования их в рамках простого предложения, правда, более ограничен, чем в трансформах. Ср. *дыг* + (афф. принадлежности) + (афф. падежа) + послелоги: аз. *Елә он ил бундан габаг билмади јин кими јенә дә билмадин* (Ибраһимов 1966, 74) 'Как десять лет тому назад ты не узнал, так и опять не узнал'; Кюль-Тегин: *Бизіңә јаңлуқын* (читают и *јаңылдуқын*) *учун қағаны өлти* 'Так как . . . провинился перед нами, то (сам) каган умер (т.е. убит)' [Малов 1951, 30, 38].

В памятнике Кюль-Тегину формы на *-дык* иногда используются в качестве деепричастия без падежного оформления и сочетания с послелогами (очевидно, хронологически это более ранние конструкции): *Јағы болып, ігінү јаратуну умадук јана ічкіміс* 'Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (тюркский народ) опять подчинился государству Табгач' [Малов 1951, 29, 37].

Производные от *-дык*, *-дыгча* встречаются в рамках простого предложения, передавая аналогичные значения: туркм. *Якын гелдигиче тозоны көпөлийә* 'Чем ближе он подходит к крепости, тем больше пускает пыли' (Туркм. сказки, 122).

Таким образом, уже в рамках простого предложения наличествовал материал для образования трансформ с формирующим членом на *-дык*. В более позднюю эпоху отглагольное имя на *-дык* в некоторых сферах употребления вытеснялось причастием на *-мыш/-миш*. Причастие на *-мыш* было более удобно, поскольку оно имело значение прош. времени.

В современных огузских языках распространение трансформ с форми-

рующим числом на *-дык* не отличается равномерностью. Наибольшая частотность их употребления в турецком, реже они используются в гагаузском и азербайджанском, еще более редко в туркменском, где они встречаются главным образом в отрицательном аспекте.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА *-ыш*

Отглагольное имя на *-ыш* в вин. падеже образует объектные конструкции: кирг. *Менин окууга алынынышымыды алар менден да көп тилешти* (Каимов, 51) 'Они больше меня хотели, чтобы я был принят на учебу'.

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже образует конструкцию, передающую временное соотношение действий. Ср. таг. *Син кайтышка, мин да барып житармен мунчага* 'Пока ты идешь, я успею дойти до бани' [Закиев 1963, 288].

Имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *гөрэ* образует в туркменском языке конструкцию, передающую сравнение: *Мең эшидишиме гөрэ, Шириниң нирэ ве киме гиденлигини диңе бир сиз билйәрсиңиз* (Сарыханов 1951, 33) 'Как я слышал, куда пошла Ширин, за кого – только вы знаете'.

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *қарамай* образует синтаксическую конструкцию, имеющую уступительное значение, ср. узб. *Уст-боши кир, увада бўлишига қарамай, чиройли хушфеъл. ёқимтой йигит эди* 'Несмотря на то что он был в старой рваной одежде, он был красивым, веселым приятным парнем' [УРСл. 1959, 604].

Отглагольное имя на *-ыш* в дат. падеже + послелог *қараганда* образует синтаксическую конструкцию, передающую сравнение: узб. *Эшитишимизга қараганда, – деди қўлини ўйнатиб Шаҳидбек . . .* (Қодирий 1959, 36) 'Как мы слышали, – сказал Шахидбек, играя рукой'.

В современных тюркских языках имя на *-ыш* как трансформант малоактивно и, вероятно, никогда не обладало особой активностью. Оно отнесено более активными трансформантами.

Отглагольное имя на *-ыш* уже существовало в эпоху тюркского праязыка.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА *-ма*

Отглагольное имя на *-ма* в вин. падеже обычно передает объектные отношения и может быть использовано для преобразования потенциально возможного дополнительного придаточного предложения. Ср. аз. *Онлар Солмазын йох олмасыны галэб эдирлэр* (Наббарлы 1954, 13) 'Они требовали, чтобы Солмаз счезла'; тур. *Ben de bunların bahtiyar olmalarını çok isterdim* (ТН, 41) 'И я бы хотел, чтобы они были счастливы'.

Отглагольное имя на *-ма* может быть употреблено и в исх. падеже. Ср. аз. *Садығын қалмасындан хәбәр тутан ушағлар да бир-биринин ардынча онун габагына йүйүрүшдүләр* (Меһди 1954, 8) 'А дети, узнавшие, что придет Садыг, побежали к нему навстречу наперегонки'.

Отглагольное имя на *-ма*, сочетаясь с послелогом *ичин* 'для, за', передает причинно-следственные отношения: тур. *Biz buraya yabancı bir baltanın girmemesi için hep birden karşı koyduk* (Sabahattin 1966, 113) 'Мы категорически воспротивились, чтобы сюда проник посторонний топор'.

Отглагольное имя на *-ма* существовало уже в тюркском праязыке. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТРИЧАТЕЛЬНОЕ ИМЯ НА -МАҚ

Отрицательное имя на -мақ, принимая показатель вин. или дат. падежа, формирует объектные конструкции: кум. *Иш бу ёрукда болмакъны ёшли болмайлы билмегенбиз* 'Мы до сих пор не знали, что дело находится в таком состоянии' [Джанмавов 1967, 113]; аз. *Сөз йох, мөним адымын газетчи олмагъына баис йолдашым олубдур* (МН, 12) 'Несомненно, что причиной того, что меня стали называть газетчиком, был мой товарищ'.

Отрицательное имя на -мақ в исх. падеже выражает причинно-следственные отношения: аз. *Мән ғысғанмагдан, о ғысғаныр* (Ибрахимов 1966, 131) 'Оттого, что я ревную, он ревнует'; чаще эта форма употребляется с показателем -са, передавая сравнительные отношения: аз. *Анмаг сәни ошун, миекин бир сулун кобүд бағрында көрмәкдәнисә, илаклар гоһинунда көрмәни даһа чоһ истардим* (Набарлы 1954, 37) 'Однако, чем видеть тебя в грубых объятиях жалкого раба, я бы больше хотел видеть тебя в объятиях змей'; тур. *Bu günleri görmektense Melâhatin ölüsünü görmeyi tercih ettiğini ilâve ediyordu* 'Она прибавила, что предпочитает видеть труп Меляхат, чем (вновь) переживать эти дни' [Кононов 1960, 469].

Трансформант на -мақ + афф. -ла/-ле передает причинно-следственные отношения: аз. *Мән бир сөз демәкдәсэн нә учун күсдүн?* (АХД, 12) 'Оттого что я слово сказал, ты обиделся?'. Эта форма часто выступает с послелогом *берәбер*, формируя зависимую трансформу со значением уступительности действия: тур. *Dükkânin işi fena gitmekle beraber Mehmedin sevgilisi onu çok zengin bir insan ve yarının mühim iş adamlarından biri olacak sanıyordu* (ТН, 41) 'Несмотря на то что (хотя) дела в магазине шли плохо, возлюбленная Мамеда считала его очень богатым человеком и одним из значительных деятелей будущего'.

В кумыкском языке распространено субстантивированное образование на -мақлык, которое, принимая аффикс исх. падежа, формирует конструкцию, выражающую причину совершения действия: *Машинабиз бузулуп къалмакълыкдан учы ғыюнбюз негъак гетди* [Джанмавов 1967, 199] 'Из-за того что наша машина неожиданно испортилась, мы потеряли впустую три дня'; *Тиши аврумакълыкдан ашап болмай* [Там же, 272] 'Он не может есть из-за того, что у него болит зуб'.

Причастное имя на -мақ существовало уже в тюркском праязыке. Ср. аз. *гаймак* 'сливки', тур. *уетек* 'еда', каз. *батпак* 'топь', кирг. *кысмак* 'стеснение' и т.д. Афф. -мак составлен из двух аффиксов – ма и -к. До образования трансформ причастное имя на -мақ уже употреблялось в рамках простого предложения. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА -МЫШ

Причастие на -мыш может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений, ср. аз. *Файтонда отурмуш кәчч һәким Шерифзадә исә бу әл маһныларыны бир лајла кими динләйирди* (Меһди 1954, 78) 'А сидевший в фатоне молодой врач Шерифзаде слушал эти народные песни как приятные колыбельные'; *Калмыкларын Дон саһилариндә көчмүш һиссәси казакларә чеврилдиләр* (АСЕ, 223) 'Часть калмыков, переселившаяся на берега Дона, превратилась в

казаков'; *Байрам илан вурмуш адамлар кими ериндэн сырады* (Меңди 1953, 81) 'Байрам, как человек, укушенный змеей, вскопчил с места'; тур. *Doğduğu günden beri hiç yukanmamış insanların bulunduğu, çamur uğunu evlerde yaşayan Urfa köylerinde de dolaştım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я бродил по деревням Урфы, дома в которых представляли собой скопище грязи, люди в которых с самого рождения совсем не улыбались и в жизни не носили обуви на ногах'.

В якутском языке причастию на *-мыш* соответствует причастие на *-быт* (*-ныт/-мыт*): *Батманов приемной хохугар ыгыр таабыт үлэһиттэрэ куутэн олоролор* (Ажаев, 44) 'В приемной Батманова сидели вызванные им сотрудники'; *Төгүрук сууткага биир да поезд ааспаттага, оттон сүүс сүүрбэ километрдаах сирээ, линияны бысталаабыт уонна муосталары сиң нэртээбит улахан партизанскай этэрээтти кытта сэрии буола турара* (Островский, 49) 'За сутки не прошел ни один поезд, а в ста двадцати километрах шел бой с крупным партизанским отрядом, перерезавшим линию и взорвавшим мосты'.

Атрибутивное использование причастия на *-мыш* в рамках простого предложения было особенно распространено в памятниках. Кюль-Тегин: *Тәңрi тәг тәңрiдә болмыш түрк билгә казан бу өдкә олуртым* 'Небодобный, неборожденный (на небе, из неба возникший) тюркский каган, я нынче сел на (царство)'; Среднеазиатский тефсир: *Қатілді аңар үнмиш от жердін* 'Смешались с ней растения, выросшие из земли' [Боровков 1963, 205].

Причастие на *-мыш* способно образовать отричастное имя, форма вин. падежа от которого может быть использована при трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: Золотой блеск: *qan aqtıysın körti* 'Он увидел течение крови' [Малов 1951, 193]; Кутадгу билик (наманган): *Järindin bu ilkä. nägün kälmiş, Aju birdi barca özi bilmişi* (по венской и каирской рукописям — *kälmişin, bilmişin*) 'Для чего он пришел из своей земли в эту страну, он рассказал ему все, что знал сам' [Там же, 250, 275].

Отричастное имя на *-мыш* в дат. падеже может передавать объектные и причинно-следственные отношения; ср. Золотой блеск: *M(ä)n tirilmış kâ siz lâr nägülik anca kâd qaçar siz lâr* 'Почему это вы так быстро испугались, что я ожил' [Малов 1951, 154, 157].

Отричастное имя на *-мыш* в местн. падеже передает временное соотношение действий; ср. Золотой блеск: *Оғулум јаңы болмыста өгрүнчүм сәвинчим аз әртi* 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня не было' [Малов 1951, 178, 185]. Особенно эта конструкция распространена в якутском. Ср. *Артем чогу харбаары үөһө тахсыбытыгар, чособуой оччо уорбаалы санаабыта* (Островский, 52) 'Когда Артем полез наверх грести уголь, часовой не обратил на это особого внимания'; *Павел кочегарка аанын аспытыгар, оһоһхо номнуо кэлэн турар Данило-кочегар кыһырбыттын эргилиннэ* (Там же, 61) 'Когда Павел открыл дверь в кочегарку, возившийся уже у топки Данила-кочегар сердито обернулся'.

Отричастное имя на *-мыш* в исх. падеже передает также временное соотношение действий: аз. *Бу оглан кәлмәшицдән ики күн габаг гојуну раһат елә јуб, чобан-чолуг јатмышды* (Ибраһимов 1966, 559) 'За два дня до того, как приехал этот парень, успокоив овец, все пастухи улег-

диль»: яз. *Станкевич ыалдын хаалбытыттан станция бугун үлэлдөбэтэ* (Островский, 53) 'Станция сегодня не работала, потому что заболел Станкевич'.

В якутском языке отричающее имя на *-быт* в срав. падеже передает компаративные отношения: *Лэҕизитэй атыһыт Уйбаан Сэмэнэбис соһуй-буһунааҕар ордук соһуйбута* 'По сравнению с тем, как измучился Иван Семенович, купец Иннокентий больше измучился' [Убряткова 1976, 119].

В пределах простого предложения форма на *-мыш* встречается и в сочетании со служебными словами, передавая обстоятельственные значения.

Отричающее имя на *-мыш* + послелог *билен* 'с': туркм. *Ол бизи озиниң бу этмиши билен иле-туне чыкар ялы этмеди, ханым* (Сарыханов 1951, 32) 'Хан мой, он нас поставил в такое положение, что мы не можем людям на глаза показаться'.

Отричающее имя на *-мыш* + послелог *кими* 'подобно': аз. *Пәришан һәр шөһолмамыш кими бир ан әвәәлқиндән дә шад һәрәкәтлә Мажанын гоһундан тутду* (Ибраһимов 1966, 55) 'Перишан, словно ничего не произошло мгновение тому назад, радостно схватила Маю за руку'.

Отричающее имя на *-мыш* + послелог *гиви* 'подобно': тур. *Senelerden beri insan eli dokunmamış gibi duran çürümeye yüz tutmuş tahtalara yaslandım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я прислонился к стоящим доскам, начинающим уже гнить, словно много лет к ним никто не прикасался'.

Отричающее имя на *-мыш* + послелог *мәңизлик* 'подобно': хорезмские памятники XIV в.: *Тақы ол вақтың анларқа мәним сүннәтим үзә сабур қылмақ айаларыңқа йанар көз қысмыш мәңизлик күчәй болғай теди* 'Тогда им придерживаться моих законов (правил) будет трудно, подобно тому как держать на ладонях горящий уголь' [Фазылов 1966, 34].

Отричающее имя на *-мыш* может также сочетаться со служебными словами, имеющими временное значение, — *вахт, заман* и т.д., при этом передается также временное соотношение действий. Ср. аз. *Гадагын олунмуш вахта шаһарин күнләриндә үчүн туғулмушлар* (разг.) 'Так как по улицам города ходили тогда, когда запрещалось, их задерживали'.

Трансформант, представленный причастием на *-мыш* и его производными, имеет функциональные ограничения. Это объясняется тем, что в азербайджанском и турецком языках довольно сильную конкуренцию ему создает причастие на *-дык*.

Аффикс причастия *-мыш*, по-видимому, является сложным образованием. Он возник в результате контаминации двух аффиксов — *-ма* и *-ыш*. Есть основания предполагать, что отглагольные имена с афф. *-ма* и *-ыш* существовали уже в общетюркскую эпоху. Отглагольное имя на *-ма*: аз. *анлама* 'понимание', туркм. *алма* 'взятие, получение', тур. *attırma* 'набивка', кирг. *башталма* 'начинание', узб. *аралашма* 'примесь, смесь', чув. *выртма* 'жнитво' и т.д. [Севогян 1966, 127–135]. Отглагольное имя на *-ыш*: аз. *доғулуш* 'рождение', туркм. *багышланыш* 'посвящение', узб. *айланыш* 'кружение', тув. *челиш* 'рысь' (бег лошади), чув. *пелгөреш* 'значение' [Там же, 144, 145]. Отглагольное имя на *-мыш* образовалось также в общетюркскую эпоху, доказательством чего является наличие его в огузской и кипчакской группах. Ср. аз. *дурмуш* 'быт, бытие, жизнь', таг. *тормыш* 'жизнь', чув. *пусламыш* 'начало', каз. *қылмыс* 'преступление', кирг. *болмуш* 'бытие' и т.д.

В глубокой древности афф. *-мыш*, по-видимому, имел чисто словообразовательное значение и был совершенно индифферентен к значению времени. Э.В. Севортян отмечает, что более старое состояние сохранилось в тех языках, где глагольное имя на *-мыш* не получило развития, — в кыпчакских, в которых встречается название процесса, например в башкирском, а также в чувашском [1966, 350–352]. Исторической судьба этого имени в разных группах тюркских языков была различной. В кыпчакских языках оно, по-видимому, довольно рано стало непродуктивным. В современных кыпчакских языках встречаются только его отдельные реликты типа тат. *тормыш* 'жизнь', кирг. *болмуш* 'бытие' и т.д. В огузских языках, в особенности в турецком и азербайджанском, продуктивность его усилилась. В ряде случаев имя на *-мыш* приобрело чисто глагольное значение перфективности и оформилось как причастие прош. времени.

В огузских и якутском языках отглагольное имя на *-мыш* в разных значениях довольно широко употреблялось в рамках простого предложения.

ТРАНСФОРМАНТ — ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА *-АЧАҚ*

Подобно другим причастиям, это причастие в атрибутивной функции может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. тур. *Salon dolmuştu, iğne atacak yer yoktu* (Sabahattin 1966, 133) 'Салон был полон. Негде иголке упасть'; *Nihayet, Despina'nın Atınaya gideceği gün geldi* (разг.) 'Наконец наступил день, когда Деспина должна была приехать в Афины'; кум. *Мен сатажак ат* 'Лошадь, которую я продам' [Дмитриев 1940, 159]; тат. *Безнең каһарманнар барачак шәһәр ерак түгел иде инде* (Расих 1954, 76) 'Город, куда должны были прийти наши герои, был уже недалеко'.

В форме вин. падежа отричающее имя на *-ачақ*, может быть средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. *Барыбер йоклай алмаясактарын аңлап, шытырт кына һөйләшеп киттеләр* (Хәрби повесттәр, 9) 'Понимая, что все равно они не могут заснуть, говорили шепотом'; кум. *Сановсуз кәп душманлагъа кьаршы янгыз ябушмагъа обьюню гюнчю чатмажагъын гюржю халкъ анлаган* (Алексеев, Карцов, 64) 'Грузинский народ понимал, что у него не хватит сил в одиночку сражаться с врагами'; туркм. *Онсоң ол өз этжегини өзи билер* (Сарыханов 1961, 10) 'Затем он поймет, что будет делать'; аз. *Рајонун мәс'улийәт дашыјачағыны сәјләди* (Ибраһимов 1966, 5) 'Он сказал, что район понесет ответственность'.

Отричающее имя на *-ачақ* может вступать в дат. падеже и имеет значение дополнения: башк. *Виждан тыныслыгы миңә дәнъя малдарын алыштырсағына мин ышанам* 'Я верю, что спокойствие совести заменит мне мирские дела' [Дмитриев 1948, 265]; кум. *Оланы баражагъына инанма* 'Не верь тому, что они пойдут' [Дмитриев 1940, 159]; тур. *Vaşkası yüz vereceğine siz yirmi verin* (Nesin 1962, 43) 'Пока другой (покупатель) даст сто (рублей), вы двадцать давайте'.

Отричающее имя на *-ачақ* в исх. падеже передает объектные отношения (исх. падеж продиктован условиями управления основного глагола), а также временное соотношение действий: аз. *Рустәм она гәлән ил даһа*

чок мәйсүл көтүрәчәкләриндән, һәјәтүн яхшылашамагындан үмидлә ооду кәләчәкдән данышырды (Ибраһимов 1966, 9) Рустам говорил ей, что в будущем году снимут еще больший урожай, о том, что жизнь улучшается, — (говорил) полный надежды; гаг. *Даа сән кападыжаанан гөзүнү даалжек сенин зангиннин нижә* куру күл боранда (Буджактан, 130) Ты еще глаза свои не закроешь, он развеет твоё богатство, как сухой пепел в бурю.

Отпричастное имя на *-ачақ* может сочетаться с послелогам и служебными элементами, обозначающими время, место: тур. *Yalnız konağa taşı-pasağımdan bir gece evvel Vasaf Bey büyük bir cesaret gösterdi* 'Только за одну ночь до того, как мы переселились в особняк, Васаф-бей проявил большую храбрость' [Кононов 1960, 449]; *Yalnız kendi düşünebileceği gibi düşünmek istiyordu* (Sabahattin 1966, 73) 'Он хотел думать, как мог думать только сам'; кум. *Биз баражакъ заманда кьар явар* 'Когда мы пойдем, пойдет дождь' [Дмитриев 1940, 160]; тат. *Икенче бригада сөрәчәк жиргә килеп тә життеләр* 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бригада' [Закиев 1963, 288].

В азербайджанском языке причастие на *-ачақ* может иметь значение деепричастия: *Әһмәд ичәри жиряк дөрд тәрафдән ону бүрүдүләр* (Наббарлы 1954, 27) 'Как только Ахмед вошел, его окружили с четырех сторон'. Такое же явление наблюдается и в туркменском языке.

В основе вышеописанных трансформ лежит причастие буд. времени на *-ачақ*, распространенное в современных огузских и некоторых кыпчакских тюркских языках. Трудно категорически утверждать наличие этого причастия в общетюркскую эпоху, поскольку зональная ограниченность его очевидна. Оно встречается главным образом в языках южного ареала — узбекском, уйгурском, ногайском, кумыкском и каракалпакском. В литературном татарском языке оно существует, но некоторым диалектам этого языка оно не свойственно. Нет буд. времени на *-ачақ* в казахском и киргизском языках. Не обнаруживается также его следов в чувашском языке.

Причастие на *-ачақ* первоначально, по-видимому, означало действие с известным оттенком возможности, ср. аз. *јанамаг* 'топливо' (т.е. 'то, что вообще может гореть'), *јатанаг* 'постель' (т.е. 'то, на что можно лечь') и т.д. Позднее на этой основе в некоторых тюркских языках возникло особое причастие буд. времени на *-ачак/-ечек*, ср. тур. *verecek* 'тот, кто даст'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА *-АЯҚ*

Причастие буд. времени на *-аяқ* встречается только в ногайском языке. Употребляясь в атрибутивной функции, оно может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Ол бай барыакъ иерине барды* 'Бай приехал на то место, куда должен был поехать' [Баскаков 1940, 148].

Отпричастное имя на *-аяқ* в вин. падеже может преобразовывать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Ол заман не зат аймагъын ойланды* 'В то время он думал о том, какую вещь он должен взять' [Баскаков 1940, 149]; *Бариси де сорагъын соран, айтаягын*

айтын кутылганы сонъ, Сатай колхоз курав деген вопросты голосование ге салды (Абдулжалилов, 101) 'Когда все, что нужно спросить, было спрошено, и все, что нужно сказать, было сказано, Сатай поставил на голосование вопрос об организации колхоза'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -ЫАХ

Причастие буд. времени на *-ых* (*-ихх/-уох/-уөх*) встречается только в якутском языке. Оно имеет те же функции, что и причастие на *-ачақ*. Причастие на *-ых* может выступать в атрибутивной функции: *Оттон ат подковун токурутуох кыахтаах, хормуоскаһыт сүүнэ улахан тарбахтара клавиша устун бэрт көртөрүктүк сылдылаара* (Островский, 151) 'Но огромные пальцы гармониста, могущие согнуть подкову, плохо двигались по клавишам'.

Отпричастное имя на *-ых* в вин. надеже преобразует потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Уолоттар, багар, ыраата уөрэниэхтэрэ, ол да үрдүөн ханна үөрэниэхтерин кинилер бэйэлэрэ билбэттэр* (Островский, 104) 'Мальчишки, возможно, дальше будут учиться, но они сами не знают, где будут учиться (букв.: свое учение в будущем)'; *Өскө бэйэтин үлүгүзүн туһунан билэрдэгинэ, иккиэниэрин иэдэтигин Алексей өйдөөбүтэ* (Полевой, 92) 'Алексей понял также, как страшно потрясет он их обоих, сообщив о своей катастрофе'.

Отпричастное имя на *-ых* может сочетаться с послелогоми. Ср. *Онтон өлөртүөхтэрин иннинэ турмээгэ агалтаабыттара* (Островский, 184) 'А перед казнью (букв.: перед будущими их казнями) перегнули в тюрьму'.

Вопрос о происхождении дееспричастия буд. времени на *-ых* вызывает затруднение.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -Р

Причастие на *-р* служит средством трансформации потенциально возможных определительных предложений. Ср. каз. *Милиция барар жолда ол айнала кылыржыктап, өзүн кинәсіз құрбандық етін көретпек болды* (Дайырбаев, 67) 'По дороге в милицию (букв.: на дороге, идущей в милицию) он все куражился, изображал из себя невинную жертву'; тат. *Кышкар мэдрәсәсендә элек космогония дә үтелгән, соңгы вакытта гына аны укытыр кеше калмаган иде* (Казан утлары) 'В кышкарском медресе раньше проходили космогонию, но в последнее время не осталось человека, который мог бы ее преподавать'; башк. *Ололар үзәрән, нисектер, уңайһыз тойзолар. Бигерәк та Мостафа эйтер һуз таба алмай интекте* (Хәрби повестәр, 59) 'Очень неудобно чувствовали себя взрослые. Особенно мучился Мустафа, не в состоянии найти того слова, которое нужно сказать'; кум. *Акырын коьшип қайда эсе де куьн батар бетке бир якка баратаган эдилер* (Абдулжалилов, 10) 'Медленно перемещаясь, (тучи) направлялись туда, куда заходит солнце'; туркм. *Бу гун мана кувват берер гунидир* 'Сегодня у меня трудный день' [Поцелуевский 1943, 58]; як. *Тыага барар суолга киирде* (Островский, 37) 'Выбрался на дорогу, идущую к лесу'; тув.

Хүн үнэр чухчье көрдүм 'Я смотрел на тот край, где восходит солнце' [ТРСл. 1955, 720].

Отричастное имя на -р в вин. падеже обычно употребляется для преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. Юк. *һинең килеренде белдем бит* (Хайри, 78) 'Нет, я ведь знала, что ты придешь'; Родословная туркмен: *Мәниң тарихи яхшы билүрими шайгитбурурлар* 'Они прослышали, что я хорошо знаю историю (о моем хорошем знании истории)' [Кононов 1958, 166]. Особенно эта конструкция распространена в якутском языке: *Ким бизэрэин эпэтэхтэрэ* (Островский, 114) 'Кто передает, не сказали'; *Лизаны эмиэ доптуруостаабыттара. Кини конвоир этэрин эппитэ, ол гынан баран конвоирга түспүт уолу билэрин кистээн кэбиспитэ* (Там же, 100) 'Лизу тоже допрашивали. Она рассказала то же, что и конвоир, но скрыла, что знает нападавшего'.

Отричастное имя на -р в дат. падеже передает временное соотношение действий: кбалк. *Ахмет элге жетерге кээр жаууб тебреди* 'К тому времени, когда Ахмет стал подъезжать к селению, пошел снег' [Алиев 1959, 64]; тув. *Кара-Булага* (Хан Буудай) *хан кээрге, оозу хэвээр чыткан* 'Когда (Хан-Буудай) прискакал в Кара-Була, тот по-прежнему лежал' [Исхаков, Пальмбах 1961, 334].

Отричастное имя на -р, принимая аффиксы принадлежности, передает объективные отношения: туркм. *Ол, яшлар агшамының ахыр боларына сабырсызлык билен гарашарды* (Мәммәдов 1960, 79) 'Она с нетерпением ждала окончания вечера'.

Отричастное имя на -р в местн. падеже передает временное соотношение двух действий, происходящих обычно параллельно: алт. *Төгөр жуук болордо ньяан удустын көкси сааган* (Алтын-бизе, 15) 'Когда приблизился рассвет, стариком что-то встревожило'; туба-кижи *Кайран эрим кирип келерде Ай тийгендий дьалт этти* 'Когда вошел мой дорогой муж, стало светло, как луной озарило' [Баскаков 1966, 65]; кирг. *Улакты жуп шыйрактан аларда, көр кашка ат ойт берип кетти* 'Как только он хотел схватить козленка за ногу, Карий шархнулся в сторону' [Мураталиев 1962, 16]; тув. *Чагь чаарда, хөл кыдыынга чораан бис* 'Мы были у озера, когда шел дождь' [ТРСл. 1955, 676]; хамийск. нареч. *Атесини гөрәй көјурда чоң одулы етинтор* 'После смерти отца, когда его клали в могилу, старший сын сказал' [Малов 1954, 67]; шор. *Уз-па үстарда, иninge үз субубыга перип, анаң ақсүн ректебәге парçатар* 'Когда дымят, в берлогу (его) дым нуствий, (после) вход начинают запырять' [Дыренкова 1940, 274, 275]; юридические документы уйгуров X—XIII вв.: *Män Bintunq adai-nuq av-intin ünär-tä iñ-in küçin hütärü umadyn, ünmis ärmäg* 'Когда я, Бинтунг, хотел выйти из родительского дома, то не мог (как следует) справиться (с возлагаемой на меня работой) и не вышел' [Малов 1951, 202, 203]; Среднеазиатский тефсир: *Дарја ісіндә үкүш маллиқ базирған јүрірдә кәмісі тәлинді* 'Когда в море плыли купцы со многими товарами, корабль их получил пробоину' [Боровков 1963, 220].

Реже конструкция с -арда выражает предшествующее действие, ср. кирг. *Кыз өөлүнөрдө-кызматтан кийин эшиктин алдынан жолуеушалы — деди* (Каймов, 147) 'Он сказал: — перед тем как девушка отойдет, встретимся у дверей'. На почве временного соотношения параллельных действий развивается условное значение: тув. *Шугум чазаарда шыгаар, Шугугаар бетинде*

боданыр (Тыва домак., 34, 35) 'Линейку стругаешь – проверь, говорить начинаешь – подумай'.

Отпричастное имя на -р в исх. падеже передает временную последовательность действий: узб. *Kўn ўtmasdan, nariproqda эшик эижирлади ва чолинг овози эшитилди* (Ойбек, 26) 'Не прошло много времени, как близости заскрипела дверь и послышался голос старика'.

Отпричастное имя на -р может соединяться с послелогоми: *gibi* 'подобно' – передается сравнение действий: тур. *Bilseniz reis bey. ўzerinize garip bir hayvana bakar gibi merakla dikilen yўzlerce gўze bakmak ne zor şey* (Sabahattin 1966, 137) 'Знаете ли Вы, господин председатель, как это трудно, (когда) на Вас пристально смотрят с (опаской и) любопытством сотни глаз, как смотрят на какое-то дикое животное'.

биле, билек, менен 'с' – передается действие, за которым непосредственно следует действие, выраженное сказуемым главной части: тув. *Чўр чырыры билек, тараа шелўнче чоруп каннар* 'Они пошли на засеянное поле, как только рассвело' [РТСл. 1955, 720]; *Даң адын кээри-биле, куштар ырлажы бээр* 'Как только занимается заря, птицы начинают петь' [Исхаков, Пальмбах 1961, 310]; кирг. *Каякта журўсун өзүн! – деди ал кана болуп Кудрет кирери менен* (Назир 1960, 17) 'Где ты ходишь? – сказал он расстроенно, как только вошел Кудрет'.

алдында 'перед' – передается действие, предшествующее другому действию: каз. *Мен самолетке отырап алдында: бул жолы тым алысқа кетип барамыз, шамасы ешкім қарсы ала қоймас деп ойлап едім* (Даырбаев, 245) 'Перед посадкой на самолет я еще подумал: ну, забираемся так далеко, что нас здесь никто не встретит'.

Отпричастное имя на -р + служебное слово *кун* передает временное соотношение действий: Родословная туркмен: *Bākiār авдын калўр кун хар дїдї* 'В тот день, когда беки вернулись с охоты, хан умер' [Кононов 1958, 166]; ккалп. *Олар машинага минер уактында Камекбай ауданглап жуырып барып кабинканы ашты* (Аймурзаев, 149) 'Когда они влезали в машину, Камекбай подбежал и неуклюже открыл кабину'.

Базой трансформ с формирующим членом -р послужило древнее причастие на -р (*-ар/-ар, -ыр/-ыр*), которое сохранилось в отдельных тюркских языках: аз. *јанар* 'горящий, горючий' (< *јан-* 'гореть'), *јарар* 'угодный, пригодный' (< *јара-* 'быть подходящим'), тур. *gecer* 'имеющий хороший сбыт, ходячий' (< *geç-* 'ходить'), тат. *кайнар* 'горячий' (< *кайна-* 'кипеть'), чув. *хасар* 'тесный, давящий' (< *хас-* 'жать'), алт. *учар куш* 'птицы, которым присуще летать, которые будут летать, которые летают'. Это древнее причастие (< отглагольное прилагательное) имело скорее не временное, а модальное значение. Оно выражало свойство или состояние, присущее предмету вообще. Часто его значение имело модальную окраску возможности что-либо сделать. В тюркском праязыке *учар куш* означало не 'летающая в данный момент птица', а скорее 'птица, способная летать'. В тюркском праязыке оно, по-прежнему, уже имело две довольно отчетливо очерченных сферы значений: выступало как причастие и как отпричастное имя, возникающее в результате субстантивации причастия. Такие отпричастные имена встречаются во всех группах современных тюркских языков, ср. аз. *бахар* 'вид', *жалыр* 'доход', тур. *gelir* 'доход', *gider* 'расход', тат. *килер* 'доход' и т.д.

Можно с полным основанием предполагать, что причастие на *-р* и образованное от него отричащенное имя широко употреблялись в рамках простого предложения еще в общетюркскую эпоху, что отражается и в более поздних тюркских языках: ср., например, причастие на *-ар/-маз* в определительной функции в гагаузском языке: *Бу сергенди буйун дурардылар дини терди кокар йорганнар, ама кызын жет-ени. хайаза кокар чизилери* (Карачобан, 33) 'На этой полке лежали не пахнувшие потом одеяла, а приданое девушки, свежее, пахнущее морозом'.

Отричащенное имя на *-р* употребляется в косвенных падежах; ср. кирг. *Арага токтоо кылбастан, жалгызың жетип калыптыр* (фолькл.) 'Не останавливаясь в пути, прибыл твой единственный (сын)' [КРСл. 1965, 744]; тур. *Anc yurultmazdan derisi satılmaz* 'Пока медведя не убьют, шкуры его не продают' [Кононов 1956, 484]; узб. *Йўлдошлариниң илтимосларига ўжарларча қўлоқ солмасдан, шу ерда айриди-да бозор гирдоби ичиди гоийиб бўлди* (Ойбек, 15) 'Упрямо не прислушиваясь к просьбам своих товарищей, он там расстался и скрылся в водовороте базара'.

В рамках простого предложения отричащенное имя на *-р* употребляется в сочетании с послелогоми, ср. аз. *һамысы тоја кедир кими јахшы кејинмишиди* (Ибраһимов 1966, 115) 'Все, словно шли на свадьбу, хорошо оделись'. Относить образование трансформ с формирующим членом на *-р* к эпохе общетюркской языковой общности нет достаточных оснований. Они возникли позже в связи с развитием повествовательных и письменных жанров речи. Тем не менее в эпоху их возникновения причастие на *-р* было довольно употребительно. В современных тюркских языках сфера употребления этого причастия значительно сократилась, и ни в одном тюркском языке, кроме якутского, оно уже не выступает как закономерное причастие наст. времени, поскольку это значение стало выражаться новыми причастиями. Ср. чув. *пыракан* 'идуший', тат. *баручы* или *бара торган* 'идуший' вл. *барыр* и т.д.

ТРАНСФОРМАНТ — ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -У

Преобразующая роль трансформанта на *-у* в тюркских языках в известной степени ограничена. Этот трансформант не выступает в определительной функции и не может преобразовать потенциально возможные придаточные определительные предложения.

Отглагольное имя, образующее в форме вин. падежа объектные конструкции, может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Федоров баракка якындашканда ике немецның бер тоткынны кайнавын күреп калды* (Раших 1954, 75) 'Когда Федоров приблизился к бараку, он увидел, что двое немцев бьют пленного'; *Ул тау башында бары тик берничә генә кеше атышуын белә иде* (Әпсәләмов 1955, 93) 'Он видел (знал), как на вершине горы перестреливаются несколько человек'; башк. *Бабай, тине Ғали, — һин үзендең ни өсен гел урманда йәшәүенде эйт элз* (Хайри, 61) 'Дед, — сказал Гали, — расскажи, почему ты все время живешь в лесу'; тат. *Эй-дәгез, хәзер Якут өлкәсе һәм Приморьедә ниләр баруын карыйк әле* (Казан уллары) 'А сейчас давай посмотрим, что происходит в Якутской области и в Приморье'.

Отглагольное имя на -у в дат-напр. падеже может выражать временное соотношение действий: тат. *Моңы күрүгә Гөлзифаның адымнары үзеннән үзе акрынайды* (Төхфатуллин 1979, 41) 'Когда Гельзифа это увидела, ее шаги сами по себе стали замедляться'; *Машина кинәт кузгалуга капитан чайкалып кузов эченә авып төште* (Казан утлары) 'Когда машина тронулась, капитан, покачнувшись, свалился в кузов'; *Яктыра башлауга, буран басылда көн дә жылытыр жибәрде* (Гали, 143) 'Когда начало светать, буран стих, и день стал теплее'; *Шул команданы ишетүгә, чана башы на утырган солдат атның авызын тартып жибәрде. Ат ялкаугына урыныннан кузгалды* (Там же, 158, 159) 'Когда сидевший на передке саней солдат услышал команду, он дернул лошадь, и та лениво сдвинулась с места'.

Отглагольное имя на -у легко сочетается с послелогам и другими служебными словами.

Отглагольное имя на -у + послелог *мен//белән 'с'*: каз. *Бала шалдың айтуымен жүрп келе жатса, таудың үңгірінен бір қоян қошады* (КЕ, 84) 'Когда мальчик шел, следуя указаниям старика, перед ним из норы в горе выбежал заяц'; тат. *Бездә су бик азайды, яңгыр булмаулык белән* 'У нас очень мало стало воды, так как не было дождей' [Закиев 1963, 296]; *Үзең ерак булу белән, син китмисең минем йөрәктән* 'Ты не уходишь из моего сердца, хотя и далек от меня' [Там же, 287].

Отглагольное имя на -у в дат. падеже + служебное слово *караганда* 'судя по': каз. *Шешесінің айтуына караганда ол арада мыжырайған уш-төрт уй лас кеше* (Сарғаскаев, 16) 'Судя по словам матери, в тех местах есть три-четыре разваленных лачужки да грязная улища'.

Отглагольное имя на -у + служебное слово *сәбәп(ле)* 'по причине' передает причинно-следственные отношения. Ср. тат. *Вактында яңгыр булмау сәбәпле, сабаннар да уңмадылар* (Гази, 16) 'Ввиду того что вовремя не было дождей, яровые не уродились'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -АСЫ

Причастие буд. времени на -асы распространено во многих тюркских языках. Оно может выражать атрибутивные отношения и преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тат. *Без барасы юлларның ике чите гөлчәчәк* 'Пути, по которым нам предстоит идти, по обеим сторонам устланы цветами' [Закиев 1963, 288]. Однако в атрибутивной роли это причастие в татарском языке употребляется довольно редко.

Причастию на -асы в чувашском языке соответствует причастие на -ас. В атрибутивной роли оно, по-видимому, никогда не употребляется, за исключением скудных реликтов типа *килес сұл* 'будущий год', *пулас а́ххат* 'будущее время' и т. д.

В чувашском языке отпричастное имя на -ас в вин. падеже обычно образует объектные конструкции: *Афишйсем Островский пьесисине лартасси синчен пѣлтерессѣ* 'Афиша извещает о (предстоящей) постановке пьес Островского' [МГЧЯ 1957, 237]; *Хясан парохут килессине пѣлме йывӑрче* (Осипов, 97) 'Трудно узнать, когда придет из Казани пароход'; *Юл-ташсем! Пиллѣкмѣш сұл вӑрсӑ пырать, вӑл чарӑнасси паллӑ мархакалаҫа*

пустаръ Федотов... (Там же, 108) 'Товарищи! Война идет пятый год. Кончится она или нет... — начал говорить Федотов'.

Причастие на *-ас* + показатель оруд. надежа *-на* образует конструкцию, выражающую действие, совершающееся параллельно или предшествующее действию главного предложения: *Хёвел анасна сапацу пусланце* 'При закате солнца начатся бой' [МГЧЯ 1957, 225].

Отпричастное имя на *-ас* + послелог *умён* 'перед' образует конструкцию, выражающую предшествующее действие, ср. *Парахут килес умён пристань сине халдх нумай пустаранче* (Алендей, 26) 'Перед самым приходом парохода на пристани скопилось много народу'.

Причастие на *-ас* не является активным трансформантом.

Элемент *с* имеет футуральное или дезидеративное значение и, по-видимому, родствен афф. *-с* дезидеративных глаголов. ср. чагатайск. *kālig-sā* 'хотеть прийти'. Этот же элемент встречается в некоторых опативных формах, ср. тур. *olsun* 'да будет', а также в афф. *-мас* (отрицательная форма 3-го лица наст.-буд. времени). Возможно, что причастие буд. времени на *-асы* было более широко распространено в общетюркскую эпоху. В современных тюркских языках зона его распространения ограничена.

Отпричастное имя на *-асы* встречается в рамках простого предложения, ср. чув. *сывърас килет* 'мне хочется спать', таг. *сөйлэт тә торагы юк инде* 'говорит уже не о чем'.

ТРАНСФОРМАНТ-ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ЫБ*

Широко распространенное в тюркских языках деепричастие на *-ыб* используется для преобразования потенциально возможных прилагательных предложений. В преобладающем большинстве случаев конструкция с причастием на *-ыб* выражает действие, предшествующее главному, ср. тат. *Карлар эрен, агачлар бөреләнде* (Расих 1955, 61) 'Когда снег растаял, на деревьях набухли почки'; шор. *Паштанкы кар чыгып (чаан) соок пола перди* 'Выпал первый снег, стало холодно' [Дыренкова 1941, 287]; алт. *Дыс келип кар кайылды* 'Когда пришла весна, снег растаял' [Дыренкова 1940₁, 133]; каз. *Күн батып, ел орныга отырды* (разг.) 'Солнце зашло, люди сели на место'; кирг. *Мугалим келип, сабак башталды* 'Когда приехал учитель, начался урок' [Сартбаев 1953, 8]; туркм. *Гыш гечип, яз экиш кампаниясы башланды* 'Когда прошла зима, началась весенняя посевная кампания' [Аннануров 1956, 140]; узб. *Яйловни қоронғилик босиб, одамлар ҳаво ўрнига тупроқ ютишган* (Чашмалар, 66) 'Когда летовку окутала темнота, люди заглатывали землю вместо воздуха'.

Деепричастие на *-ыб* может передавать действия, происходящие параллельно с действием главного предложения. Ср. аз. *Айы мешәдән күсүб, мешәнин хәбәри йох* (Аталар сөзү, 27) 'Когда медведь на лес обижается, у леса нет об этом сведений'; кум. *Мен ишимни артына чыгга туруп, эшик ачылды* 'Когда я заканчивал работу, открылась дверь' [Джанмавов 1967, 460]. Временной план зависимой трансформы с *-ыб* определяется сказуемым главного предложения. Это может быть не только план наст.-прош., но и буд. времени. У рассматриваемой конструкции в отдельных тюркских языках и их памятниках встречаются и другие оттенки временного соотношения двух действий: исходный момент совершения действия,

действие, совершившееся незадолго до действия главного предложения предел, до которого совершается другое действие, причинно-следственные отношения и т. д.

Деепричастие на *-ыб* может принимать падежные окончания, а также сочетаться с послелогами.

В древнеуйгурском памятнике Огуз-наме встречается зависимая трансформация с деепричастием на *-ыб* + окончание исх. падежа, передающая причину совершения действия: *Муз тақларда кѳб соғук болуддан ол бѳг қағардан сарунмиш эрди, ап ак эрди* 'Из-за сильного холода в ледяных горах тот бек покрылся снегом, стал белым-белым' [Щербак 1959, 48]; ср. также туркм. *Ишан гойман сон, ахыры айтмалы болярлар* 'Так как Ишан (от них) не отставал, то они в конце оказываются вынужденными сказать' [Поцелуевский 1943, 84].

Существование деепричастия на *-ыб* с полным правом можно отнести к эпохе тюркского праязыка. Оно широко употребляется в рамках простого предложения, ср. аз. *Черайиндэн касиб, көй соғанла барабер Аслана узатды* (Меңди 1953, 59) 'Отрезав хлеб, он протянул Аслану (его) вместе с зеленью и луком'; хак. *Тайгадан ишп, ибзер парыбысты* 'Спустившись из тайги, пошел по направлению к дому' [Дыренкова 1948, 79].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -А

Это деепричастие передает временное соотношение действий: кум. *Танг ата чыккыдым* (разг.) 'Я вышел, когда занималась заря'; причинно-следственное отношение: кум. *Тарыккылы заманда янгур болмай, ашлыклар кголдан чыккыды* 'Урожай погиб, потому что в нужное время не было дождя'.

Отрицательная форма деепричастия на *-май* чаще передает действие, которое не успевает осуществиться до наступления действия, выраженного в главной части: каз. *Бір жыл өтпей, анасы кусадан қайтыс болды* (Нурпеисов, 22) 'Не прошло и года, как мать его умерла от тоски'; ккалп. *Қасқыр жити тартып есикти аша сала, кемпирге умтылып, хэ-демей кемпирди жутып жиберди* 'Волк потянул веревку, распахнул двери, бросился на старуху, и не успела та ахнуть, как он проглотил ее' [ККРСл. 1958, 865]; узб. *Зум ўтмай, у йигит олдида пайдо бўлди* (Аҳмад, 4) 'Не прошло мгновения, он появился перед тем молодым человеком'.

В некоторых тюркских языках (кумыкский, киргизский) названная конструкция выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. кирг. *Алар келбей, көчө албайбыз* 'Пока они не придут, мы не сможем перекочевать' [Мураталиев 1962, 16]; кум. *Гъали, сагъат сегиз битмей, кгарангы болмай* 'Сейчас до тех пор, пока не будет восьми часов (если не будет восьми часов), не наступает темнота' [Джанмавов 1967, 107].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -АРАҚ

Конструкция встречается довольно редко, главным образом в турецком: *Gözlerim yaşararak ve sesim titriyerek ayrılmamızın imkânsızlığını anlatıyordum* 'Глаза мои увлажнились слезами, голос мой дрожал, я говорил о невозможности нашей разлуки' [Кононов 1956, 477].

В чувашском языке трансформант на *-рах* принимает показатель оруд. падежа *на(-арахпа)* и образует конструкцию, выражающую параллельное с главным действие: *Кайт ўсерехне вӑл сӑвӑсем сьрма пикенӗ* (Артемьев, 23) 'Он, когда чуть подрос, стремился писать стихи'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-САН*

Деепричастие на *-сан* распространено в чувашском языке. Употребляется для выражения временного соотношения действий: *Тревога сассине илтсен, вӑл политехнически институт подвалне кӗрсе ларнӑ* (Талвир 1952, 192) 'Когда он услышал сигнал тревоги, он вошел в подвал политехнического института'; *Перрон сине тухсан, Валентина Саванти тӗл пулчӗ* (Там же, 33) 'Когда Валентина вышла на перрон, она встретила Савантея'.

Деепричастие на *-сан* может образовывать абсолютные деепричастные обороты: *Пӑрахут кушран сухалсанах тӗ хама сав тери кичем пулса кайине сисрӗм* (Лазарева 1977, 127) 'Когда пароход скрылся из виду (букв.: из глаз), я почувствовала такую грусть'; *Пуху пӗтсен, Асанов, райком секретарне йӑатма тесе, клуб аяккӗ умне тухрӗ* (Эсхель, 18) 'Когда собрание окончилось, Асанов вышел за дверь провожать председателя'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ҒАЧ*

В кыпчакских языках довольно большое распространение имеет деепричастие на *-ғач*, способное образовывать абсолютные деепричастные обороты: тат. *Язын жир кипкӑч тӑ, авыл мӑктӑбендӑ укмулар тукталды* (Гали 1956, 222) 'Когда весной земля подсохла, занятия в школе приостановились'; узб. *Кун кўтариллиб колгач, Заргар бир чойнақ чой олиб кирди* (Рахим 1962, 120) 'Когда поднялось солнце, Заргар принес чайник с чаем'; башк. *Сӑғәт телдәре тейешле вақытты күрһәткәс, сигнал ракетаһы атылды* (Хәрби повестар, 13) 'Когда стрелки часов показали нужное время, была выпущена ракета'; *Мин мӑктӑнтан сыккас, җар яуа башланы* 'Как только я вышел из школы, повалил снег' [Дмитриев 1948, 248].

Вопрос о происхождении показателя деепричастия *-ғач* до сих пор в достаточной степени не выяснен.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-КЕН*

В тюркских языках как кыпчакского, так и огузского ареала распространены зависимые трансформы с формирующим членом – деепричастием на *-кен*: аз. *Шәрәфоглу влумчул һалда һәрби хәстәханада ятыркан дәүүидән кәз ачмајан Рустам ону укуда билмирди* (Ибраһимов 1966, 96) 'Шарифоглу, лежащего при смерти в военном госпитале, не приходящего в себя после боя, Рустам не мог забыть'; аз. *Садыг киши кәнд мӑктӑбинин янындан кечаркан мӑваллим она яхынлашды* (Меһди 1954, 52) 'Когда Садыг-киши проходил мимо школы, к нему подошел учитель'; гаг. *Ӗлӑ бахаркан денизӑ, ишидилер былытын сеси* (Буджактан, 130) 'Пока смотрел он на море, послышался плеск рыбы'; тур. *Oda kapısını anahtarla açmağa uğraşırken içimde sevince benziyen bir şey, sabırsızlık ve hurs vardı* (Sabahattin 1966, 102) 'Когда я ключом открывал комнатную дверь, во мне было (тво-

рилось) что-то похожее на радость, нетерпение, возбуждение'; *Durakta tramvay beklerken bir kadın yanundaki kadına beni gösterip* (Nesin 1962, 17) 'Когда мы ждали трамвая на остановке, одна женщина показала на меня соседней женщине'; туркм. *Мен курса гелйаркам (гелйөн вагтымда), окувлар яңжа башланярды* (разг.) 'Когда я ехал на курсы, занятия только начинались'; узб. *Мақтабидан озод бўлиб югуриб келаркан, дарров баерига босар, сун натурнон ва ширинликлар барарда* (Ойбек, 32) 'Когда он прибежал, освободившись после школы, она тут же заключала его в объятия и давала молоко, лепешки и сладости'.

По мнению ряда тюркологов, деепричастие на *-кен* восходит к *iken* < *i + ken*, где *i* < *ir* ~ *er* основа глагола 'быть' [Кононов 1956, 484—485].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЫН

В якутском языке существует деепричастие на *-ын*, которое, подобно деепричастию на *-ыл* в других тюркских языках, способно трансформировать потенциально возможные придаточные обстоятельственные предложения: *Оттон советский былаас кэлэн, миһгин кыһыл армеецтар харай-бытара* (Островский, 153) 'Потом советская власть пришла, меня красноармейцы подобрали'.

При создании трансформ тюркские языки широко пользовались приемами создания простого предложения. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что до возникновения трансформ все трансформанты уже находились в составе простого предложения, ср. тат. *Капкадан чыгуга, Тиммербай атларны полный ход жибәрде* (Гали 1956, 236) 'Выехав за ворота, Тиммербай пустил лошадей на полный ход'; *Анына килгэндэ, Жамали үзенең артылаш балчык астында күмелеп ятканын күрде* (Там же, 126) 'Придя в себя, Джамали увидел, что он до половины увяз в грязи'; *Таң этәчләре кычкыра башлагач, Зоягә кереп кунган Казан ямщиклары кузгалып чыга башладылар* (Там же, 213) 'Когда утренние петухи начали петть, ночевавшие у Зои казанские ямщики тронулись'.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЗАВИСИМЫХ ТРАНСФОРМ

Необходимо теперь дать более или менее определенный ответ на извечно спорный вопрос. Действительно ли трансформы, т. е. причастные и деепричастные конструкции, являются придаточными предложениями? Если нет, то как их называть в практике школьного преподавания.

Мы считаем, что эти конструкции не являются придаточными предложениями. Это трансформы. Однако термин "трансформы" многозначен и неудобен на практике. Лучше всего их называть причастными и деепричастными заместителями придаточных предложений.

Некоторые тюркологи, как отечественные, так и зарубежные, стремились во что бы то ни стало выявить здесь специфику, присущую только тюркским языкам. Так возникла теория о наличии в тюркских языках придаточных предложений особого рода – так называемых синтетических придаточных предложений. На самом деле никакой особой специфики здесь нет. Причастные и деепричастные конструкции широко употребля-

ются в самых различных языках мира. Что касается абсолютных оборотов, то они существовали в греческом, латинском, церковнославянском и даже существуют в некоторых современных языках. Сам термин "абсолютный оборот" существует в языкознании по меньшей мере две сотни лет, и приходится удивляться, почему тюркологи не обращали на него никакого внимания.

УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -СИ

Составные компоненты условного периода представляют собой любопытный реликт того древнего состояния, когда два простых предложения соединяются в одно сложное посредством примыкания. Таким образом, условный период не противоречит основной схеме развития тюркского сложного предложения на базе слияния исторически самостоятельных простых предложений.

Однако особенность условного периода состоит в том, что показатель условного наклонения -си логически превратился в связующее подчинительное средство при бессоюзном способе соединения двух предложений. Условное значение формы на -си в условном периоде создается и поддерживается относительным улоблением временных форм в обеих частях этого периода, в котором прослеживаются определенные закономерности. Правда, эти закономерности не строгие, как, например, в латинском языке.

Очевидно, под влиянием синтаксиса классических языков (греческого и латинского) многие авторы тюркских грамматик выделяют три типа условного периода: предположительный случай, реальный случай и нереальный случай [Кононов 1960, 527-531]. Нашей точке зрения больше отвечает схема Н.К. Дмитриева, который полагал, что разделение всех придаточных предложений на реальный и нереальный типы является вполне объективным и правильным для башкирского синтаксиса [1948, 268]. С логической точки зрения, всякое допущение (предположение, возможность) фактически выражает несуществующее и несуществовавшее действие и, таким образом, по своей природе является нереальным.

Реальный случай. Всякий условный период складывается из двух частей, конкретно говоря, — из главного и придаточного предложений. Придаточное предложение выполняет здесь чисто техническую функцию. В нем обычно формулируется условие; и поскольку все сводится только к формулировке самого условия, то придаточное предложение как в реальном случае, так и в нереальном содержит форму на -си.

Реальный случай условного периода отличается от нереального тем, что возможность осуществления действия при данном условии рассматривается как вполне осуществимая, т. е. реальная. Ср. узб. *Планны бажарсак, ёмон бўлмас* (Фулом, 32) 'Если мы выполним план, плохо не будет'. Указание на реальность или нереальность условия содержится в главном предложении.

При реальном условии имеет место следующее распределение временных форм.

1. В придаточном предложении — условная форма наст. времени, в глав-

ном — форма наст., наст.-буд. времени. Ср. аз. *Һәр бир сеп версә чытага кәйнәк олар* (Аталар созу) 'Если каждый нитку даст, голому рубаха будет'; алт. *Малды дыакшы азыразань кирелтезин көп аларынъ* 'Если будешь хорошо кормить скот, получишь много дохода (прибыли)' [Дыренкова 1940₁, 257]; башк. *Кыш каты булһа, мин Әфәлә калам* 'Если зима будет суровая, то я останусь в Уфе' [Дмитриев 1948, 245]; гаг. *Сән бизә гелсән, биз икимиз уроклады үренириз* (Бабоглу, 64) 'Если ты к нам придешь, мы вдвоем будем учить уроки'; каз. *Еңбек етсең ерінбей, тояды, қарның тіленбей?* 'Если будешь упорно трудиться, то твое желание будет всегда удовлетворено' [Саураибаев 1946, 26]; кирг. *Эртең сабак болбосо, биз экскурсияга барабыз* 'Если завтра не будет занятий, мы пойдем на экскурсию' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Мен олуырмен, сен шо атны мага сатмансангъ* 'Я умру, если ты не продашь мне этой лошади' [Дмитриев 1940, 198]; тат. *Сорый белсәң, табалар, итен дә табалар, маен дә, ишкәрән дә* (Фәттаһ 1966, 76) 'Если сумеешь попросить, найдут. И мясо найдут, и масло, и сахар'; тув. *Кузэр болзунза, чугаалар мен* 'Если ты хочешь, расскажу' [ТРСл. 1955, 719]; тур. *Ja şimdi kalksam, gitsem, onu buraksam... böyle hasta tek başına ne yapar?* 'А если я сейчас встану, уйду, оставляю его... такой больной, что он один будет делать?' [Кононов 1956, 527]; туркм. *Эркек оглан болса ашык ойнар, гыйз болса ашык ойнар* 'Если он мальчик, он будет играть в бабки, если же девочка, — в куклы' (Туркм. сказки, 115); узб. *Сизни бир кун кўрмасам, ўзимни қаерга қуйшини билмайман* (Чашмалар, 44) 'Если я тебя не увижу один день, то я не знаю, куда себя девать'; уйг. *Asmandin tushsa sinmas көбрыктin tushsa sinar* 'Если упадет с неба, (то) не сломается, если упадет с моста, то сломается' [Боровков 1935, 165]; хак. *Таньда пулутгы кўн полза нис сомарга парбасныс, аяс кўн полза, парабис* 'Если завтра будет облачный день, то мы не пойдем купаться, а если будет ясный день, то пойдем' [ХРСл. 1953, 453]; шор. *Ас ползам, алтон чыл поларым, көп ползам, четтон чыл поларым* 'Если мало пробуду, шестьдесят лет пробуду, если много пробуду, семьдесят лет пробуду' [Дыренкова 1940₂, 299]; Кутадгу билиг: *Basutçu tälim bolsa, bäg ängämäg* 'Если будет много помощников, то начальник не будет мучиться' [Малов 1951, 271].

2. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма буд. времени. Ср. аз. *Биз ону ичкидән аҗыра билсәк, о бизим сәһнәмизин улдузу олавак* (Наббарлы 1954, 32) 'Если нам удастся сделать так, чтобы он расстался с пьянством, он станет звездой нашей сцены'; гаг. *Хер бу иш олурса верендам* 'Если это удастся, то я отдам (дочь)' [Мошков 1904, 2].

3. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма повелительного наклонения. Ср. аз. *Абыр иствәсән чох демә, Сағлыг иствәсән — чох емә* (Аталар созу, 18) 'Если хочешь иметь репутацию — много не говори, если хочешь здоровья, много не ешь'; алт. *Дыр алдынанг Эрлик чыкса, мени ундубай болушка кычыр* 'Если из-под земли выйдет Эрлик, не забудь меня, кричи на помощь' [ОРСл. 1947, 302]; гаг. *Анан бабан соруса каколарда дейсәнә* (разг.) 'Если спросят твою мать с отцом, скажи: у старших сестер (были)'; кум. *Сен кызырдашынга бара бусанг шоггар шу кагъызны да бере гел хари* 'Если ты идешь к своей сестре, пожалуйста, отдай ей и это письмо' (букв. 'отдав, приходи') [Джан-

мавов 1967, 100]: шор. *Парайын тезе, парзын* 'Если хочет идти, пусть идет' [Дыренкова 1940, 309]; Кутадгу билиг: *Qaraqın jorvq azsa yökñä aly* 'Если слепой собьется с пути, не брани его' [Малов 1951, 250].

Ирреальный случай условного периода обычно показывает, что действие, зависящее от определенных условий, фактически не осуществилось. Характер условия, как и в реальном случае, выражается той же формой на *-са*. В главном предложении показателем нереальности служит так называемая сослагательная форма. По своему происхождению — это будущее в прошедшем, ср. тат. *барыр идем* 'я пошел бы', *азыр идем* 'я взял бы' и т.д. Поскольку эта форма выражает только намерение и фактически не показывает, действительно ли осуществилось предполагаемое действие, то в нереальном условном периоде эта форма получила значение фактического отсутствия действия. Ср. тат. *Адресын белсам, хат язар идем* 'Если бы я знал адрес (его, ее), то написал бы письмо' (разг.). (Фактически письмо не было написано, так как говорящий не знал адреса); каз. *Жаман болса, осыған бір нәрсе айтар еді* (КЕ, 419) 'Если бы он был плохим, то не сказал бы ничего на это; ккалп. *Ханымгулден ош алсам, армансыз болар едим* (Қайыпбергенов, 10) 'Если бы он не сорвал зло на Ханымгуль, то достиг бы заветной мечты'; ктат. *Ja siz benim jerinde olsañız ne japar ediniz* (ЕХ, 22) 'Да, если бы вы были на моем месте, что бы вы делали?'

В главном предложении может быть форма прош. времени условного наклонения: баш. *Вақытым булһа ине мин һиңә күптән килер инем* 'Если бы у меня было время, я бы давно пришел к тебе' [Дмитриев 1948, 268]; тув. *Келбезиңизе, хорадар ийик мен* 'Я бы рассердился, если бы ты не пришел' [ТРСл. 1955, 705].

Однако употребление так называемой сослагательной формы в ирреальном условном периоде не является абсолютным правилом. Турецкий и туркменский языки часто используют в ее значении так называемое будущее в прошедшем. Ср. тур. *Pervin koluma girmeseydi düşecektim* 'Если бы Первин не взяла меня под руку, я упала бы' [Кононов 1956, 530]; туркм. *Егер мен јетишмедик болсамды, онда ол молла Галчыны чейнечекди* 'Если бы я не успел, тогда она (собака) загрызла бы муллу Кылчы' [ГТЯ 1970, 296].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ *-САР*

В ранних памятниках рунического письма, а затем в памятниках уйгурского письма, гораздо реже — арабского письма встречается форма на *-сар*, которая, как и форма на *-са*, образует условный период. В условном периоде, образованном с участием *-сар*, наблюдается то же соотношение употребления временных форм.

Реальный случай. В придаточном предложении употребляется форма наст.-буд. времени.

1. Сказуемое главного предложения стоит в форме наст. времени на *-тачы, -р*. Ср. памятники Монголии XII—XIII в.: (*Тур*) *к бу(дун)...i бу кацаныңда бу бағләріг дә јәріңдә субыңда адырылмасар түрк будун өзүң йдгү көртәчи-сән* 'Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих беков, от своей родины... ты будешь жить счастливо' [Малов 1959, 19, 24]; др.-уйг. *Тиргүдесэр тәңри тиргүдүр, әлүрсэр тәңри әлүрүр — тиддимиз әрсэр* 'Если бы мы сказали — если бог (кого) (захочет)

оживит, он оживит; если бог (кого) умертвит, он умертвит' [Насилов 1963, 111].

2. Сказуемое главного предложения может быть выражено именем с возможной связкой наст. времени. Золотой блеск: *ai ädgiü lärim, m(ü)n öz im tanlasar m(ü)n, bu üngäkim tin idi ozum qutrulqum joq turur* 'О мои дорогие! Если я надоедаю вам своими вопросами, то ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159].

3. В главном предложении может присутствовать связочное образование *ärmis*, вносящее модальные оттенки. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *jingä joqan bolsar, üzgülik alp ärmis* 'Если слабое делается крепким, то то, что может разорвать крепкое, это будет герой' [Малов 1951, 62, 66].

4. В главном предложении сказуемое стоит в форме буд. времени на *-aiü*. Ср. др.-уйг. *Бироқ эшидмәдин ол йолча барсарэн, улуг биқа түшгэйсэн* 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь (непрерменно) в большую яму' [Насилов 1963, 114].

И р р е а л ь н ы й с л у ч а й. Нереальные действия, выражаемые условным периодом, соотносятся с планом прош. времени. Однако сказуемое придаточного условного, выраженное формой на *-сар*, не имеет формальных показателей прош. времени. Ср. рунический памятник хану Могиляну: *Män iniligü бунча баишаю казқамасар, гүрк будун öltäçi әрті, јок болтачы әрті* 'Если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть и совсем уничтожиться' [Малов 1959, 17]; др.уйг. *Улуг күчлүг қутлуг Бодиствалар эрмәсәр, бу йиркә нең тәгмәгәй әрті* 'Если бы не было великого, сильного священного Будды, то он никогда не коснулся бы этой земли' [Насилов 1963, 116].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ *-САН*

Распространена в чувашском языке.

Реальный случай: *Фарәсене сүтатсан, тәшман сисме пултарты* (Алендей, 34) 'Если зажечь фары, неприятель может заметить'; *Салтакла салтак тәл пулсан, сәмах мән, сәмах мән сүнчен пусланасси паллах: мәнле часре, әста, мице сул хуиши салтак пәтти сүни сүнчен каласарсә* (Ухли 1956, 4) 'Если солдат с солдатом встретится, известно о чем будет разговор: будут говорить о том, кто в какой части служил, где и сколько лет'.

Ирреальный случай: *Эпә вәхәтра института вәренме кәнә пулсан, халә әнтә вәренсе тухнә пултатм* 'Если бы я вовремя поступил в институт, теперь уже окончил бы' [МГЧЯ 1957, 207].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Относительно происхождения показателя условного наклонения *-са* высказывалось много различных предположений. Заслуживает внимания попытка связать его с архаичным показателем желательного наклонения, или оптатива. Действительно, в тюркских языках можно найти такие примеры, ср. аз. *Москваја кетсам, ону керсам!* 'Поехать бы мне в Москву, повидать бы ее' [Гаджиева, 1973, 329]; тат. *Эх, шул тойгаларны китап итеп язсалар иде* 'Эх, об этих чувствах написали бы книги' [Там же]; кирг. *Жаңы жаңы тоолорду тапсам* 'Эх! Найти бы мне новые горы' [Мураталиев 1962, 17].

Всякое условие предполагает действие, проецированное в план будущего. Казалось бы, для его выражения лучше всего могла подойти форма буд. времени. Реальный случай фактически выразит предположение, которому говорящий приписывает только большую степень вероятности. Для всякого предположения форма опатива на *-са* была бы более логична и естественна.

В основе формы опатива на *-сар* лежит форма опатива на *-са*, осложненная показателем наст.-буд. времени *-р*. Форма возникла позже, поскольку она имела известные зональные ограничения.

В основе чувашского опатива на *-сам*, вероятно, лежит показатель опатива на *-сын* (тат. *ал-сын* 'пусть он возьмет'). Здесь только другая форма аблаута (*-сам* вм. *-сын*). Опатив на *-сын*, вероятно, существовал уже в эпоху тюркского праязыка, но в чувашском языке утвердилась его форма с аблаутом *а*.

В тюркских языках существует омонимичный формант *-са*, выражающий временные отношения, ср. башк. *Карт өйенә килсә, бер намә лә Калмаган* 'Когда старик вернулся домой, там ничего не осталось' [Дмитриев 1948, 269]; тат. *Пульсын санарга дип кулына сузылсам, бармакларым юеш бернарсага тиде* (Кутуй, 65) 'Когда я протянула руку, чтобы проверить пульс, мои руки наткнулись на что-то жидкое'; узб. *Мен қатта бўлсам, шофер буламан* (Чашмалар, 80) 'Когда вырасту, буду шофером'. Можно предполагать, что показатель *-са* в этих случаях является показателем деепричастия, который генетически не связан с показателем условного наклонения. Деепричастие на *-са* широко распространено в чувашском языке, где оно выражает действие, предшествующее и одновременно протекающее. В других случаях сфера его употребления сильно сократилась, поскольку с ним конкурирует деепричастие на *-ыл*.